

В
Б

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

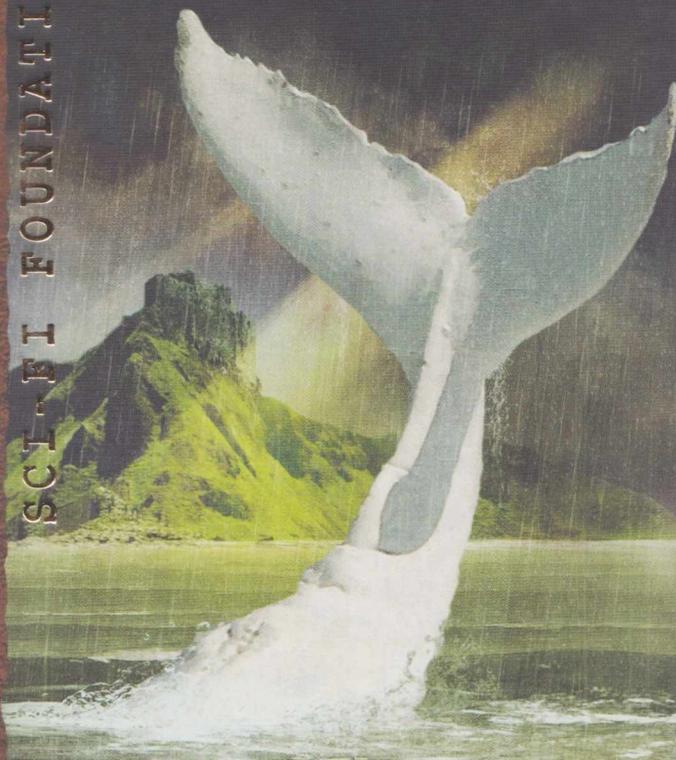
Весь
БРЭДБЕРИ

ЗЕЛЕННЫЕ
ТЕНИ,
БЕЛЫЙ КИТ

Весь
БРЭДБЕРИ

ЗЕЛЕННЫЕ ТЕНИ,
БЕЛЫЙ КИТ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ
SCFBI FOUNDATION

Весь
БРЭДБЕРИ

Весь

БРЭДБЕРИ

«ИРЛАНДСКИЙ ЦИКЛ»

ИРЛАНДСКИЙ ЦИКЛ

Рэй

БРЭДБЕРИ

ЗЕЛЕННЫЕ ТЕНИ,
БЕЛЫЙ КИТ

СЕРИЯ ФАНТАСТИКА

Москва
2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б89

Ray Bradbury

GREEN SHADOWS, WHITE WHALE
Copyright © 2002, 1992 by Ray Bradbury

A WOMAN IS A FAST-MOVING PICNIC
Copyright © 1997 by Ray Bradbury

Брэдли, Рэй.
Б89 Зеленые тени, Белый Кит: Ирландский цикл / Рэй Брэдли ; [пер. с англ. А. Оганяна, Е. Петровой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 416 с. — (Отцы-основатели).

ISBN 978-5-04-097613-3

В 1953 году Рэй Брэдли пригласили в Ирландию. Писать сценарий для экранизации «Моби Дика», которую готовил прославленный режиссер «старого Голливуда» Джон Хьюстон, известный по фильму «Мальтийский сокол». Сценарий был готов, и фильм с Фредди Бекком и Орсоном Уэллсом вышел в 1956 году.

Брэдли искренне полюбил дождливый Зеленый остров и его душевных обитателей. Ирландия и ирландцы стали постоянными героями поэтических рассказов Брэдли. Со временем рассказов стало так много, что они составили целый цикл и Брэдли решил объединить их в один роман. В нем нашлось место историям о работе над сценарием, о зловещих банши и неунывающих ирландцах, об уютных пабах и мрачных замках, о холодном ветре и теплом ветре.

В книгу вошел весь «Ирландский цикл» — роман «Зеленые тени, Белый Кит» и дополняющий его рассказ «Болотные страсти».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© А. Оганян, перевод на русский язык, 2018
© Е. Петрова, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097613-3

**Зеленые тени,
Белый Кит**

С любовью и благодарностью —

КЭТИ ХУРИГАН,

*которая помогла мне расставить
по полочкам Дублин, и не только,*

РЕГИНЕ ФЕРГЮСОН,

*которая заботилась о моей семье
холодной ирландской зимой,*

ГЕКТОРУ ФАБРОНУ,

владельцу отеля «Ройял хайберниен»,

метрдотелю ПЭДДИ

и всему гостиничному персоналу.

Светлой памяти ГЕБЕРА ФИННА,

НИКУ (МАЙКУ),

*моему таксисту, и всем ребятам
из паба посвящаю этот запоздалый букет*

ГЛАВА 1

Я выглянул с палубы парома «Дан-Лэри» и увидел Ирландию.

Земля была зеленая.

Не просто заурядно зеленая, а всех тонов и оттенков. Зелеными были даже тени и блики, игравшие на причале Дан-Лэри и на лицах таможенных инспекторов. И я — молодой американец тридцати лет от роду, страдающий двумя видами депрессии и нагруженный пишущей машинкой, — окунулся в эту зелень.

Узрев свет, траву, холмы, тени, я воскликнул:

— Зеленая! Как на рекламных плакатах. Ирландия — зеленая. Чтоб я сдох! Зеленая!

Молния! Гром! Солнце скрылось. Зелень исчезла. Огромное небо занавесили дожди. Я опешил, чувствуя, как улыбка сползает с моего лица. Седой, заросший щетиной таможенник подал мне знак:

— Сюда! Таможенный досмотр!

— Куда она подевалась? — жалобно сказал я. — Зелень! Она же только что была! А теперь...

— Зелень, говорите?

Инспектор посмотрел на свои часы.

— Она появится, когда выглянет солнце, — заявил он.

— И когда же это произойдет?

Старик перелистал таможенный свод.

— В этих чертовых инструкциях ничего не сказано, когда и где выйдет солнце и выйдет ли оно в Ирландии вообще. — Он воспользовался носом вместо указки. — Вон там есть церковь, поинтересуйтесь у них.

— Я пробуду здесь шесть месяцев. Может...

— ...вы снова увидите солнце и зелень? Есть такая вероятность. Но в двадцать восьмом году дождь лил двести дней. В тот год у нас уродилось грибов больше, чем детей.

— Это факт?

— Нет, слухи. Но в Ирландии ничего другого и не надо: кто-то услышал, кто-то сказал, и дело сделано! Это весь ваш багаж?

Я предъявил пишущую машинку и худющий чемодан:

— Путешествую налегке. Все получилось так быстро. Основной багаж прибудет на той неделе.

— Впервые в Ирландии?

— Нет. Однажды в тридцать девятом я, тогда еще бедный, непризнанный и восемнадцатилетний, прибыл сюда на сухогрузе.

— Что привело вас в Ирландию?

Инспектор послунывил карандаш и приготовился марать им бумагу.

— Безумие, — ляпнул я.

Его карандаш запнулся. Инспектор поднял на меня глаза:

— Для начала просто великолепно. Но что вы хотите этим сказать?

— Сумасшествие.

Довольный, он подался вперед, сгорая от нетерпения.

— И какого характера? — вежливо осведомился он.

— Разновидностей две. Литературная и психологическая. Я здесь для того, чтобы освеживать и выпотрошить Белого Кита.

— Освеживать, — записал он. — Выпотрошить Белого Кита. Это, стало быть, Моби Дика?

— А вы читаете книжки! — воскликнул я, вытаскив из-под мышки эту самую книгу.

— Когда есть настроение. — Он подчеркнул записанное. — Чудовище проживает у нас в доме лет двадцать. Я вступал с ним в единоборство дважды. Оно слишком тяжеловесное, и объемом, и авторским замыслом.

— Да, — согласился я. — Я брался за него десять раз, пока месяц назад меня на это дело не завербовала киностудия. Теперь я должен покончить с ним раз и навсегда.

Инспектор кивнул, смерил меня взглядом с ног до головы и провозгласил:

— Итак, вы прибыли писать сценарий! В Ирландии есть только один киношник. Как его? Высокоченный, с таким помятым обезьяньим лицом,

красивая речь. Сказал: «Больше никогда». Сел на паром, чтобы испытать на себе Ирландское море. Испытал. Изрыгнул из себя обед с завтраком. Как побледнел! Еле удерживал под мышкой Китовую книгу. «Больше никогда!» — кричал. А ты, парень, сможешь одолеть эту книгу?

— Неужто вам это не удалось?

— Кит здесь не пришвартовывался. Так, с литературой понятно. Что вы говорили насчет чего-то там психологического? Вы прибыли понаблюдать, как католики напропалую врут, а унитаристы обнажают грудь?

— Нет-нет, — поспешил я его заверить, вспоминая прошлый приезд сюда, когда стояла жуткая погода. — Между моими погружениями в поисках Кита я собираюсь изучать ирландцев.

— Это и Господу Богу оказалось не под силу. Вам ли с Ним тягаться? Не стоит и пробовать! — Он поднял свой карандаш.

— Ну... — сказал я, натягивая на голову черный мешок, завязывая петлю на шее и нажимая на рычаг, чтобы провалиться в люк. — Простите, но это единственный берег в мире, где я мечтаю высадиться. Он такой таинственный. Ребенком, когда я проходил по ирландскому кварталу на окраине города, ирландцы колошматили меня. А когда они появлялись в нашем квартале, мы колошматили их. Целых полжизни я ломал голову, зачем мы это делали. Я вырос озадаченным...

— Озадаченным? И это все? — вскричал инспектор.

— Да, ирландцы озадачили меня. Я не столько испытываю к ним неприязнь, сколько мучаюсь своим прошлым. Меня не интересуют ни ирландский виски, ни ирландские тенора. Ирландский кофе тоже мне не по нутру. Можно долго перечислять. Я жил с этими жуткими предрассудками и должен от них избавиться. И так как киностудия назначила меня выслеживать Кита в Ирландии, я подумал: «Боже мой, я смогу сравнить действительность со своими предубеждениями. Я должен навсегда извести этого призрака». Можно сказать, — неубедительно закончил я, — что я пришел увидеть ирландцев.

— Нет! *Услышите* нас. Но наш язык не связан с мозгом. *Увидеть* нас? Так нас тут нет, сынок. Мы — там, а может, еще дальше. Можно позаимствовать эти очки?

Он очень деликатно снял с меня очки и надел на себя:

— Э! Да у вас тут стопроцентное зрение!

— Да.

— Нет-нет. Фокус слишком точный. Вам нужно нечто, от чего преломляется свет и получается что-то вроде мглы или тумана, но не дождя. Вот тогда вы увидите, как мы плаваем — чуть не тонем — на спине, как та девица в «Гамлете»...

— Офелия?

— Именно. Бедняжка. Ну! — Он водрузил очки мне на переносицу. — Когда захотите присмотреться к толпе, снимите их, а не то увидите, как мы маршируем налево, вместо того чтобы

повернуть направо. И все равно вам не раскусить ирландцев. Можете зондировать, прощупывать, докапываться. Мы не столько народ, сколько погода. Прорентгеньте нас, вырвите из нас с корнем скелеты, а к утру мы регенерируем. Вы правы во всем, что сказали!

— Прав? — изумился я.

Инспектор в голове составил свой список:

— Кофе? Мы не поджариваем зерна — мы их сжигаем! Экономика? Музыка? Они у нас два в одном. Потому что есть нищие, брэнчащие на расстроенных банджо на мосту О'Коннелла; нищие, волокущие вокруг парка Святого Стефана пианолы, которые звучат как бетономешалки, набитые бритвами. Ирландки? Все ростом три фута, ножки короткие, вместо носов пяточки. Можно на них опереться, можно прикрыться ими от дождя, но чтоб гоняться за ними с серьезными намерениями по болотам... А Ирландия? Самая большая в мире исправительная колония под открытым небом... большой ипподром, где попы играют на тотализаторе, принимают ставки и выплачивают по ним в день Страшного суда. Отправляйтесь-ка домой. Мы вам не понравимся!

— Я не испытываю к вам неприязни...

— Еще испытаете! Послушайте! — Старик перешел на шепот. — Видите эту толпу ирландцев, спешащих покинуть остров, пока он не затонул? Они держат путь в Париж, Австралию, Бостон. До второго пришествия. Вы спросите: зачем вся эта суета с бегством из Ирландии? Ну, если у вас

воскресным вечером выбор: посмотреть фильм тридцать первого года с Гретой Гарбо в кинотеатре «Развеселый», либо помочиться у памятника поэту близ театра «Гейт», либо броситься для развлечения в реку Лиффи со счастливой надеждой утонуть, тогда вам наверняка захочется отсюда смотаться, что они и делают — уйма народу каждый день, с того самого дня, как застрелили Линкольна. Население сократилось с восьми миллионов до трех без малого. Еще один картофельный голод или еще один густой туман, в котором все уложат вещички, на цыпочках переберутся на ту сторону и притворятся филладельфийской полицией, — и Ирландия опустеет. Вы не сказали мне про Ирландию ничего такого, чего бы я не знал!

Я пришел в замешательство:

— Надеюсь, я не обидел вас.

— Было приятно услышать, что вы думаете.

А эта книга, которую вы пишете. Она... порнографическая?

— Я не собираюсь изучать сексуальные привычки ирландцев.

— Жаль. Они остро в этом нуждаются. Ну, Дублин перед вами! Удачи, юноша!

— До свидания... и спасибо!

Старик недоверчиво покосился на небо:

— Ты слышал? Он сказал спасибо.

Я побежал и растворился в молниях, громе и тьме. Где-то в вечерних сумерках играла расстроенная арфа.

ГЛАВА 2

Я сошел с поезда, который привез меня на пароме, проехал на такси по залитым дождем улицам и наконец вселился в отель «Ройял хай-берниен», потом позвонил в Килкок узнать, могу ли я встретиться с самим дьяволом, как выразился служащий в регистратуре, передавая мой багаж носильщику, а тот поднялся со мной в трясучем лифте в номер, чтобы поставить мои чемоданы там, где у них «не прорастут корни», и отшатнулся от меня, словно не увидел моего отражения в зеркале.

— Сэр, — спросил он, — а вы, наверное, какой-нибудь известный писатель?

— Наверное, — ответил я. — Что-то вроде.

— Ммм... — Носильщик почесал в затылке. — Я тут наводил справки в пабе, в вестибюле, на кухне — никто про вас слухом не слыхивал.

У двери он обернулся.

— Не беспокойтесь, — заверил он меня, — ваша тайна в надежных руках.

Дверь тихонько затворилась.

Я вдруг почувствовал, что с ума схожу по Ирландии или по Китаю. Не зная точно, по чему именно, я взял такси, которое зигзагами поехало по улицам, забитым десятками тысяч велосипедов. Мы взяли курс на запад вдоль реки Лиффи.

— Как поедем, длинным путем или коротким? — осведомился водитель. — В объезд или напрямик?

— Напрямик...

— Так дороже, — перебил меня таксист. — Длинным — дешевле. Поболтаем! Вы разговариваете? К концу поездки я настолько расслабляюсь, что забываю про чаевые. К тому же я — карта, атлас и путеводитель по Лиффи и окрестностям. Ну так как?

— Длинным.

— Длинным так длинным!

Он ударил по газу, словно нужно было разбудить педаль, сбрил кожу с десятка велосипедистов и помчался, следуя извилам Лиффи, пересекая воздух. И все это только для того, чтобы услышать, как зачихал и сдох мотор, когда до Килкока было уже рукой подать.

Мы заглянули в зияющую могилу давно почившего мотора. Мой шофер поигрывал кувалдой, раздумывая, не добить ли двигатель, чтоб не мучился, потом открыл багажник, извлек оттуда велосипед и протянул мне. Я его не взял, и тот грохнулся наземь.

— Ну что вы, что вы. — Он снова протянул мне велосипед. — Вам совсем недалеко осталось. Вот по этой дороге. — И встряхнул его. — Залезайте.

— Я уже давно...

— Руки вспомнят, сиделище привыкнет. Садитесь.

Я сел, глаза на мертвый автомобиль и его беззаботного хозяина.

— Что-то не похоже, что вы расстроены.

— Машины как женщины, надо только узнать, как они заводятся. Катитесь. Под горку. Осторожно. Тормоза на нем еще те.

— Спасибо! — прокричал я, уносимый велосипедом вдаль.

ГЛАВА 3

Через десять минут я остановился на гребне подъема и прислушался.

Кто-то насвистывал и напевал «Молли Малоун». На холме, жутко вихляя, крутил педали пожилой человек на велосипеде ничем не лучше моего. На самом верху он свалился и остался лежать рядом с велосипедом.

— Старина, ты уже не тот, каким был раньше! — воскликнул он и пнул ногой шины. — Вот так и валяйся тут, зверюга!

Не обращая на меня внимания, он достал бутылку. Приложился к ней философски, затем подержал вверх дном, чтобы последняя капля скапала ему на язык.

Наконец я заговорил:

— Похоже, нас обоих постигла та же участь. Что-нибудь случилось?

Старикан уставился на меня:

— Уж не голос ли американца я слышу?

— Да. Могу ли я вам помочь?..

Старик указал на пустую бутылку:

— Помощь бывает разная. Пока я забирался в гору, меня осенило, что ведь нам обоим, мне и этому чертову драндулету, по семьдесят лет.

Тут он слегка ткнул в велосипед.

— Поздравляю.

— С чем? Что дышу? Так это привычка, а не заслуга. Позвольте спросить, чего это вы так на меня таращитесь?

Я отпрянул:

— Э-э... есть ли у вас родственник в доках на таможне?

— А у кого нет? — Хватая ртом воздух, он потянулся к велосипеду. — А-а, минутный отдых, и мы со зверь-машиной уже в пути. Мы не знаем, куда держим путь. Я и Салли — так зовут велосипед, видите ли, — каждый день выбираем дорогу и едем по ней.

Я попытался пошутить:

— А ваша матушка знает, что вы здесь?

Старик словно опешил:

— Странно, что вы об этом заговорили! Да, знает. Ей девяносто пять, знай лежит себе на кушетке! Я сказал: «Мам, я уезжаю на целый день. Оставь виски в покое. Ты же знаешь, что я так и не женился».

— Извините.

— Сначала вы поздравляете меня по случаю моей старости, теперь сожалеете, что я холостяк. Сразу видно, вы не знаете Ирландии. Быть ста-

рым и холостым — одно из наших важнейших занятий. Понимаете, мужчина не может жениться без собственности. Вы дожидаетесь, пока ваших родителей призовут на выход, наследуете их собственность и только потом ищете жену. Игра такая, кто кого переживет. А я еще женюсь.

— В семьдесят?!

Старик весь сжался в комок:

— С доброй женой у меня будет двадцать лет хорошей семейной жизни даже в таком преклонном возрасте. Сомневаетесь? — просверлил он меня взглядом.

— Нет.

Старик расслабился:

— Ну ладно. А что вам понадобилось в Ирландии?

Меня вдруг бросило в жар:

— На таможене мне посоветовали пристально присмотреться к этой стране, погрязшей в нищете, стонущей от поповского засилья, вымоченной дождями и утопающей в слякоти, в этой...

— Господи боже! — воскликнул старик. — Да вы писатель!

— Как вы догадались?

Старик фыркнул, жестикулируя:

— Вся страна ими кишит. В Корке писатели ворочают камни, в Киллашандре — бродят по болотам. Помяните мое слово, настанет день, когда на каждое человеческое существо будет приходиться по пять писателей!

— Да, я действительно писатель. Прошло несколько часов, как я сюда прибыл, и мне уже кажется, что солнца не было тыщу лет, а только ливни, холод, блуждание по дорогам. Мой режиссер дожидается меня где-то. Вот бы добраться до этого места. Но я, как говорится, без задних ног.

Старик наклонился ко мне:

— Вам что, уже здесь разонравилось? Свысока смотрите?

— Ну...

Старик отмахнулся:

— Почему бы и нет? Всем нужно смотреть на кого-то свысока. Вы смотрите свысока на ирландцев. Ирландцы — на англичан, а те — на весь мир. В конце концов все потом улаживается. Думаете, меня раздражает выражение вашего лица, на котором написано, что вы приехали проверить наше дыхание и убедиться, что оно кислое, измерить наши тени и убедиться, что они короткие? *Нет!* Я же и помогу вам раскусить нашу треклятую страну. Идемте туда, где вы сможете стать свидетелем жуткого события, кошмарной сцены. Туда, где встречаются парки и норны. На истинную родину ирландцев... А-а, до чего же вы ее возненавидите! И все же...

— Все же?

— Прежде чем уехать, вы полюбите нас всех. Мы неотразимы. И знаем это. В этом-то и вся беда. Оттого что нам это известно, мы становимся еще невыносимее, а это, в свою очередь, за-

ставляет нас лезть из кожи вон, чтобы стать еще неотразимее. Вот так мы и гоняемся за своим хвостом по всей стране, ничего при этом не выигрывая и ничего не теряя. Вот! Видите ту процессию из безработных, топающих по дороге в дырявых лохмотьях?

— Да.

— Это первый круг ада! А видите тот молодец на велосипедах со слутыми шинами и колесами без спиц, крутящий педали босыми ногами под дождем?

— Да.

— Это второй круг ада!

Старик замолчал.

— А там... можете прочесть? Третий круг!

Я прочитал вывеску:

— «У Гебера Финна»... да это же паб!

Старик изобразил удивление:

— Действительно, пожалуй, вы правы. Идемте, я познакомлю вас со своей... семьей.

— Семейей? Вы же говорили, что не женаты!

— Так и есть. И все равно — вперед!

Старик хорошенько стукнул по двери. И мы оказались в баре: сверкающие краны и с десятков встревоженных лиц резко обернувшихся к нам посетителей.

— Ребята, это я, — возвестил старик.

— Майк! Ну ты и напугал нас! — сказал один.

— А мы подумали, может, случилось чего! — сказал второй.

— Может, и случилось, по крайней мере для него. — Майк хлопнул меня по локтю. — Что будешь пить, парень?

Я осмотрелся вокруг, хотел сказать «вино», но вместо этого ляпнул:

— Виски, пожалуйста.

— Давай мой «Гиннесс», — сказал Майк. — Теперь познакомимся со всеми. Вот Гебер Финн, он владеет пабом.

Финн протянул мне виски:

— Скорее тем, что от него осталось после того, как его прозакладывали три-четыре раза.

Майк двигался дальше, показывая пальцем:

— Это О'Гейвин, у него самые шикарные болота во всем Килкоке, он добывает торф, чтоб не гас огонь в ирландских очагах. Он искусный охотник и рыболов, как в сезон, так и в межсезонье.

О'Гейвин кивнул:

— Я браконьерствую. На воде и на суше.

— Вы честный человек, мистер О'Гейвин, — сказал я.

— Нет, — сказал О'Гейвин. — Как только я найду работу, я покончу с этим.

Майк повел меня дальше:

— Следующий — Кейси, может подковать твоего коня.

— Кузнец, — сказал Кейси.

— Починить спицы твоего велодрена.

— Веломеханик, — сказал Кейси.

— Отрегулировать свечи твоего драндулета.

— Автослесарь, — сказал Кейси.

Майк двинулся дальше:

— А это Келли, наш торфяной учетчик!

— Мистер Келли, вы ведете учет торфа, добытого мистером О'Гейвином на болоте?

Все засмеялись, и Келли сказал:

— Это распространенное туристское заблуждение. Так мы называем беговые дорожки. Я эксперт по скачкам. Я развожу лошадей...

— Он распространяет билеты на тотализаторе! — выкрикнул кто-то.

— Букмекер, — сказал Финн.

— Но «торфяной учетчик» звучит солиднее, не правда ли? — спросил Келли.

— В самом деле! — ответил я.

— А вот Тималти, знаток искусства.

Я пожал ему руку:

— Знаток искусства?

— Я до такой степени насмотрелся на марки, что у меня теперь глаз наметан на живопись, — объяснил Тималти. — Вообще-то я почтмейстер.

— А это Кармайкл, который в прошлом году воцарился на местной телефонной станции.

Кармайкл, вязавший что-то на спицах, откликнулся:

— Моей жене нездоровится, она все никак не поправится. Да поможет ей Бог! Я дежурю здесь, по соседству.

— А теперь скажи нам, сынок, — поинтересовался Финн, — что тебя гложет?

— Кит. И... — сказал я, выдержав паузу, — Ирландия!

— Ирландия?! — вскричали все.

Майк разъяснил:

— Он писатель, увяз в Ирландии и не в состоянии понять ирландцев.

В наступившей тишине кто-то произнес:

— Мы и сами не понимаем!

Раздался хохот. Мистер О'Гейвин наклонился вперед:

— А чего конкретно вы не понимаете?

Майк вмешался, чтобы предотвратить хаос:

— Правильнее сказать — недооценивает. Пребывает в замешательстве. Поэтому я отправляюсь с ним на большую экскурсию по самым жутким местам и горьким истинам. — Он умолк и повернулся ко мне: — Ну вот и познакомились, сынок.

— Майк, вы пропустили одного. — Я кивнул на перегородку в конце бара. — Вы не познакомили с... ним.

Майк присмотрелся и спросил:

— О'Гейвин, Тималти, Келли, вы кого-нибудь там видите?

Келли посмотрел туда:

— Не видим.

Я показал:

— Ну вот же. Ясно как божий день! Человек...

Тут встрял Тималти:

— Послушай, янки, не нарушай вселенское равновесие. Ты видишь эту перегородку? Суще-

ствует незыблемый закон, по которому всякий, кому хочется немного покоя и тишины, испаряется, автоматически превращается в невидимку, пустое место, ничто, как только окажется за этой перегородкой.

— Это факт?

— Во всяком случае, в Ирландии достовернее не бывает. То пространство, размером два фута на один, считается более сокровенным, чем исповедальня. Туда человек может уйти, если ему надо вскормить свою душу без лишних разговоров и суеты. Так что, каковы б ни были намерения, пока он сам не снимет с себя обет молчания, этот закут считается необитаемым — там никого нет!

Все закивали, гордясь словами Тималти.

— Молодец, Тималти. А теперь допивай свой стакан, парень, будь начеку, стой наготове, смотри в оба! — сказал Майк.

Я стал смотреть на мглу, которая клубилась, просачиваясь сквозь дверь.

— Зачем начеку?

— Затем, что там, в тумане, всегда таятся Крупные События. — Голос Майка зазвучал таинственно. — Как исследователь Ирландии, не позволяй, чтобы хоть что-то осталось необъясненным.

Он вперился в темноту:

— Может произойти что угодно... и всегда происходит.

Он глотнул туману и замер:

— Тсс! Слышали?

Вдали раздалось глухое шарканье ног, тяжелое дыхание, которое становилось все ближе, ближе, ближе!

— Что?.. — спросил я.

Майк смежил веки:

— Тсс! Слушай... Да!

ГЛАВА 4

Снаружи по ступенькам прогремел пьяный топот ботинок. Настежь распахнулись створки дверей. Внутрь, пошатываясь, ввалился изувеченный человек, обхватив кровавыми руками окровавленную голову. От его стоны у каждого посетителя в баре пробежал мороз по коже. Некоторое время слышалось только, как лопаются пузырьки пены в узорчатых кружках; все лица — бледные, румяные, пунцовые, с паутинками капилляров — обернулись к незнакомцу. Над каждым глазом дрогнуло веко.

Мужчина в изорванной одежде стоял, раскачиваясь из стороны в сторону, с глазами навыкате и дрожащими губами. Присутствующие сжали кулаки. «Ну?! — беззвучно кричали они. — Давай же, говори! Что стряслось?»

Незнакомца сильно качнуло вперед.

— Авария! — прокричал он. — Авария на дороге!

Тут у него подкосились колени, и он рухнул на пол.

— Авария!

Человек десять кинулись к нему.

— Келли! — Голос Гебера Финна сотрясал бар. — Беги на дорогу. И поосторожнее там, один раненый у нас уже есть. Не суетись. Джо, беги за доктором.

— Погоди! — раздался негромкий голос.

Из отдельной клетушки в темном конце бара, где лучше всего погружаться в философские размышления, на толпу шурился темноволосый мужчина.

— Доктор! — воскликнул Гебер Финн. — Вы были тут все это время!

— Ладно, помолчи! — закричал доктор и поспешно скрылся в темноте, а с ним еще несколько человек.

— Авария... — Уголок рта у лежавшего на полу задергался.

— Полегче, ребята.

Гебер Финн и двое других бережно уложили пострадавшего на стойку бара. Он лежал на инкрустированном дереве, прекрасный, как смерть. В граненом зеркале маячили сразу два ужасных отражения.

Снаружи, на ступеньках, толпа застыла в оцепенении, словно в сумерках океан поглотил Ирландию, а теперь обступает их со всех сторон. В гигантской дробилке туман перемолол и загасил луну и звезды. Чертыхаясь, все ошалело ринулись вперед, чтобы кануть в пучину.

Я стоял у них за спиной, в ярко освещенном дверном проеме, лишь бы не оказаться втянутым в это действие, которое смахивало на сельский ритуал. С того самого момента, как я оказался в Ирландии, меня преследовало ощущение, будто я проживаю на театральной сцене «Эбби-театра». И теперь, не зная своей роли, я мог только тарашиться на бегущих.

— Но, — неуверенно возразил я, — на дороге не было слышно шума машин.

— Разумеется, — чуть ли не с гордостью отвечал Майк.

Из-за артрита он не мог спуститься ниже верхней ступеньки, топтался на месте и кричал в белесые глубины, поглотившие его приятелей:

— Перекресток обшарьте! Вечно там сталкиваются!

— Перекресток!

Раздался топот гулких шагов, далеких и близких.

— И шума аварии не было слышно, — сказал я.

Майк презрительно фыркнул:

— По части шума со скрежетом мы отстаем. Но авария все равно есть, достаточно туда сходить. Только не беги. Тьма-тьмущая, черт ногу сломит! А то налетишь сослепу на Келли — он носится как угорелый. Или наткнешься на Фини — этот если налакается, то дороги не разбирает, а что там на ней — тем более. Финн, фонарь есть?

От него мало толку, парень, но все равно возьми. Ступай, слышишь?

Я на ощупь двинулся сквозь туман и, окунувшись во тьму, окружавшую Финнов паб, пошел на грохот башмаков и хор голосов, что раздавались впереди. Пройдя сотню ярдов навстречу бесконечности, я услышал приближение людей, которые переговаривались сиплым шепотом:

— Осторожней!

— А, черт!

— Не растрясси его!

Меня отбросила в сторону пышущая паром кучка людей, которые внезапно вынырнули из тумана, неся над головами некий помятый предмет. Я успел заметить бледное, окровавленное лицо, потом кто-то выбил у меня из рук фонарик.

Инстинктивно, чуя вдали сияющий, как виски, Финнов паб, похоронная процессия устремилась в знакомую надежную гавань.

Сзади замаячили тени и послышался леденящий душу стрекот насекомых.

— Кто там? — крикнул я.

— Мы, с велосипедами, — прохрипел кто-то. — Авария все-таки.

Луч фонарика упал на идущих. Я вздрогнул. И тут села батарейка.

Но я успел различить двоих деревенских парней, без труда сжимавших под мышками два дряхлых черных велосипеда без передних и хвостовых огней.

— Что?.. — проговорил я.

Но они прошли мимо, унося с собой происшествие. Туман поглотил их. Я, покинутый, стоял один на пустой дороге, с дохлым фонарем.

Когда я открыл дверь паба, оба «тела», как они их называли, были уже распростерты на стойке бара.

Толпа, собравшаяся не выпивки ради, преградила путь врачу, и ему пришлось боком протискиваться от одной жертвы ночной езды влепую по мглистым дорогам к другой.

— Один — Пэт Нолан, — прошептала Майк. — Остался без работы. Другой — мистер Пиви из Мэйнута, торговец сигаретами и сладостями. — Он повысил голос: — Так они мертвы, доктор?

— Может, помолчите?—Доктор смахивал на скульптора, который никак не справится с композицией из двух мраморных фигур в натуральную величину. — Положите одного на пол.

— На полу очочурится, — сказал Гебер Финн. — Внизу ему смерть. На стойке лучше, мы тут теплого воздуха надышали.

— Но, — тихо сказал я в замешательстве, — я никогда не слышал про такие аварии. Вы уверены, что обошлось без машин? Всего лишь эти двое на велосипедах?

— Всего лишь? —вскричал Майк. — Да на велосипеде, если постараться, можно разогнаться до шестидесяти километров в час, а под горку, на длинном спуске — до девяноста, а то и девяно-

ста пяти! Вот они и неслись, без передних и задних фар...

— Но это же запрещено законом!

— Не хватало еще, чтобы правительство совало нос в нашу жизнь! Так вот, несутся эти двое, без фар, из одного города в другой, словно удирают от смертного греха. Навстречу друг другу, но по одной и той же стороне дороги. Говорят, всегда нужно ездить по встречной полосе, так, мол, безопасней. Вот и полюбуйтесь, до чего их довела эта официальщина. Люди гробятся! Как? Разве непонятно? Один по правилам ездил, а другой — нет. Лучше бы им там, наверху, помалкивать! А то вот лежат эти двое и концы отдают.

— Концы отдают? — вздрогнул я.

— А ты прикинь! Что мешает двум крепким парням, что мчатся очертя голову, один из Килкока в Мэйнут, другой из Мэйнута в Килкок, столкнуться лбами? Туман! И ничего больше! Только туман стоит на их пути, не давая их черепушкам врезаться друг в друга. А когда они сталкиваются на перекрестке, происходит то же, что в кегельбане. Бах! Кегли разлетаются! Вот и они подлетают футов на девять, кувыркаясь в воздухе голова к голове, как милые дружки, а их велосипеды сцепились, словно два кота. Потом все это обрушивается наземь и лежит, дожидаясь прихода ангела смерти.

— Но ведь они же не...

— Ты так думаешь? В прошлом году не было в ирландском свободном государстве ночи, чтобы хоть кто-нибудь не загнулся в какой-нибудь чертовой аварии!

— Ты хочешь сказать, в год погибает три с лишним сотни ирландских велосипедистов?

— Святая и горькая истина.

— Я никогда не разъезжаю по ночам на велосипеде. — Гебер Финн смотрел на тела. — Только пешком.

— Ну так треклятые велосипедисты на тебя наезжают! — сказал Майк. — На колесах ли, пешком ли, все равно какой-нибудь недоумок гонит тебе навстречу. Да они скорее тебя пополам перережут, чем поздороваются. О, какие смельчаки превращались в дряхлые развалины, калечились или хуже, а потом всю жизнь мучились головными болями. — Майк вздрогнул, зажмурившись. — Можно подумать, человеку не по силам управиться с таким мощным и хитрым механизмом.

— Триста смертей в год? — изумился я.

— Это не считая тысяч «ходячих раненых» каждую пару недель, которые, проклиная все на свете, забрасывают велосипед в болото и на государственную пенсию зализывают свои бесчисленные болячки.

— Так о чем мы тут болтаем? — Я беспомощно кивнул на пострадавших. — Где больница?

— В безлунную ночь, — продолжал Гебер Финн, — надо ходить полями, а дороги — ну их к черту! Вот так я и дожил до пятого десятка.

— А-а...

Раненые зашевелились.

Доктор, почувствовав, что слишком долго держит зрителей в неведении и публика уже начинает расходиться, резко поднялся, разом приковав к себе внимание, и произнес:

— Итак!

Мгновенно воцарилась тишина.

— У одного, — ткнул пальцем врач, — синяки, ссадины и две недели жутких болей в спине. А у другого... — Он поморщился, уставившись на второго: тот был бледнее и выглядел так, словно его собрали в последний путь, наложили грим и нарумянили щеки. — Сотрясение мозга.

— Сотрясение!

Прошелестел и утих легкий ветерок.

— Его можно спасти, если срочно доставить в мэйнутскую клинику. Кто вызовется отвезти его на своей машине?

Все как один повернулись к Тималти. Я вспомнил, что у дверей припарковано семнадцать велосипедов и только один автомобиль.

— Я! — вызвался Тималти. — Другой-то машины нет!

— Вот! Доброволец! Взяли пострадавшего — осторожно! — и несем в принадлежащий Тималти драндулет!

Они уже собрались было поднять раненого, но замерли, когда я кашлянул. Я обвел рукой присутствующих и поднес к губам собранные стаканчиком пальцы. Все в легком замешательстве уставились на меня. В заведении, где стойки бара текут пенные реки, такой жест — редкость.

— На дорожку!

Теперь даже более удачливый из двух, внезапно оживший, с физиономией, похожей на сыр, обнаружил, что держит кружку. Ее вложили туда заботливые руки со словами:

— Ну давай... рассказывай...

— Что случилось, а?

— Пошлите... — простонал потерпевший, — пошлите за отцом Лири. Я хочу, чтобы меня соборовали!

— Сейчас приведем!

Нолан вскочил и побежал.

— Пусть моя жена, — просипел пострадавший, — позовет на мои поминки моих трех дядьев и четырех племянников, моего деда, Тимоти Дулина, и всех вас!

— Пиви, ты всегда был парень что надо!

— Дома, в моих лучших ботинках, спрятаны две золотые монеты, чтобы прикрыть мне глаза! На третий золотой купите мне приличный черный костюм!

— Считаю, что все сделано!

— И чтобы виски — рекой. Я сам буду покупать!

У дверей послышался шорох.

— Слава богу! — закричал Тималти. — Это вы, отец Лири. Святой отец, нужно поскорее соборовать по высшему разряду!

— Ты еще будешь указывать, что мне делать! — сказал священник в дверях. — Будет вам соборование. Давайте сюда пострадавшего! Мы его вмиг!

Пострадавшего под одобрительные возгласы подняли на руки и бегом понесли к выходу, где священник регулировал движение.

Одно тело покинуло стойку бара, предвкушаемые поминки не состоялись, и зал опустел, остались только я и доктор, реанимированный велосипедист и двое приятелей, в шутку тузящих друг друга. Было слышно, как все гурьбой укладывают тяжело раненного в аварии человека в машину Тималти.

— Допивай, — посоветовал доктор.

Но я стоял и растерянно смотрел на очухавшегося велосипедиста, сидевшего в ожидании, когда возвратятся остальные и начнут ходить вокруг да около него; смотрел на залитый кровью пол, на две «машины», прислоненные к стене у двери, словно театральные реквизиты, на немыслимый туман и тьму; вслушивался, как голоса то повышаются, то стихают в зависимости от индивидуальных особенностей глотки и обстоятельств.

— Доктор, — услышал я свой голос, кладя монетки на стойку, — часто у вас случаются ав-

тоаварии, когда сталкиваются люди в автомобилях?

— Только не в нашем городе! — Доктор скорбно кивнул на восток. — Если ты любитель таких вещей, езжай за этим в Дублин!

Он пересек паб и взял меня под руку, словно собирался поделиться какой-то тайной, которая может еще изменить мою судьбу. Ведомый врачом, я чувствовал, как внутри переливается крепкий портер, с чем приходилось считаться.

Доктор шептал мне на ухо:

— Послушай, сынок, ведь ты не так уж много ездил по Ирландии, верно? Тогда слушай! В таком тумане в Мэйнут лучше гнать велосипед на полной скорости! Чтоб лязг на всю округу! Почему? Чтоб коровы и велосипедисты — с дороги врассыпную! Поедешь медленно — будешь косить десятками, прежде чем они догадаются, в чем дело. И еще: увидишь велосипед, сразу гаси фары, если, конечно, они у тебя действуют. Безопаснее разъехаться с выключенными фарами. Сколько глаз навсегда закрылось из-за проклятых фар, сколько невинных душ загублено! Теперь понятно? Две вещи: скорость и гасить фары, как только увидишь велосипед!

В дверях я кивнул. У меня за спиной пострадавший, устроившись поудобнее на стуле, смаковал портер и, взвешивая каждое слово, потихоньку заводил свой рассказ:

— Так вот, еду я домой, довольный жизнью, качу себе под горку, и тут на перекрестке...

Снаружи доктор отдавал мне последний наказ:

— Обязательно надевай кепку, если выходишь ночью на дорогу. Чтоб голова не трещала, если столкнешься с Келли, или Мораном, или еще с кем из наших. Они-то толстолобые с рождения, да еще если наклюкаются. Они опасны, даже когда ходят пешком. Так что для пешеходов в Ирландии тоже есть правила, и первое — не снимать кепку!

Я не задумываясь достал коричневое твидовое кепи и надел. Поправляя кепи, я взглянул на клубящуюся ночную мглу. Прислушался к притихшей обезлюдевшей дороге, которая на самом деле не такая уж тихая. На сотни непроглядных ирландских миль вокруг я увидел тысячи перекрестков, затянутых тыщей густых туманов, а на них — сонмы летящих по воздуху видений, от которых разит «Гиннессом», в твидовых кепках и серых шарфах, распевающих и горлающих песни.

Я моргнул. Видения исчезли. Дорога замерла в ожидании, опустевшая и темная.

Глубоко вздохнул, зажмурился, натянул на уши кепи, оседлал свой велосипед и покатил по противоположной стороне дороги навстречу здравому смыслу, найти который мне было не суждено.

ГЛАВА 5

Я постучал, и дверь широко распахнулась.

Мой режиссер стоял в сапогах и рейтузах для верховой езды. Из демонстративно расстегнутого ворота его шелковой рубахи выглядывал эскотский шейный платок. Увидев меня, он вытаращил глаза. Его обезьяний рот приоткрылся на несколько дюймов, и из легких вырвался сдобренный алкоголем воздух.

— Чтоб я сдох! — воскликнул он. — Это ты!

— Я, — смиренно признался я.

— Опаздываешь! Ты в порядке? Что тебя задержало?

Я показал на дорогу за спиной и сказал:

— Ирландия.

— Боже. Тогда понятно. Добро пожаловать!

Он втащил меня внутрь. Дверь захлопнулась.

— Выпить хочешь?

— Еще как, — вырвалось у меня, затем, услышав свой новоприобретенный ирландский говор, я учтиво ответил: — Да, сэр.

Пока Джон Хьюстон, его жена Рики и я сидели за обеденным столом, я пристально разглядывал убиенных птичек на теплом блюде, со свернутыми шеями и полузакрытыми глазками-бусинками, потом сказал:

— Можно предложить?

— Валяй, парень.

— Речь о парсе Федалле, персонаже, который проходит по всему роману. Он портит «Моби Дика».

— Федалла? А, этот! Ну и?..

— Ты не против, если мы прямо сейчас, за бокалом вина, отдадим самые лучшие строки Ахаву и выбросим Федаллу за борт?

Мой режиссер поднял свой бокал:

— Да будет так!

Снаружи погода стала проясняться, трава пышнела и зеленела в темноте за французскими окнами. Наконец-то я здесь, я заполучил эту работу, я лицезрею своего кумира и воображаю, какие фантастические перспективы открываются предо мной в качестве сценариста на службе у гения. От этих мыслей по всему моему телу разливалось тепло.

В какой-то момент за обедом возникла тема Испании, почти мимоходом, или, может, Джон сам упомянул о ней.

Я заметил, как Рики вся сжалась и перестала есть. Она вяло ковырялась в тарелке, пока Джон разглагольствовал про Хемингуэя и корриду, Франко и путешествия в Мадрид, в Барселону и обратно.

— Мы там были месяц назад, — сказал Джон. — Тебе определенно нужно туда съездить, малыш, — сказал он. — Прекрасная страна. Замечательный народ. Двадцать тяжких лет, но они встают на ноги. Кстати, у нас там случилось маленькое происшествие. А, Рики? Небольшое недоразумение.

Рики стала подниматься из-за стола с тарелкой в руке, и нож со звоном упал на стол.

— Почему бы тебе не рассказать нам об этом, дорогая? — спросил Джон.

— Нет, я... — промямлила Рики.

— Расскажи нам, что приключилось на границе, — сказал Джон.

Его слова прозвучали настолько властно, что Рики села и, немного помолчав, чтобы справиться со своим дыханием, начала говорить:

— Мы возвращались из Барселоны, и нам повстречался испанец без документов, который хотел попасть во Францию, и Джону вздумалось провезти его тайком через границу в нашей машине под ковром на заднем сиденье, мол, ничего страшного, и испанец сказал: «О, будьте так любезны», а я говорю, боже мой, если пограничники разнюхают и поймают нас, то задержат, может, даже посадят в тюрьму, а вы знаете, какие там тюрьмы, сидишь там днями, неделями, а может, вечно, и тогда я сказала «нет, ни в коем случае», а испанец умолял, а Джон говорил, что это дело чести, что мы должны это сделать, помочь этому бедному человеку, а я сказала, что очень сожалею, но не собираюсь ставить под удар детей, что если меня посадят, а дети попадут в чужие руки на множество часов и дней, то кто им объяснит, а Джон настаивал, ну, короче, получилась ссора...

— Все очень просто, — сказал Джон. — Ты перетрусила.

— Ничего подобного, — возразила Рики, подняв глаза.

— А я говорю, ты сдрейфила, — сказал Джон, — ясно как божий день. Пришлось оставить бедного сукина сына, потому что у моей жены не хватило мужества перевезти его.

— А откуда ты знаешь, что он не преступник, Джон? — сказала Рики. — Какой-нибудь беглый политический, и тогда бы нас улекли навечно...

— Все равно струсила. — Джон раскурил сигару и подался вперед, сверля глазами жену, сидевшую на дальнем конце стола, за много миль. — Мне претит сама мысль, что я женат на женщине, начисто лишенной смелости. А тебе, малыш, не было бы противно?

Я откинулся на спинку стула, с полным ртом пищи, которую не мог ни прожевать, ни проглотить.

Я взглянул на своего гениального работодателя, потом на его жену, затем снова на Джона и снова на Рики.

Она опустила голову.

— Трусиха, — сказал Джон в последний раз и выпустил дым.

Я смотрел на умерщвленную птицу, что лежала на моей тарелке, и мне вспомнился один случай, который, казалось, остался в далеком прошлом.

В августе я, очарованный, забрел в книжный магазин на Беверли-Хиллз в поисках издания «Моби Дика» малого формата. Экземпляр, который был у меня дома, оказался слишком гро-

моздким для путешествий. Мне нужно было нечто компактное. Я поделился с хозяином магазина мыслями о том, как это здорово — писать сценарии и странствовать.

Пока я восторгался, некая женщина в углу магазина повернулась ко мне и отчетливо произнесла:

«Не отправляйтесь в это путешествие».

Это был Илия у трапа «Пекода», предостерегающий Квикега и Измаила не ходить с Ахавом в кругосветное странствие, ужасное и безнадежное предприятие, из которого никто не вернется.

«Не уезжайте», — повторила таинственная женщина.

Я пришел в себя и спросил:

«Кто вы?»

«Бывшая подруга режиссера и бывшая жена одного из его сценаристов. Я знаю их обоих. Боже, как бы я хотела их не знать. Они оба монстры, но ваш режиссер наихудший. Он сожрет вас и только косточки выплюнет. Так что... — она уставилась на меня, — сделайте все, только не езжайте туда».

Рики смежила веки, но слезы сочились из-под ресниц на кончик носа, откуда капали одна за другой на тарелку.

«Боже мой, — подумал я, — это мой первый день в Ирландии, первый день работы на моего героя».

ГЛАВА 6

На следующий день мы обошли Кортаун-хаус, старинный особняк, в котором остановился мой режиссер. Здесь был большой луг, а за ним лес, потом опять луг и опять лес.

Посреди луга мы наткнулись на довольно крупного черного быка.

— Ага! — возопил Джон и скинул с себя пальто.

Он стал наступать на быка с криками:

— Ха, торо! Торо! Ха!

Через минуту мне подумалось, что одному из нас суждено умереть. Уж не мне ли?

— Джон! — издал я тихий крик, если такое возможно. — Пожалуйста, надень пальто!

— Хэй, торо! — орал мой режиссер. — Хо!

Бык замер и уставился на нас.

Джон пожал плечами и надел пальто.

Я побежал впереди него, чтобы выбросить Федаллу за борт, собрать команду, попросить Илию предостеречь Измаила, а затем отправить «Пекод» вокруг света.

Так и шли день за днем, неделя за неделей, и каждую ночь я убивал Кита только для того, чтобы он возродился на рассвете, пока я скрывался в Дублине, где непогода наносила удары из своего промозглого морского обиталища и устраивала облавы вместе с проливными дождями, зарядами холода и новыми ливнями.

Я ложился спать и просыпался посреди ночи,

думая, что мне послышался чей-то крик или, может, это я сам рыдаю. Я проводил рукой по лицу, но каждый раз оно оказывалось сухим.

Потом я смотрел в окно и думал: «Это же просто дождь, дождь, всегда дождь», поворачивался на бок, опечаленный еще больше, и пытался схватиться за ускользящий сон.

По вечерам такси увозило меня из каменного Килкока по серому бульжнику, заросшему зелеными бородами, и дождь лил неделями, пока я корпел над сценарием, который будет экранизирован под палящим солнцем Канарских островов в следующем году. Страницы сценария были полны раскаленных солнц и жарких дней, а я печатал их на машинке в Дублине или Килкоке, где под окном зверем выла непогода.

На тридцать пятый вечер в дверь моего гостиничного номера постучали, и я обнаружил, что за ней стоит, переминаясь с ноги на ногу, Майк.

— Вот ты где! — воскликнул он. — Я думал над твоими словами. Хочешь лучше узнать Ирландию — я тебе помогу. Я достал машину! Так что давай выметайся и поедем знакомиться с нашей бурной жизнью. А дождь этот — да будет он трижды проклят!

— Точно, трижды! — воскликнул я радостно.

И мы рванули в Килкок в темноте, которая раскачивала нас, как лодку на черной талой воде, и наконец, истекая дождем, как потом, с лицами, усеянными жемчужными каплями, ввалились в двери паба, где было тепло, как в хлеву,

потому что у стойки бара толпились спрессованные в компост горожане, а Гебер Финн выкрикивал анекдоты и вспенивал напитки.

— Гебер! — закричал Майк. — Мы готовы к бурной ночи!

— Будет вам бурная ночь!

После чего Гебер скинул с себя фартук, натянул на свои острые плечи твидовый пиджак, подпрыгнул и влез в дождевик, надел кепи и вы проводил нас за дверь.

— Присмотрите здесь, пока я вернусь! — наказал он своим подручным. — Я везу их навстречу самому сногшибательному ночному приключению! Они еще не догадываются о том, что их там ожидает!

Он открыл дверь. Ветер окатил его полутонной ледяной воды. Это подействовало на его красноречие, и Гебер взревел:

— Пошевеливайся! Вперед!

— Думаешь, стоит? — засомневался я.

— Что ты хочешь этим сказать? — завопил Майк. — Может, предпочитаешь мерзнуть у себя в номере? Переписывать дохлого Кита?

— Ну, — сказал я и натянул на глаза кепи.

Затем, подобно Ахаву, я подумал о своей постели с отсыревшим выцветшим бельем, об окне, по которому всю ночь струилась вода, подобно потокам сознания. Я застонал. Открыл дверь Майковой машины. Залез сначала одной ногой, потом другой. И в тот же миг мы покатались по городу, как шар по кегельбану.

Финн за рулем вел неистовые речи, то буйно-веселые, то — как прозревающий король Лир.

— Бурная ночь, говорите? Вперед! Ты думал, что в Ирландии все только и норовят попортить тебе кровь и отравить существование?

— Я знал, что где-то должна быть отдушина! — проорал я.

На спидометре было сто километров в час. В ночи справа и слева проносились каменные стены. Огромное черное небо проливалось дождем на огромную черную землю.

— Точно, отдушина! — сказал Финн. — Если бы церковь только знала, а может, она думает про нас: «Мерзавцы несчастные!» И не вмешивается.

— Куда нам?

— Туда! — крикнул Финн.

На спидометре было сто десять. Мой желудок окаменел, как мелькающие по обеим сторонам заборы. Мы взлетели на холм, спустились в долину.

— А чуть быстрее можно? — попросил я, надеясь на обратный эффект.

— Можно! — сказал Финн и довел скорость до ста двадцати.

— Вот теперь замечательно, — сказал я слабым голосом, думая о том, что нас ждет впереди.

Что творится за этими слезоточащими каменными стенами Ирландии? Найдутся ли где-нибудь в этой промозглой стране ослепительные

персиковые ренуаровские женщины со знойной, как очаг, плотью, к которой можно протянуть руки и согреться? Теплится ли под этой пресыщенной дождем кремнистой почвой, у самой окоченевшей сердцевины ее жизни огонек, который, если его раздуть, разбудит вулканы и обратит в пар дожди? Есть ли здесь багдадский гарем, где струятся шелка и ленты, где цвет кожи у обнаженных женщин совершенно превосходен и неповторим? Мы миновали церковь. Нет. Миновали монастырь. Нет. Проехали деревню, дрыхнувшую под стариковскими соломенными крышами. Нет. Хотя...

Я посмотрел на Гебера Финна. Его впередсмотрящие глаза испускали пронзительные лучи, от которых искрился дождь, распарывалась тьма и можно было ехать без фар. Я подумал про себя: «Жена, дети, простите меня за то, что я сейчас делаю, как бы ужасны ни были мои прегрешения, ведь это Ирландия в дождливый и безбожный час, далеко от Голуэя, куда мертвым положено идти умирать».

Ударили по тормозам. Мы проскользили добрых девяносто футов, мой нос при этом был расплюсчен о ветровое стекло. Гебер Финн вышел из машины.

— Вот мы и на месте!

Его голос звучал словно у человека, поглощенного пучиной дождя.

Я заметил дыру в стене — широко распахнутую крошечную калитку.

Мы с Майком вынырнули из машины вслед за Финном. Я увидел в темноте другие машины и множество велосипедов. Но ни единого огонька. Да уж, это действительно должно быть бурное мероприятие, раз оно окружено такой тайной, подумалось мне. Я натянул кепи, чтобы дождь не полз по моей шее.

Пока мы протискивались через дыру в заборе, Гебер поддерживал нас за локти.

— Вот! — сказал он с хрипотцой. — Держи. Прими, чтобы кровь в жилах не стыла!

Я почувствовал, как моих пальцев коснулась фляжка. Я залил ее содержимое в свои котлы, чтобы пропустить пар по трубам.

— Великолепный дождь! — сказал я.

— Этот человек спятил.

Финн выпил после Майка, который был всего лишь тенью среди теней.

Я озирался вокруг. Мне казалось, что это полночное море, а люди, подобно лодчонкам, спуют по двое или по трое по журчащим потокам, опустив головы и что-то бормоча.

«Боже мой! Что бы это значило?» — спрашивал я себя, снедаемый любопытством.

— Постой! — прошептал Финн. — Сейчас начнется!

Чего я ожидал? Может, сцены из старинного фильма, когда невинного вида парусник внезапно сбрасывает с себя палубные надстройки и как по волшебству появляются орудия и открывают огонь по врагу? Или стены фермы развали-

ваются словно картонка, вылезает пушка по прозвищу Длинный Том и изрыгает снаряд по Парижу за пять сотен миль? А здесь, думал я, неужели случится так, что осыплются эти камни, распахнется настезь дом, зажгутся розовые огни и из чудовищной пушки выскочит дюжина розовеньких девочек, не ирландских недомерков, а гибких, упругих француженок, и бросится прямо в объятия этого благодарного собрания?

Зажглись огни.

Я зажмурился.

Вот все безбожное мероприятие разворачивается предо мной под дождем.

Огоньки замигали. Люди заторопились.

Из коробочки на дальнем конце каменного двора выскочил и побежал механический кролик.

Восемь псов, выпущенных из ворот, с лаем понесли за ним, описывая большой круг. Из толпы не донеслось ни крика, ни шороха. Головы медленно поворачивались вслед за псами. Тускло освещенную площадку поливал ливень. Дождь капал на твидовые кепи и тонкие матерчатые пальто. Дождевые капли отскакивали от густых бровей и острых носов. Дождь барабанил по ссутуленным плечам. Кролик юркнул в свою электрическую нору. Псы с лаем сбились в кучу. Свет погас.

В темноте я обернулся и уставился на Гебера Финна.

— Итак! — крикнул он. — Делайте ваши ставки!

В десять часов мы примчались обратно в Килкок.

Дождь шумел, как океан, долбящий по шоссе исполинскими кулаками; мы так и подъехали к пабу, облитые великой приливной волной.

— Ну, — сказал Гебер Финн, глядя не на нас, а на мельтешащие у нас перед глазами «дворники». — Хорошо!

Мы с Майком поставили на пять забегов и вместе проиграли фунта два или три.

— Я выиграл, — сказал Финн. — И кое-что поставил от вашего имени. В последнем забеге, клянусь, мы все выиграли. Давайте я вам верну ваши выигрыши!

— Гебер, — сказал я, шевеля задеревеневшими губами, — это совсем не обязательно.

Финн пихнул мне в ладонь два шиллинга. Я не стал сопротивляться.

— Так-то лучше! — сказал он. — Теперь выпьем еще напоследок. Угощаю!

Майк привез меня в Дублин.

Выжимая кепи в вестибюле гостиницы, он посмотрел на меня и сказал:

— Вот это и есть бурная ирландская ночь!

— Бурная, — признал я.

Мне было противно подниматься к себе в номер. Поэтому я уселся на часик в читальном салоне сырой гостиницы и воспользовался привилегией путешественника — стаканом и бутылкой, предоставленными изумленным портье. Я сидел в одиночестве, прислушиваясь к дождю,

стучающему по холодной гостиничной крыше, думая о смахивающем на гроб ложе Ахава, которое дождалось меня под барабанную дробь непогоды. Я думал об одной-единственной теплой вещи, существовавшей в эту ночь в отеле, в городе и во всей Ирландии, — о заправленном в пишущую машинку сценарии, где обитали южно-тихоокеанское солнце, горячие ветры, увлекающие «Пекод» навстречу гибели, раскаленные пески и женщины с черными пылающими глазами-угольями.

И я думал о темени за городом, о вспыхивающих огнях, о бегущем электрическом кролике, лае псов, исчезнувшем кролике, погасших огнях и о дожде, хлеставшем по отсыревшим плечам и вымокшим кепкам, о замерзших носсах и воде, просачивающейся сквозь твид, источающий запах овечьей шерсти.

Поднимаясь к себе, я посмотрел в залитое дождем окно. Под уличным фонарем проезжал велосипедист. Он был в дымину пьян. Велосипед вихлял по мостовой, а седока при этом рвало. Но останавливаться из-за этого он не стал, а, продолжая блевать, тупо, урывками крутил педали. Я смотрел, как он исчезает в промозглой мгле.

Затем я на ощупь нашел свой номер, чтобы забыться в нем.

ГЛАВА 7

На полпути к пабу «Четыре провинции» и кинотеатру, что на Графтон-стрит, находился лучший во всем Дублине, если не во всей Ирландии (и даже, наверное, на доброй половине Бонд-стрит в Лондоне), магазин охотничьей одежды — во всяком случае, так утверждал Джон.

Это магазин Тайсона. Произнося его название, вы уже явственно видите витрину с охотничьими костюмами, фулярами и светлыми шелковыми рубашками, бархатными охотничьими шапочками, твидовыми брюками и сверкающими сапогами. Если постоять перед ней, то можно услышать, как лошади шлепают губами, фыркают, ржут, подергиваются, чтоб стряхнуть мух, как скулят, лают и носятся крутами счастливые собаки (собаки всегда счастливы, потому и улыбаются, если только не почуют, что хозяин к ним не благоволит). Но, как я сказал, если вы дожидаетесь там, пока кто-то вручит вам уздечку, то хозяин магазина, видя, что вы один из этих загипнотизированных и ослепленных, забредших из конюшни Хьюстона, может любезно пригласить вас войти и окунуться в запахи кожи, сапужной ваксы и шерсти. И застегнуть на вас застежки новой тужурки, подобрать вам твидовую шапочку для тысячи дождей в месяц, ваше копытце и ломать голову над тем, как его запихнуть в сапог, а тем временем англо-ирландских джентльменов вокруг вас обслуживают точно

так же, журча нараспев шепелявыми голосами. А погода — не прошло и тридцати секунд, как вы вошли, — испортилась, и вы задерживаетесь против своего желания и покупаете больше, чем собирались.

О чем это я говорил? А, да. Я топтался перед витриной магазина Тайсона три вечера кряду.

Глядя на восковой манекен в полном охотничьем облачении, ростом с Хьюстона и такой же, как он, стремительный и высокомерный, я подумал: «Когда же и я так разоденусь?»

— Ну, как я выгляжу, Джон? — воскликнул я три дня спустя.

Я топтался на парадной лестнице Кортаунхауса, источая запахи шерсти, сапожной кожи и шелка.

Джон уставился на мою твидовую шапочку и твидовые брюки.

— Чтоб я сдох, — только и вырвалось у него.

ГЛАВА 8

— Что тебе известно о гипнотизме, малыш?

— Не много, — сказал я.

— Был когда-нибудь под гипнозом?

— Однажды, — ответил я.

Мы сидели после полуночи у камина с выпитой наполовину бутылкой шотландского виски. Я не люблю этот виски, но поскольку Джон его обожает, то и я пил.

— Итак, ты не попадал в руки настоящего профи, — лениво проговорил Джон, потягивая свой виски.

— Ты, верно, подразумеваешь себя, — сказал я.

Джон кивнул:

— Именно. Я — лучший. Хочешь попробовать, сынок? Я тебе это устрою.

— В тот единственный раз мне пломбировали зубы, и мой зубной врач, гипнодантист...

— К черту твои зубы, Г. У.

Г. У. значит Герберт Уэллс, автор «Грядущего», «Машины времени» и «Человека-невидимки».

— Дело не в том, как это отражается на твоих зубах, а в том, что творится у тебя в голове. Допивай виски и дай мне свою лапу.

Я выпил и протянул ему руки. Джон их схватил.

— Хорошо, Г. У., закрой глаза и расслабься, полностью расслабься, потихоньку, полегоньку, плавно, — бормотал он, пока мои веки смежались, а голова запрокидывалась.

Он продолжал говорить, я продолжал слушать, слегка кивая, вытянув руки и впитывая исходившие от него пары виски, которыми он дышал мне в лицо. Я чувствовал, как расшатываются, разбалтываются кости в суставах, как плоть колыхается у меня под кожей, как мне легко, хорошо, приятно, сонно. И наконец Джон сказал:

— Ты уже в трансе, парень?

— Еще в каком, — прошептал я.

— Хорошо. Так и надо. Отлично. Теперь слушай, Г. У. Пока ты в расслабленном состоянии, скажи, какие наставления ты хотел бы услышать от меня. Может, хочешь совет по самосовершенствованию или по поведению на завтрашний день? Выкладывай. Говори. И я просвещу тебя. Только не дергайся. Итак...

Я раздумывал. Голова покачивалась. Веки отяжелели.

— Только одно, — промолвил я.

— И что же это, малыш?

— Скажи мне...

— Ну же...

— Научи меня...

— Чему, малыш?

— Как написать самый величайший, замечательный, сногшибательный в мире сценарий.

— Будь я проклят.

— Научи, Джон, и я буду счастлив... — сказал я, сонный, в глубоком гипнозе и ожидании.

— Ну, — сказал Джон, придвигаясь ближе. Его дыхание касалось моих щек и подбородка, словно лосьон после бритья. — Вот что нужно делать, малыш.

— Да? — сказал я.

— Напиши самый величайший, замечательный, сногшибательный в мире сценарий из тех, что когда-либо были написаны.

— Напишу, Джон, — сказал я.

ГЛАВА 9

Не так уж часто на долю писателя выпадает молниеносное озарение. Вот он стоит на островерхой башне, умоляя о творческом испепелении, и небеса, поднакопив сил, даруют ему это. Ослепительной раскаленной вспышкой ударяет молния. И на вас за один щедрый миг обрушивается невероятная история, какой вам никогда не придумать.

Вот как это случилось.

Три часа кряду я усердно проработал гарпуном и пишущей машинкой в Кортаун-хаусе. Джон, Рики и я собирались пообедать, чтобы еще разок попытаться ухватиться за бледную плоть великого Чудовища, как вдруг зазвонил телефон. Не прочь отвлечься, мы подняли головы.

Джон схватил трубку, послушал и издал истошный вопль:

— Чтоб я сдох!

Он четко и внятно произнес каждое слово в трубку — нет, не произнес, а проорал:

— Чтоб я сдох окончательно и бесповоротно!

Казалось, Джон пытается докричаться куда-то в Нью-Йорк, а то и дальше. Сжимая трубку, он поглядывал на зеленые лужайки в декабрьском свете, словно надеялся увидеть издали человека, которому он все это кричал.

— Том, неужели это ты? — кричал он.

Телефон прожужжал: да, это действительно Том.

Джон отложил трубку и так же громогласно обратился к Рики на дальнем конце обеденного стола. Я сидел посредине, намазывая маслом тост.

— Это Том Харлей звонит из Голливуда.

Рики ответила одной из своих едва уловимых таинственных улыбок и опустила глаза.

— Том! — сказал Джон. — Чем ты занимаешься? Что делаешь?

Трубка зажужжала.

— Угу, — выразительно сказал Джон, слушая. — Угу! Угу! — кивнул он. — Хорошо, Том. Отлично. Замечательно... Лиза?.. Да. Помню ее. Великолепная девочка... Когда?.. Ну, это же чудесно, Том. Для вас обоих!

Телефон говорил долгое время. Джон посмотрел на меня и подмигнул.

— Том, здесь у нас охотничий сезон. Тут отличная охота на лис. Лучше, чем в Ирландии, не сыщешь в целом свете. Отличные прыжки, Том, тебе понравится!

Рики при этом подняла глаза. Джон отвел взгляд и посмотрел вдаль, на пышные зеленые холмы.

— Лучшей страны не было создано со дня творения, Том. Я собираюсь остаться тут навсегда!

Рики принялась быстро жевать, опустив глаза.

— Здесь прекрасные лошади, Том, — сказал Джон. — А ты разбираешься в лошадях лучше

меня. Короче, вам надо выбраться сюда и полюбоваться здешними красотами!

Я услышал, как голос в трубке сказал, что это было бы здорово.

Джон поглядел на зеленые поля:

— Том, в четверг я выезжаю на охоту в Уотерфорд. Какого черта... почему бы тебе не прилететь поохотиться со мной?

Из трубки послышался смех.

Рики уронила вилку.

— Боже, — пробормотала она. — Началось!

Джон проигнорировал ее. Посмотрел на поля и сказал:

— Я вполне серьезно. Будь нашим гостем и возьми с собой Лизу!

Из трубки раздался смех. На этот раз не так громко.

— Послушай, Том, — настаивал Джон. — Мне нужно купить еще одну или две лошади для скачек, а может, для приплода. Ты мог бы помочь мне с выбором. Или...

Джон посмотрел в окно. По зеленому полю семенила охотничья собака. Джон вдруг привстал, словно испытал при виде ее вдохновение.

— Том, мне только что пришла в голову сногшибательная мысль. Послушай, ты же хочешь привезти с собой Лизу? Тогда завтра же запихни ее в самолет, лети в Шеннон... Шеннон, Том... и я приеду туда и привезу вас в Килкок. И вот что, Том, после того как ты побудешь здесь неделю, мы тебе устроим охотничью свадьбу!

Я услышал, как голос в трубке спросил: «Что?»

— Разве ты никогда не слышал про охотничью свадьбу, Том? — прокричал Джон в избытке чувств.

Он встал в полный рост, поставив одну ногу на стул, и склонился к окну, чтобы убедиться, что пес все еще бежит по полю.

— Том, для такого мужчины, как ты, и такой женщины, как Лиза, лучшей свадьбы не придумаешь. Она же ездит верхом. И хорошо держится в седле, насколько я помню. Тогда представь, Том, как все это будет. Ведь вы все равно собираетесь пожениться. Так почему бы вам, двум язычникам, не сделать это в католической Ирландии? Прямо в моем доме...

Он бросил взгляд на Рики.

— В нашем доме. Мы позовем всех приличных лошадей и охотников, какие есть на девяносто миль вокруг, самых милых кобельков и сушек, каких тебе только доводилось видеть, Том. Все будут в красных охотничьих рединготах — ты только подумай, какой цвет, — а женщины в черных костюмах в обтяжку, а после венчания ты, Лиза и я отправимся добывать самую прекрасную лисицу на свете. Ну, что скажешь? Лиза с тобой? Передай ей трубку!

Молчание.

— Лиза? Лиза, у тебя бодрый голосок. Лиза, поговори с этим недоумком! Никаких возражений! Жду вас послезавтра на охотничью свадьбу!

Скажи Тому — если позвонит, я откажусь принять звонок за свой счет. Благослови тебя Господь, Лиза!

Джон повесил трубку. Он посмотрел на меня с довольной обезьяньей ухмылкой:

— Боже мой! Что я натворил! Вы слышали? Малыш, выручишь?

— Джон, а как быть с Моби Диком?

— Ну, с Китом ничего не случится. Представляю, как у приходского священника глаза полезут на лоб. И какой переполох начнется в пабах, когда они узнают!

— А я представляю, как перережу себе глотку в ванне.

С этими словами Рики направилась к двери. Обычно в подобных случаях она уходила скакать верхом или залезала по самые уши в ванну. Рядом с таким сгустком энергии, как Джон, ей приходилось делать это по меньшей мере дважды в неделю.

— Прощай, чертов муж. Прощай, жестокий мир.

Дверь с грохотом захлопнулась.

Не дожидаясь, пока из гигантской ванной послышится рев воды, Джон схватил меня за колено.

— Боже праведный! И так каждый раз! — закричал он. — Видел когда-нибудь охотничью свадьбу?

— Боюсь, нет.

— Ах, какая красота! Черт! Не описать!

Я посмотрел на дверь, за которой исчезла Рики:

— Том и Лиза вот так прямо возьмут и приедут?

— Они легки на подъем.

— Значит, мы их увидим на этой неделе?

— Мы поедем в Шеннон и привезем их сюда, малыш.

— Джон, я думал, мне нужно переписывать эпизод с золотым дублоном на мачте.

— К черту. Нам обоим нужно пару дней отдохнуть. Рики!

Рики возникла в дверях с лицом цвета снега и сирени. Она ждала вызова, зная, что таковой последует.

— Рики, — сказал Джон, улыбаясь ей, как одному из своих детей. — Черт возьми, послушай. Вот мой план!

Переругиваясь, Том и Лиза вышли из самолета. Они бранились в самолете, стоя в дверях. Они скандалили, выходя из двери. Они орали друг на друга на верхней площадке трапа. Они кричали, спускаясь по ступеням.

Мы с Джоном смотрели вверх, разинув рты. Я был рад, что Рики уехала до ужина куда-то за покупками.

— Том! — закричал Джон. — Лиза!

Не дойдя до половины трапа, Лиза, неистовствуя, повернулась и побежала обратно. Она возвращается в Штаты, и немедленно! Летчик, вы-

ходивший из самолета, сказал ей, что это маловероятно, так как самолет не улетает прямо сейчас. Почему? — спросила она. Том уже стоял рядом и вопил пилоту, что нужно развернуть этот чертов самолет и увезти эту истеричку обратно. Он готов переплатить вдвое, втрое, а если удастся гробануться по пути, тоже хорошо.

Джон присел на ступеньки трапа и слушал все это, закрыв глаза, мотая головой и покатываясь со смеху.

Услышав смех, Том подошел к поручням и посмотрел вниз.

— Боже мой, Джон!

Джон поднялся по трапу, обнял и расцеловал Лизу. Помогло. Наконец мы провели их через таможеню, посадили в «Ягуар» и покатали по неизбежному зеленому ломберному столу Ирландии.

— Какая красота! — восклицала Лиза, глядя на пронсящиеся мимо холмы.

— Какая погода! — восхищался Том.

— Не обманывайся, — предупредил Джон. — Вид отличный, но дождь идет двенадцать дней из десяти. Вскоре ты перейдешь на виски, как я!

— Неужели? — рассмеялся Том, и я вместе с ним, взглянув на него.

Предо мной возник давно знакомый голливудский образ: сухопарый, жилистый, упругий как хлыст мужчина — результат изнуряющей верховой езды, ежедневных занятий теннисом, плаванием, парусным спортом и альпинизмом. Ему было пятьдесят три. Густой ежик се-

ро-стальных волос. Ни единой морщины на лице, жесткий загар, красиво очерченный подбородок. Зубы сверкают, и все на своих местах. Ястребиный нос в любую непогоду, при любых обстоятельствах всегда по ветру. Кристально чистые, неугасимо горящие голубые глаза. В нем жил никогда не затухающий юношеский огонь. Том ни за что не позволил бы ему иссякнуть. И не родился еще мужчина, способный подчинить Тома своей воле. Как, впрочем, и женщина, которой удалось бы подавить его своей плотью. Не бывало такого, и теперь не будет. Том был сам себе и конь, и седло. Он был сам себе наездник и управлял собою с мужественной красотой. По тому, как Лиза держалась за руку Тома, я понял, что она принимает его гневно и радостно, какой он есть — целеустремленный, странствующий по всему свету, делающий то, что ему заблагорассудится, не спрашивая разрешения и не прося прощения. Если какой-нибудь женщине вздумается направлять его на путь истинный, он просто рассмеется ей в лицо и пойдет своей дорогой. Сегодня он решил съездить в Ирландию. А завтра он может очутиться с Ага-ханом в Париже, на следующий день — в Риме, но Лиза будет с ним. И так будет продолжаться до того дня, когда много лет спустя он свалится с горы, с лошади или с какой-нибудь женщины и умрет, оскалив зубы, у подножия горы, ног лошади или женщины. Он был всем, чем хотел бы стать любой мужчина,

если бы не занимался самообманом; всем, чем Джон хотел быть и не смог стать; он был сумасбродным, бесшабашным, идеалом для подобных мне, любующихся со стороны, рожденных и возвращенных в лености, рефлексии, предчувствиях и безволии.

— Мистер Харлей, — спросил я, не в силах удержаться, — зачем вы приехали в Ирландию?

— Меня зовут Том. И... Джон повелел, чтобы я приехал. Когда Джон приказывает, я повинуюсь! — засмеялся Том.

— Вот именно! — сказал Джон.

— Это ты позвонил ему, помнишь, Том? — ткнула его в руку Лиза.

— Ну, позвонил. — Том несколько не был озадачен. — Я подумал, мы так давно не виделись. А годы идут. Вот я и поднял трубку и позвонил этому сукину сыну, а он говорит: «Том, приезжай! И мы проведем вместе бурную недельку, а потом разъедемся еще года на два». Вот так у нас с Джоном повелось. Когда вместе, очень здорово, а врозь — никаких сожалений! А эта охотничья свадьба?..

— Не спрашивайте меня, — сказал я. — Я в полном неведении.

— Лиза была не в восторге от этого, — признался Том.

— Не может быть! — закричал Джон, обращаясь, чтобы просверлить ее взглядом.

— Чепуха, — сказала Лиза. — Я привезла с собой свой охотничий гардероб из Западной

Виргинии. Он упакован. Я счастлива! Охотничья свадьба — подумать только!

— Я только об этом и думаю, — сказал Джон, управляя машиной. — И если вы меня знаете, с таким же успехом это могли быть охотничьи похороны!

— Джону бы это понравилось! — сказал Том, обращаясь ко мне, словно Джона здесь вовсе не было, словно это не он вез нас по нескончаемой зелени. — Потом он пришел бы на нашу панихиду, напился бы и, рыдая, рассказывал о том, как у нас все было здорово. Вы замечали, что все происходит так, как ему удобно? Для него люди рождаются, живут и умирают, чтобы он мог закрывать им веки монетами и оплакивать их. Есть на свете что-нибудь такое, что не было бы Джону удобно или от чего он не получал бы удовольствия? Только одно, — добавил Том, выдержав паузу.

Джон сделал вид, что не слышит.

— И что же это? — спросил я.

— Оставаться в одиночестве. — Том вдруг посерьезнел. — Джон не любит оставаться один. Никогда не оставляйте Джона одного. Запомните это: ни при каких обстоятельствах. — Том посмотрел на меня пронизательными, ясными светло-голубыми глазами. — Однажды Джон сказал мне: «Том, самое одинокое время — когда заканчиваешь работу и начинаешь ужинать. Это час безысходности, какая бывает в три часа утра

долгой-долгой ночью. Вот тогда человеку и нужны друзья».

— Я говорил тебе такое? — сказал Джон с притворным удивлением.

Том кивнул:

— В прошлом году я получил от тебя письмо. Наверное, ты писал его днем, часов в пять. Создавалось впечатление, что ты одинок. Поэтому я названиваю тебе время от времени. Ревнуешь, Лиза?

— Пожалуй, да, — сказала Лиза.

Том пристально на нее посмотрел.

— Нет, — сказала Лиза. — Не ревную.

Том похлопал ее по ноге:

— Молодец! — Он кивнул Джону: — Не провести ли нам ходовые испытания?

— Проведем!

Остаток пути в Килкок мы промчались со скоростью восемьдесят миль в час. Лиза частенько жмурилась. Том не жмурился вовсе, любуясь зеленой Ирландией.

Я проехал большую часть пути с закрытыми глазами.

С охотничьей свадьбой возникли трудности. Неожиданно выяснилось, что в Ирландии такие давно не проводились. Насколько давно, мы так и не узнали.

Вторая, и самая большая, трудность была связана с церковью.

Ни один уважающий себя священник не собирался скреплять узами брака похоть двух голливудских звезд, несмотря на то что Лиза Хелм была уроженкой Бостона и вообще исключительно изысканной дамой. Зато Том Харлей — конник, который резался до упаду в теннис с Даррилом Зануком и консультировал Ага-хана в вопросах осеменения чистокровных лошадей, — успел отметиться во всех пунктах ада. Церковь и слышать об этом не хотела. К тому же (Джон даже не поинтересовался) ни Том, несмотря на ирландское происхождение, ни Лиза не были католиками.

Что же делать? Близ Килкока других церквей не было, даже заваяющей протестантской часовни, куда можно было бы забрести долгим воскресным полднем.

Наконец я догадался обратиться в местную унитаристскую церковь в Дублине. Что может быть хуже протестанта? Унитарист! Там нет вообще ни церкви, ни веры. Но ее настоятель, преподобный мистер Хикс, в ходе телефонных переговоров на повышенных тонах согласился решить эту задачу, ибо ему было обещано вознаграждение на земле Джоном Хьюстоном, а не на небесах Господом Богом, имя которого, во избежание конфуза, поминалось редко.

— Живут ли они во грехе? — строго спросил преподобный мистер Хикс.

Я был ошеломлен. Таких речей мне раньше слышать не приходилось.

— Ну... — сказал я.

— Так живут?

Я закрыл глаза, пытаюсь представить себе пару новобрачных, денно и ночью устраивающих перебранки на улицах Дублина.

Они пререкались по поводу одного обручального кольца, потом — другого, поругались из-за цветов, поссорились из-за дня и даты, поскандалили из-за священника, из-за места проведения церемонии, из-за размеров свадебного торта и из-за того, будет ли он заправлен коньяком или нет, собачились из-за псов и лошадей и даже полаялись с распорядителем охоты и с его помощником, препирались с дворецким в Кортауне, поцапались с горничной, устроили перепалку с хозяином паба из-за выпивки, затем схлестнулись с торговцем, не желавшим уступить три ящика далеко не отменного шампанского со скидкой, и в довершение ко всему дебоширили в ресторанах и пабах. Если б вам захотелось вести учет всех склок за неделю, лучше всего это можно было бы сделать, пальнув из дробовика по календарю.

Джону все это нравилось.

— Всегда любил добрую потасовку! — восклицал он с широченной улыбкой, после которой могло понадобиться наложение швов. — Ставка на даму. Том побеждает днем, а она отыгрывается ночью. И потом, у всякого свои причуды. Том пьет слишком много «Старинного особого»...

— Это настоящее название?

— Английский эль, гм-гм. «Старинный особый». Но это же Том, наш приятель. Они покончат со ссорами и начнут спокойную семейную жизнь, вот увидишь.

— Преподобный Хикс, — сказал я по телефону, — Том с Лизой много ссорятся.

— Ну тогда они и грешат много! — скорбно сказал преподобный. — Лучше пришлите их ко мне.

Том с Лизой поссорились и по поводу визита к мистеру Хиксу.

Они ссорились по дороге к нему.

Ссорились, заходя к нему.

Спорили в его присутствии.

Орали друг на друга, выходя от него.

Если голос может быть бледным, то голос преподобного был таковым, когда он описывал эту парочку.

— Это не бракосочетание, — возмутился он. — Это матч-реванш.

— И я точно такого же мнения, преподобный, — согласился я, — но не разъясните ли вы им правила бокса и не разведете ли их по углам?

— Если они пообещают оставаться в этих углах четыре дня из пяти. Любопытно, есть ли в Библии глава под названием «Тщета», стих четвертый, часть вторая?

— Будет!

— И ее напишу я?

- Я верю в вас, святой отец.
- Преподобный! — рявкнул он.
- Преподобный, — повторил я.

— Хотелось бы знать, черт побери, как мы умудрились вляпаться в такую гнусную историю? — сказала Рики в телефонную трубку.

Голос Джона доносился из Парижа, где мой режиссер проводил собеседования с актерами для нашего фильма. Я слышал его довольно громко и отчетливо, помогая таскать цветы, двигать стол для свадебного торта и пересчитывать бутылки дешевого шампанского в ящиках вдоль стены.

— Гнусную! — орал Джон. — Ничего не гнусную, ей-богу, это будет самое знаменательное событие во всей их чертовой ирландской истории. Они устроят новое восстание. Цветы уже привезли?

- Да, будь они неладны!
- Торт заказали?
- Ты же знаешь, что заказали!
- А шампанское?
- Хуже не бывает, но уже доставили.
- Лучше позвоните Геберу в паб. Скажите ему, чтобы привез самое-самое. Боже, я ведь плачу. Пора бы Тому стряхнуть паутину со своего кошелька! Позвоните Геберу!

— Инопланетянин с Марса только что это сделал...

- Он у тебя? Передай ему трубку!

Рики бросила мне телефон. Я увернулся, но поймал его.

— Джон, я закончил эпизод с огнями святого Эльма и...

— К чертям собачьим эпизод. Я скатился...

— С кого? — спросил я машинально.

— Нет-нет, ради бога, не с женщины! Это куда серьезнее. С лошади!

— Упал?

— Ш-ш! Тише, а то Рики услышит! Она отменит охоту! Я в порядке. Просто связки растянул. Пять минут был без сознания, теперь дико хромаю. Перебрал маленько. Но сегодня к вечеру я прилечу. Встречай последний рейс из Лондона. Два дня назад я катался верхом в Лонгшане.

— А я думал, ты подбираешь актеров.

— Разумеется! Только чертова лошадь встала на дыбы из-за автомобильного клаксона. Я полетел на милю. Теперь все в порядке. Без всякого предупреждения полететь наземь и корчиться от боли, когда спина и так болит. Не хотелось бы тебя пугать, малыш.

— Я и так напуган, Джон. Если ты помрешь, мне конец!

— Трогательные чувства. Ты же у нас твердокаменный оптимист. Пообещай, что меня не свалит на свадьбе пляска святого Витта.

— Черт, да ты готов пойти на это, лишь бы все глазели только на тебя.

— Почему бы и нет? Возьми такси, встречай меня вечером в аэропорту, по дороге рас-

скажешь эпизод с огнями святого Эльма. Можно мне остаться сегодня вечером в твоем номере в гостинице? К утру я должен передвигаться без костылей.

— Какие еще костыли, Джон?

— Да тише ты! Рики в комнате?

— Она вышла открыть дверь. Постой-постой...

Рики стояла в коридоре, глядя на листок бумаги. Ее лицо было белее снега, а из глаз капали слезы. Она подошла и протянула мне листок.

Голос Джона произнес:

— Я слышу, кто-то плачет.

— Да, Джон. — Я прочитал записку: — «Альма Кимбалл О'Рурк упала сегодня с лошади. Она скончалась на месте. Лошадь пристрелили».

— Боже мой, — сказал Джон за пятьсот миль отсюда.

— Она была женой начальника килдарской охоты? — спросил я.

— Да, именно так, — тихо сказал Джон.

Я дочитал записку:

— «Похороны послезавтра. Все охотники будут присутствовать».

— Боже, — пробормотал Джон.

— Значит... — начал было я.

— ...охотничья свадьба отменяется, — заключила Рики.

Джон услышал эти слова и сказал:

— Нет-нет. Всего лишь откладывается.

Майк привез меня в Дублин, чтоб найти Тома, снявшего номер в отеле «Рассел». Они с Лизой поссорились и по этому поводу тоже. Он хотел остаться с ней у Хьюстонов. Но католики и протестанты, сказала она, не теряли бдительности. Так что Тому до церемонии бракосочетания полагалось жить в отеле. К тому же из своего номера в Дублине ему было бы удобнее играть на бирже. На этом и порешили. Том поселился в гостинице.

Я нашел Тома в вестибюле. Он отправлял почту.

Я без лишних слов протянул ему записку.

Последовала долгая пауза, после чего я увидел, как тонкие прозрачные внутренние веки на глазах Тома — глазах орла, ящерицы или большой кошки — опустились между нами. Не захлопнулись, как великие ворота Киева, но закрылись так же окончательно и бесповоротно. Звук, с которым его веки смыкались, пока глаза продолжали смотреть на меня, был ужасен своей бесшумностью. Я находился в своем мире, если он вообще существовал, а Том — в своем.

— Том, она умерла, — сказал я, но тщетно: Том отключил батареи, поддерживавшие его связь с миром звуков, слов и фраз. Я повторил: — Она умерла.

Том повернулся и начал подниматься по лестнице.

В дверях я переговорил с Майком.

— Священник? Унитарист. Лучше пойти к нему и все рассказать.

Я услышал, как за моей спиной открылась дверь лифта.

Том стоял в проеме. Но не выходил. Я поспешил к нему.

— Что, Том?

— Я вот думаю, — сказал Том. — Кто-то должен отменить заказ на свадебный торт.

— Слишком поздно. Торт доставили, когда я выходил из Кортауна.

— О боже, — сказал Том.

Дверь лифта захлопнулась.

Том вознесся.

Лондонский рейс прибыл в Шеннон с опозданием. Пока я его дожидался, мне пришлось сделать три ходки в туалет, что свидетельствовало о том, сколько кружек эля я пропустил за это время.

Джон помахал мне костылями с верхней площадки трапа и чуть не растянулся в полный рост — так ему хотелось скорее спуститься ко мне. Я попытался помочь, но только получил от него тумака костылем, ибо он порывался спуститься гигантскими прыжками, словно родился и вырос атлетом на костылях. При каждом большом скачке он вскрикивал отчасти от боли, отчасти от воодушевления.

— Боже мой, всегда случается что-то неожиданное. Я хочу сказать, стоит немного рассла-

биться, как Господь дает тебе пинка. Я никогда в жизни так не падал. Все было как в замедленной съемке, как будто перелетаешь через водопад или просматриваешь отснятые кадры; знаешь, когда каждый кадр останавливается, чтобы можно было его рассмотреть: вот сейчас в воздухе твоя задница, а вот твой позвоночник, позвонок за позвонком, теперь шея, затем ключица, макушка головы, и ты видишь, как все это вертится, а лошадь осталась внизу, ее тоже видишь, кадр за кадром, словно снимаешь всю эту чертовщину со скоростью тридцать кадров в секунду, но все видно предельно четко и с секундной задержкой, и ты рассматриваешь себя и лошадь, вальсирующих в воздухе. А вся сцена посекундно занимает целых полчаса. Кадры убыстряются, только когда ударяешься о землю. Черт. Потом чувствуешь, как напрягаются сухожилия и мышцы. Ты когда-нибудь выходил зимней ночью, прислушивался? А-ах! На ветвях столько снега, что вот-вот сломаются! Ты слышишь, как волокна гнутся, древесина скрипит. Я думал, все мои кости рассыплются, расчлоятся и хлопьями осядут под плотью. Бах! И вот они везут меня в морг. Я закричал: «Не в ту сторону». Оказалось, это была «Скорая», а мне показалось, что это к патологоанатому! Давай, ради бога, поторапливайся... я-то бегу быстрее тебя. Надеюсь, не растянусь прямо здесь в конвульсиях. То еще будет зрелище. Лежишь на

спине, как олух царя небесного, и верещишь от боли. Черт! А где Том?

Том ждал нас в погребке отеля «Ройял хайберниен». Джон настоял на том, чтобы, согнувшись, на костылях, спуститься на поиски американца ирландского происхождения.

— Том, вот ты где! — сказал Джон.

Том обернулся и посмотрел на нас прозрачным, как голубое небо в морозное утро, взглядом.

— Боже, — вырвалось у Джона. — У тебя вид как у сумасшедшего. Что тебя так потрясло, Том?

— Она сидела в дамском седле, — ответил ровным голосом Том. — Ей нельзя было ездить в дамском седле, черт побери.

— Но кто «она»? — спросил Джон своим масляным, ласковым, но притворным голосом. — О какой женщине речь?

На следующий день мы с Майком отвезли Джона в Килкок. Он попрактиковался в выполнении больших прыжков на костылях, его так и распирало от сознания того, какой он молодец. Когда мы приехали в Кортаун-хаус, он вылез из машины раньше нас и едва проскакал полпути по дороге, выложенной кирпичом, как вдруг на крыльце появилась Рики и быстро сбежала по ступенькам:

— О боже! Где ты был! Осторожно! Что случилось?

В этот момент Джон уронил костыли и грохнулся наземь, корчась от боли.

После чего Рики, конечно, замолчала.

Мы все с трудом приподняли Джона и протащили в дом.

Рики раскрыла дрожащие губы, но Джон поднял свою большую руку, смахивающую на рукавицу, и прохрипел, не открывая глаз:

— Только бренди способен унять боль!

Она подала ему бренди, и поверх ее плеча он увидел в коридоре ящики с шампанским для Тома.

— Это пойло еще здесь? — спросил он. — А где «Дом Периньон»?

— А где Том? — парировала Рики.

Свадьбу отложили больше чем на неделю из уважения к женщине, которая, как выяснилось, вовсе не ездил в дамском седле. На свою беду, она оказалась слишком мала, чтобы выдержать вес свалившейся на нее лошади.

В день отпевания Том не на шутку вознамерился возвращаться домой.

Вспыхнула ссора.

Когда Лиза наконец уговорила Тома остаться, настал ее черед впасть в депрессию, и она пригрозила отправиться в аналогичное путешествие из-за того, что Том упорно не соглашался заказывать свежий свадебный торт, а хотел сохранить прежний — пусть себе пылится еще целую неделю траура.

Только вмешательство Джона положило конец перебранкам. Долгий ужин с обильными возлияниями в «Жамме» — лучшем французском ресторане Ирландии — помог вернуть им чувство юмора.

— Тишина! — объявил Джон за ужином. — Кухонная дверь! То открывается, то захлопывается! Прислушайтесь!

Мы прислушались.

Как только дверь, скрипя, распахивалась настежь, доносились вопли шефа, осыпающего поваров руганью.

Дверь открывается:

Вопль!

Захлопывается:

Молчание.

Открывается:

Вопль!

Закрывается:

Молчание.

— Вы слышали? — прошептал Джон.

Открывается — вопль!

— Том, это ты.

Закрывается — молчание. Открывается — вопль.

— А это ты, Лиза.

Открывается. Закрывается. Открывается. Закрывается.

— Том, Лиза, Том, Лиза!

— Боже мой! — вскричала Лиза.

— Господи помилуй! — сказал Том.

Крик. Тишина. Крик.

— Так это мы? — сказали они хором.

— Или приближенное подобие, — ответил Джон, держа тлеющую сигару в уголке рта. — Плюс-минус несколько децибел. Шампанского?

Джон подлил в наши бокалы и заказал еще.

Том и Лиза так расхохотались, что им пришлось схватиться друг за друга. Они давились от смеха, пока совершенно не выдохлись.

Поздно вечером Джон попросил шеф-повара показаться в дверях кухни.

Его встретил шквал аплодисментов. Изумленный, он пожал плечами, кивнул и был таков.

Когда Джон платил по счету, Том размеренно сказал:

— Ну хорошо. Она не ездила в дамском седле.

— Я ждал, что ты скажешь это, Том. — Джон протяжно выдохнул струю дыма и вынул изо рта сигару. — Я так надеялся, что ты это скажешь.

Вечером перед великой охотничьей свадьбой Майк и я поехали за унитаристским священником, преподобным мистером Хиксом, и привезли его в Килкок.

По пути к машине он говорил о красотах Дублина. Когда мы выезжали из города, расхваливал окрестности и реку Лиффи, а когда начались зеленые просторы, его красноречие достигло апогея. Казалось, ни здесь, ни там нет ни изъянов, ни недостатков. Даже если и были таковые,

он предпочитал о них умалчивать ради достоинств. Если бы хватило времени, он перечислил бы их все до единого. А тем временем охотничья свадьба уже расплескалась, как бледная узорчатая кружевная пена на утреннем берегу, и он переключился на нее, поджав губы, алая остреньким носом и налитыми кровью глазами.

Когда мы въехали на посыпанный гравием двор, он выдохнул:

— Слава богу, нет луны! Чем меньше народу увидит, как я приезжаю, тем лучше!

— Завтра весь город увидит из окон, — сухо заметил я, — как вы разыгрываете языческую церемонию и изрекаете богохульные словеса.

Преподобный мистер Хикс превратился в статую, высеченную из лунного камня.

— Добудь мне бутылку, — прохрипел он. — И уложи в постель.

Я проснулся перед самым рассветом в комнате для прислуги и лежал, предвкушая великолепный день, каким он обещал быть.

Театр, имя которому Ирландия, ждал.

Мне показалось, что снизу доносился местный говорок либо припозднившихся завсегда-таев Финнова паба, либо прибывших поглазеть спозаранку на протестантское позорище.

Мне послышалось, будто кто-то на краю зеленого мира пробует охотничий рожок.

Мне померещилось, что в ответ затыкала ли-сица.

На границе угодий мелькнула крохотная тень. Я не сомневался, что зверь, на которого начинается охота, вышел на сцену первым.

Растянувшись в постели с закрытыми глазами, я представил себе прибытие переполошенных псов, потом вздрагивающих лошадей, остро нуждающихся в совете психолога, которого на месте не оказалось. Конечно, это глупость. Псы и лошади первыми не прибывают. Псарь должен вести на поводке чистопородных псов, чтобы увлечь остальных. И все же спросонья я слышал лай и звон охотничьего снаряжения, когда резко осаживали лошадей.

Отнюдь не горя желанием становиться постановщиком всего этого действия, я погрузился в нервный, болтливый сон, наказав себе зарыться поглубже и ничего не слышать.

Но тут до меня донесся голос Джона, стучащего костылями по паркету у дверей моей комнаты:

— Тебе это не поможет, малыш. Пора вставать.

А внизу уже поджидали настоящие лошади и псы.

Все было готово. Зачерстевший свадебный торт, становившийся час от часу древнее, замер в ожидании. Было выставлено шампанское, от которого ломило зубы и немел язык.

Лошади на дворе насыщали воздух паром и насмешливо скалили зубы.

Псы бегали кругами, орошая мостовую, копыта и сапоги.

Со всей Ирландии, разумеется, прискакали лорды, леди и владельцы литейных заведений, они спешили под подозрительные протесты псов и расплывчатые ухмылки лошадей.

— Всем по рюмке на посошок! — призвал кто-то.

— Это до охоты, — поправила одна дама. — И только жениху.

— Я лишь хотел спросить: бар открыт?

— Здесь нет бара, — объявил преподобный мистер Хикс, который держался так прямо и безупречно, что было очевидно: он там уже побывал. — Но есть шампанское, и скверное, и хорошее. Остерегайтесь яда за шиллинг, что перед вами. Требуйте того, что за полновесный фунт.

Лошадей тотчас покинули и оставили псая на растерзание собакам, орошавшим двор.

Гости загромыхали сапогами по лестнице, извлекая из цемента пустопорожний гул, их лица были перекошены и искажены, но не из-за кривых зеркал в аттракционе, а благодаря древности рода. Вылепили их время и терпеливые хромосомы: вытянули им зубы, сделали глаза водянистыми, щеки — впалыми, локти, запястья и пальцы — шишковатыми, выпятили губы, надломили носы, раздвоили подбородки, оттопырили уши, проредили шевелюры, брови заставили расти пучками, обесцветили веки, придали воско-

вой оттенок лицам, изрыли лбы оспинами. Некоторые производили такое впечатление, будто они целую вечность простояли, выглядывая из-за дверей конюшни.

Бог ты мой, подумалось мне, что за пестрая ярмарка черепов, ушей, нижних губ и вздернутых бровей! Тут пляшет паук, там громыхает бегемот, здесь спаниелевы глаза слезятся от ирландского солнышка, собачья пасть разинута в отчаянии от пасмурных дней. Торговец спиртным не самого крупного калибра, с глазами Адониса, посаженными на пунцовое, словно сваренное на завтрак лицо, робко поднимался по ступенькам. Вот они — в красных рединготах или черных костюмах, со взъерошенными бровями, втянутыми внутрь ноздрями и челюстями для забивания свай.

Я отшатнулся и пошел посмотреть, как они будут работать локтями в погоне за настоящим шампанским, а не за дешевой шипучкой.

— Кто положил яд сверху, а противоядие снизу?

Но едва они узрели Тома собственной персоной, надевшего личину таинственного и ужасного, а не прославленного и знаменитого, как тотчас воцарилась тишина.

— Давайте проведем дегустацию, — сказал кто-то. — Сравним старую кислятину с напитком королей.

Том хотел этому помешать, но несколько десятков рук опрокинули стаканы с омерзитель-

ным пойлом, чтобы добраться до благородного эликсира для полоскания рта.

Почти все было готово. Кроме убийственного напитка и противоядия к нему были поданы бутерброды с икрой и сырные крекеры, а потом свадебный торт, который, словно смерзшийся навсегда лед, дожидался встречи с вечностью.

Поскольку он простоял уже восемь дней, его верх и бока затвердели за прошедшую четверть месяца. Торт приобрел свойства диккенсовской мисс Хэвишем из «Больших ожиданий». Это известие вполголоса передавали из уст в уста лакеи и горничные, которые поправляли свои галстуки и фартуки и осматривали потолок в поисках спасения.

Кто-то чихнул.

На верхней площадке лестницы появилась Лиза, только для того, чтобы чихнуть еще раз, развернуться и убежать. Послышались звуки сморкания: слабое дуновение охотничьего рожка. Лиза вернулась, взяв себя в руки, и чихнула снова, спускаясь по лестнице.

— Хотела бы я знать, уж не фрейдистская ли у меня простуда, — сказала она, пряча нос за бу-мажным носовым платком.

— Что ты хочешь этим сказать? — осведомился Том, глядя исподлобья.

— Может, моему носу не хочется выходить замуж, — хихикнула Лиза.

— Ужасно смешно. Очень, очень смешно. Если твой нос хочет отменить свадьбу, пусть падает голос.

В доказательство своего чувства юмора Том оскалил зубы, точь-в-точь как лошади на дворе.

Лиза повернулась было, чтобы удрать, но очередной чих пригвоздил ее к месту. Дальнейшее отступление сделали невозможным стучащие по ступеням костыли, промеж которых извивался режиссер в красном рединготе — как клоун, как счастливый охотник, как свихнувшийся гимнаст. Прыгая сразу через две ступеньки и вихляя длинными ногами, Джон спускался, без умолку болтая и нисколько не заботясь, куда он ставит свои подпорки.

— Чертова «Скорая» добиралась целый час, а я тем временем корчился и вопил так, что на сотню ярдов вокруг позахлопывались все окна. Крики мои не прекратились и после шести инъекций. В госпитале доктор посмотрел на меня, перевернул, и — щелк! хруст в позвоночнике — боли как не бывало, равно как и моих воплей. А потом я начал смеяться, ей-богу.

Отвернувшись от Джона, я пробирался сквозь толпу дегустаторов шампанского.

— Принеси мне бокал, — сказал Джон, — даже два. Привет, Лиза, до чего же великолепно ты выглядишь!

Лиза чихнула.

— Боже, посмотри на свой нос, Лиза, — посочувствовал ей Джон. — Он такой крас-

ный, можно подумать, ты пьянствовала дней пять!

Лиза одной рукой схватилась за живот, другой за нос и помчалась вверх по лестнице.

— Огромное спасибо, — сказала Рики, спускаясь по ступенькам.

— А что я такого сказал? — возмутился Джон. — Куда она побежала?

— Пудрить нос, чучело.

— Где мистер Хикс? — спросил Джон, огромными прыжками спасаясь бегством. — Привет, привет! — замер он в полупрыжке, чтобы помахать всем окнам вдоль задней стены обеденного зала, в которые было уперто десятка два с лишним носов.

Поселяне — злые, нервные, раздраженные домохозяйки — пришли в замешательство, не зная, как переварить жизнерадостное приветствие Джона.

Некоторые помахали в ответ. Остальные отвалили от окон, не позволяя Джону обмануть себя обезьяньим протестантским дружелюбием.

— Добро пожаловать! — звал Джон, зная, что им не слышно. — Тут у нас голливудский греховодник, рожден во грехе, живет во грехе и скоро очокурится, корчась во грехе. Заходите!

Кое-кто, должно быть, прочел его слова по движению губ, потому что не менее полудюжины разгневанных поселян отшатнулись от окон, словно он превратил воздух в серу.

Я подоспел с шампанским.

— Выпей это, чтобы продержаться день.

— Но спасет ли это меня после полудня?

Джон выпил.

— По бокалу каждый час, — сказал я. — Где преподобный? А, вот он где. Преподобный!

Преподобный вышел из коридора, благоухая псиной и лошадьми.

— Я был во дворе, сопереживая с ними то, что они участвуют в этом греховном мероприятии, — сказал он и быстро добавил: — О, разумеется, речь не о свадьбе. А об охоте. У всех счастливый вид. Но никто не пригласил лисицу.

— Мы ее звали, но она сослалась на занятость, — улыбнулся Джон. — Мы готовы?

Преподобный мистер Хикс схватил с проносимого мимо подноса шампанское, залпом осушил бокал и сказал:

— Готовы, как всегда.

Лорды, леди и торговцы спиртным собрались, разогретые доброй выпивкой, икая от скверного пойла: пестрая компания в красных рединготах, радующаяся жизни, и в черных костюмах — потенциальные неверные мужья и скорбящие жены.

Преподобный мистер Хикс предстал перед светлыми очами Тома и перед шмыгающим, издерганным носом Лизы, которая растерянно озиралась вокруг, как незрячая.

— А разве Библия не нужна? — удивилась Лиза.

— Библия, — почти вскричал преподобный, разыскивая ее в своих пустых руках.

Тома покорило, но он сказал:

— Да. Будучи унитаристами, мы все же протестанты. Библию!

Преподобный оглянулся по сторонам, не вложит ли кто-нибудь в его руки столь полезное орудие, что Рики и сделала с величайшей поспешностью, не уверенная в том, что поступает правильно.

Преподобный терял равновесие: с одной стороны, его отягощала Библия, с другой — унитаристская практика. Он вцепился в книгу, но не стал ее открывать, опасаясь, что, чего доброго, наткнется на какую-нибудь потерянную главу или стих, которые смутят его ум и сорвут церемонию. Положив Библию, как кирпич, на пюпитр, он проигнорировал эту важную часть ритуала.

— Живете ли вы во грехе? — возопил он.

Последовала пауза. Я заметил, как мускулы под охотничьим костюмом Тома сжались и разжались в нескольких направлениях — чтобы стукнуть и чтобы помолиться.

Видно было, как прозрачное хрустальное веко закрыло горящий глаз Тома, стоявшего ко мне в профиль, и полностью отгородило его от дражайшего священника.

Лизин язык облизнул верхнюю губу в поисках ответа, но, не найдя его, юркнул обратно в нейтральное положение.

— Повторите еще раз, как вы сказали?

Глаза Тома сверкали, как зажигательные линзы. Если бы он стоял на солнце, преподобный мистер Хикс уже давно бы задымился.

— Во грехе, — сказал преподобный Хикс. — Живете ли вы в нем?

Молчание.

Том ответил:

— Вообще-то да.

Лиза ткнула его в локоть и уставилась в пол. Раздалось сдавленное покашливание.

— О, — сказал преподобный мистер Хикс. — Ну да ладно.

Затем последовала не церемония, а проповедь, и не проповедь даже, а лекция. По теме «грех», на примере брачующихся. Преподобный не стал подробно останавливаться на особенностях одежды, но все присутствующие остро ощутили надетое белье и удушающие галстуки. Он то отклонялся от темы, то возвращался к ней. И то грешно, и это, грехи любовников и будущих мужей и грехи обманутых невест. Где-то через час он забыл, куда подевал церемонию. Потом нашел ее боковым зрением в пристальном взгляде Тома. Мистер Хикс засомневался и готов был вернуться к чистому греху, если грех вообще может быть чистым, но тут Джон положил этому конец.

Он уронил один костыль, и тот грохнулся об пол.

— Том и Лиза, берете ли вы друг друга в мужа и жены? — воскликнул преподобный мистер Хикс.

Наконец-то! Никто не слышал выстрелов и не видел ни крови, ни ран. Три десятка глоток одновременно вздохнули. Преподобный хлопнул по своей заново переписанной унитаристской Библии, состоявшей в основном из пустых страниц. Завсегдатаи паба и местный люд прильнули к окнам и отпрянули — словно от удара молнии — от наэлектризованных взглядов Тома и от потупленного взора стоявшей рядом Лизы, к которой возвращалась краска стыда. Преподобный бросился за шампанским. По какому-то недоразумению, никогда не находящему объяснения в Ирландии, дешевое пойло вышло наперерез хорошему шампанскому.

— Не это. — Преподобный отпил, поморщился и показал бокалом: — А то, другое, ради всего святого!

Только после того, как он промочил горло, щеки его зарумянились и в глазах заиграли искорки.

— Ну! — закричал он Тому. — Вот это, я понимаю, работа! Еще шампанского!

Взметнулся лес рук с пустыми бокалами.

— Леди и джентльмены! — возвестил Джон, напоминая им о приличиях. — К шампанскому полагается торт!

— Джон! — всполошилась Рики. — Только не это!

Слишком поздно. Все обратили свои голодные взоры на запыленное свадебное лакомство, дожидавшееся этого момента целых восемь дней.

Джон с палаческой улыбочкой поигрывал ножом. Лиза взяла нож так, словно только что вытащила его из своей груди и желает воткнуть обратно. Вместо этого она повернулась и склонилась над томившимся в ожидании тортом. Я подошел поближе, чтобы посмотреть, как с глазированной поверхности взлетит облако пыли, поднятое дыханием Лизы.

Она вонзила нож в торт.

Торт безмолвно упорствовал.

Он не резался и не расслаивался, а лишь нехотя позволял откалывать от себя осколки и крошился.

Лиза нанесла новый удар, и в воздух взвилась туча мельчайшей пудры. Лиза чихнула и ударила снова. Ей удалось поразить мишень и сделать четыре пробоины. После чего началась разделка. Разъярившись, она зажала нож обеими руками и учинила зверскую расправу над тортом. В воздухе носились пыль и пудра.

— Он вообще свежий, этот чертов торт? — осведомился кто-то.

— Кто это сказал? — полюбопытствовал Том.

— Не я, — ответили несколько человек.

— Давай сюда! — Том отобрал у Лизы нож. — Вот так надо!

На этот раз стала разлетаться шрапнель. Торт раскололся под его ударами и был растащен по тарелкам с жутким грохотом.

Мужчины в красных рединготах и женщины в изящных черных костюмах взирали на тарелки, усеянные изломанными зубьями — только это и осталось от улыбки красавца торта, павшего под ударами времени.

Как ни принимались, никто так и не уловил аромата пудры, исходящего от внутренностей убиенного торта, из которого давно уже отлетела душа.

Так и стояли люди добрые с безжизненным творением кондитера в одной руке и бокалом пошла в другой, пока кто-то не набрел на редкие сорта шампанского, припрятанные у стены. И началось столпотворение. Еще минуту назад оторопевшие гости не знали, куда надевать свои двойные порции неаппетитного угощения, и вот на смену исканиям пришли интенсивные возлияния и развязывание языков. Все загалдели, поминутно занимая очередь за хорошим шампанским, а Том тем временем опрокидывал одну рюмку отвергнутого бренди за другой, чтобы гнев в его глазах возгорелся с новой силой.

Джон топотал сквозь толпу, ничего не слыша, но смеясь над шутками.

— Полейте немного на мои костыли, — кричал он, — чтобы я мог двигаться!

Кто-то так и сделал.

Было бы грустно, если б не было смешно смотреть, как местное дворянство бродит с бетонно-шрапнельным тортом на тарелках, ковыряет в нем вилками, расхваливает его вкусовые качества и требует добавки.

Когда все пошло по третьему кругу, толпа осмелела, позабыла про остекленевший торт и разлила по опустевшим стаканам шотландский виски. А потом начался всеобщий исход во двор, где каждый лихорадочно искал, куда бы запихнуть остатки цементного торта.

Псы на дворе прыгали и лаяли, лошади вставали на дыбы, а преподобный мистер Хикс выбежал второпях, зажав в кулаке нечто вроде удвоенной порции двойного виски, болтливый и жизнерадостный, и поприветствовал, как ему показалось, сельских католиков, рядом с которыми крутились псы, и протестантов, придерживавших лошадей. Изумленные поселяне откликнулись на приветствие, выдав себя за приверженцев религии, которую презирали.

— А он... — начал Том у меня за спиной.

— Ты о чем? — спросила Лиза и чихнула.

— А мистер Хикс... ты слышала, чтобы он сказал «Объявляю вас мужем и женой»?

— Наверное.

— Что значит «наверное»? Так он сказал или нет?

— Что-то вроде.

— Что-то вроде? — вскричал Том. — Пожалуйста, преподобный... В конце церемонии...

— Извините за то место насчет проживания во грехе, — сказал преподобный.

— Преподобный Хикс, вы сказали или не сказали «Объявляю вас мужем и женой»?

— Ах да. — Преподобный нахмурил лоб и фыркнул. — Это легко поправимо. Отныне объявляю вас мужем и женой. Идите и еще больше грешите.

— И больше не грешите! — поправил Том.

— Ну да, — сказал преподобный мистер Хикс и смешался с толпой.

— Это мне понравилось. — Лиза счастливо чихнула. — «Идите и еще больше грешите». Надеюсь, ты скоро вернешься. Я послала кое-кого дать допинга лисице, чтобы вы вернулись пораньше. Ты в самом деле собираешься взгромоздиться на эту дурацкую лошадь, после того как столько вылакал?

— Всего шесть стаканов, — сказал Том.

— Черт, — сказала Лиза. — А мне показалось, восемь. Ты действительно сможешь пьяный сесть в седло?

— Я в боевой форме. И кстати, никогда не слыхивал, чтобы ты чертыхалась. Почему именно сегодня?

— Преподобный Хикс в своей проповеди сказал, что грядет конец света. Тебе помочь взобраться на эту странную лошадь?

— Нет, моя дорогая, — сказал Том и рассмеялся, потому что окружающие прислушивались к их разговору.

С превеликим достоинством он прошествовал к своей лошади, уселся в седло и процедил сквозь зубы:

— Стремянный кубок!

— О да.

Лиза обернулась, чтобы найти Рики с серебряным кубком вина.

— Внимание!—объявила Рики. — Невеста поднесет жениху стремянный кубок.

Лиза так стремительно вознесла кубок, что забрызгала вином бриджи Тома. Он взглянул вниз, его лицо постепенно принимало алый оттенок, под стать цвету костюма. Он схватил кубок и осушил его. Гости заплодировали и, нетвердо держась на ногах, повскакивали в седла. Джон бросил мне костыли и ухватился за свою лошадь, которая шарахнулась от него.

— Джон, ты не едешь на охоту! — закричала Рики.

— А вот и еду. Когда я сяду в седло, подай мне костыли!

— На кой они тебе? — спросил я.

— На тот случай, если я свалюсь, малыш.

И Джон громогласно расхохотался, а лошадь, страдавшая клоунобоязнью, встала на дыбы.

— Джон, ради всего святого! — взмолилась Рики.

Джон опять припал на одну ногу. От скачек навстречу смерти его спасла судорога, настигшая его, как удар в спину. Он упал и скорчился от боли. Мы все собрались поглазеть на

него. Увидев наши лица, Джон сказал назидательно:

— Вот так было и в Париже. Плохо, да? Очень плохо?

— Егерь! — крикнул Том.

Егерь подул в рожок.

Далеко на холмах, мне показалось, я приметил лисицу, уставшую, но ожидающую.

— До свидания, моя дорогая, — сказал Том.

Лиза чихнула и помахала влажным платочком.

Лошади понеслись вскачь, и псы, поверив им, бросились за ними.

— Малыш, — сказал Джон, распростертый на земле. — Вызови двух докторов. Одного — для Лизиного горла, а другого — для моей задницы. И уложи нас в постель.

— Еще чего! — возмутилась Рики.

— Ну, не в одну, разумеется, — улыбнулся Джон.

Преподобный мистер Хикс проследил, как лошади и псы растворяются вдаль, затем обратился к Лизе:

— Ваш муж задал мне какой-то вопрос...

— Вы обвенчали нас? Мы обвенчаны по закону?

Преподобный порылся в карманах своего пальто в поисках каких-то бумаг:

— Нет, пока вы оба здесь не распишетесь.

Он протянул документы Лизе.

Лиза высморкалась и спросила:

— Есть у кого-нибудь ручка?

Мистер Хикс похлопал себя по карманам и покачал головой.

На следующее утро в отеле «Ройял хайберниен» я проснулся рано, скорее всего из-за того, что выпил слишком много плохого вина.

Потом без всякой причины, скорее по интуиции, я поглядел в окно на нескончаемый дождь, и мне показалось, я увидел худощавого человека в элегантном плаще, без зонта, но в твидовом кепи с Графтон-стрит, надвинутом на серо-стальные волосы и ястребиный нос, шагавшего мимо меня так стремительно, что я чуть не окликнул его. Мои губы зашевелились, шепча его имя.

Я окунулся в постель, чтобы утонуть в покрывалах до девяти, как вдруг зазвонил телефон, заставив меня вслепую дотянуться до чертовой трубки.

— Ты проснулся? — сказал голос Рики.

— Нет, еще досыпаю.

— Позвонить позже?

— Нет-нет. Похоже, тебе надо поговорить сейчас.

— Как ты догадался? Значит, вот такая штука. В неразберихе кто-то пригласил в дом за всегдатаев из Финнова паба, что напоминало лавину из лошадей и псов. Они избавили нас от плохой выпивки, приобретенной Томом, и перебрали выпивки, купленной Джоном, одоле-

ли бренди, изничтожили шерри и пригласили всех лордов и леди к Финну продолжить беседу. Посреди этого разгула потерялся преподобный мистер Хикс. Только что мы отыскиали его в конюшне. Он отказывается вставать, если мы не посадим его в поезд до Белфаста. Торт вытряхнули в печь и выгребли золу для посыпания дорожек в саду. Лошади, прождав ночь, сами ускакали домой. Некоторые псы в конюшне спят рядом с преподобным. Кажется, на рассвете я видела у кухонной двери лисицу, она лакала сливки вместе с кошками, которые уступили ей место, видя, как она устала. Джон в постели, то ли корчится от боли, то ли делает упражнения. По крайней мере, он прекратил визгливо описывать и то и другое. Я заваливаюсь спать на все выходные. Тебе поручено переписать погоню за Китом, не важно, нужна там погоня или нет, это Джон говорит. Лиза попросила, потом потребовала билеты на самолет в Рим и... А вот и она.

— Привет, — донесся издалека слабенький голос.

— Лиза! — воззвал я с напускной бодростью.

— Я хочу спросить только одну вещь.

— Спрашивай, Лиза.

Она чихнула.

— Где... — сказала она и запнулась. Затем продолжила: — Где Том?

ГЛАВА 10

Был рождественский полдень, и меня пригласили в Кортаун на индейку с подарками. Джон позвал нескольких охотников с женами и Бетти Малоун, которая нежно заботилась о его лошадях, а также писателя с любовницей из Парижа. Мы отведали индейки и раздали все подарки, кроме одного.

— А теперь, — объявил Джон, — для Рики. Гвоздь программы. Все во двор!

Мы вышли, Джон оглушительно свистнул, и из-за дома выбежала Бетти, ведя в поводу черную кобылу с рождественским венком на шее.

Рики радостно завизжала и обняла Джона, а потом лошадь. Джон подсадил ее в седло, и она захохотала от удовольствия, похлопывая прекрасное животное.

— Отлично, — сказал Джон. — Вперед.

Рики прищипорила лошадь, поскакала по двору, потом перемахнула через забор и выпала из седла. Все мы с криками помчались к ней. Я никогда раньше не видел, как падают с лошади, поэтому у меня заскрежетали зубы и резануло в животе.

Джон первым подбежал к Рики и встал, вышаясь над ней. Он не прикоснулся к жене и не помог ей подняться с земли. Он не стал смотреть, целы ли у нее ноги, руки или туловище, а только наклонился и проорал:

— Эй ты, дрянная такая, а ну обратно в седло!
Мы все остолбенели.

Джон стоял между нами, и мы не могли дотянуться до Рики.

Без всякой поддержки Рики, трясая головой, встала на ноги.

— Черт тебя побери, — вопил Хьюстон, — лезь на лошадь!

Она попыталась забраться на лошадь, но у нее кружилась голова. Хьюстон затолкал ее в седло. Она окинула взглядом зеленую траву, забор, мужа, посмотрела на лошадь под собой и на меня.

Я почувствовал, как у меня зашевелились губы. Они беззвучно прошептали два слова:

«Счастливого Рождества».

«Счастливого Рождества», — ответили мне беззвучно ее губы.

Счастливого Рождества.

ГЛАВА 11

Я уже трижды перечитал «Моби Дика» от корки до корки. А это три раза по восемьсот с лишним страниц. Некоторые отрывки я перечитывал по десять раз. Кое-какие эпизоды — по двадцать. И все для того, чтобы избавиться от жира и всякого хлама и просветить рентгеном кости и костный мозг.

Я был и оставался преследователем Кита. Маленьким ахавом, не имеющим ничего за ду-

шой. Ибо я чувствовал, что Белизна все равно обгоняет мои хилые гребки и никудышное суденышко — портативную машинку и большие белые листы бумаги, дожидаящиеся, когда их запятнают кровью.

Мы с Джоном писали на бумаге кровью, но этого было недостаточно. Это должны были быть кровь и слезы Мелвилла. Он был Гамлетом, ожившим на замковой стене, и Лиром на дугу. Иногда мы отчетливо слышали его рыдания. В остальное время его голос тонул в соленых приливах и отливах, которые, то прибывая, то убывая, выводили нас из равновесия. Бывали дни, когда мой Вождь, невзирая на свой талант вылеплять актеров и придавать их теням узнаваемые очертания, был не в силах помочь мне, равно как и я ему.

Короче, бывали дни, когда мы, уставившись друг на друга, пожимали плечами и начинали хохотать. Мы куснули пескаря и обнаружили, что это Левиафан во всей своей библейской грандиозности и безумном неистовстве. Смех был единственным спасением от нашего отупения, которое грозило перерасти в идиотизм, если бы мы осмелились доверить бумаге кос-какие идеи, слетавшие с наших губ, идеи, которым было суждено утонуть в виски.

Однажды посреди нашего мелвилловского затмения я вдруг вскочил и закричал:

— Ухожу!

— Куда? — поинтересовался монстр из гильдии режиссеров.

— К Финну.

— Зачем?

— Затолкать Кита в большую кружку и утопить.

— А мне с тобой можно? — спросило Чудовище.

ГЛАВА 12

— А еще раньше, — начал Финн свой очередной монолог за стойкой бара, — произошло одно ужасное событие, которое лучше помнить, чем видеть.

— Когда это было? — спросил мой режиссер.

— В тысяча девятьсот шестнадцатом году, во время Пасхального восстания, — сказал Финн. — Тогда дотла сгорели огромные здания. Вы видели развалины?

— Видел, — ответил Джон.

— Это делали патриоты, когда собирались толпами, — поведал Финн. — Среди них был и мой отец.

— И мой, — подхватил Дун.

— И мой, и мой, — сказали все.

— Печальное время.

— Слава богу, не все было так печально. Ибо время от времени Господь позволял себе посмеяться. А с ним смеялись и мой отец, и отец на-

шего лорда Килготтена. Рассказать вам все по порядку от начала до конца?

— Расскажи, — попросил я.

— Итак, — начал Финн, — в разгар восстания, в холодных снегах поздней зимы, внезапно нагрянувшей на Пасху, моему отцу и отцам всех прочих недоумков, что торчат здесь, подпирая стойку бара, пришла в голову мысль, от которой зажегся, нет — возгорелся некий план...

— Какой план, Финн, что это был за план? — заговорили все наперебой, хотя слышали эту историю и раньше.

— А план был такой... — прошептал Финн и облокотился на стойку бара, чтобы поделиться своим зимним секретом.

Они с полчаса прятались возле сторожки у ворот, передавая по кругу бутылку, а потом, в шесть вечера, когда сторож отправился почивать, крадучись двинулись по дорожке, поглядывая на огромный дом, в котором каждое окно излучало теплый свет.

— Вот та самая усадьба, — сказал Риордан.

— Черт, что значит «та самая усадьба»? — возмутился Кейси и тихонько добавил: — Она всю жизнь нам глаза мозолит.

— Конечно, — сказал Келли, — но теперь, во время восстания, и усадьба вдруг стала выглядеть иначе. Совсем как игрушка на снегу.

Так всем четырнадцати и казалось: большой кукольный дом прекрасным весенним вечером, и

на него с небес, неслышно кружась, падают пушинки.

— Спички принес? — спросил Кейси.

— Принес ли я... да за кого ты меня принимаешь!

— Так принес или нет, тебя спрашивают?

Кейси принялся шарить по карманам. Вывернул все наизнанку, ругнулся и сказал:

— Нет, не принес.

— Какого черта, — сказал Нолан. — Что там у них, спичек нет? Позаимствуем несколько штук. Идем.

Когда они вышли на дорожку, Тималти споткнулся и упал.

— Ну что ж ты, Тималти, — сказал Нолан, — куда улетучился твой романтический дух? Великое Пасхальное восстание в разгаре — мы должны сделать все как надо. Чтобы многие годы спустя мы могли зайти в паб и рассказать про Страшный Большой Пожар в Усадьбе, ведь так? А смотреть, как ты шмякаешься задницей в снег, недостойно восстания, в котором мы участвуем, разве нет?

Тималти встал, чтобы не портить общую картину, и кивнул.

— Я буду вести себя как подобает.

— Тсс! Мы пришли! — закричал Риордан.

— Черт, да что ты заладил — «эта усадьба» и «мы пришли», — сказал Кейси. — А то мы сами не видим! Что дальше-то делать?

— Уничтожить? — неуверенно предложил Мерфи.

— Ну ты и болван, — сказал Кейси. — Конечно, мы ее уничтожим, но сперва... чертежи и планы.

— В пабе «У Хикки» все казалось легко и просто, — сказал Мерфи. — Приходим, и от чертовой усадьбы не остается камня на камне. Моя жена настолько превосходит меня в весе, что мне просто необходимо что-нибудь разрушить.

— По-моему, надо постучаться в дверь, — предложил Тималти, хлебнув из бутылки, — и попросить разрешения.

— Разрешения! — возмутился Мерфи. — Не хотел бы я, чтобы ты заправлял делами ада: падшие души так никогда и не попали бы на сковородку! Мы...

Но тут распахнулась входная дверь, оборвав его речи.

Кто-то вглядывался в темноту.

— Послушайте, — раздался негромкий урезонивающий голос, — не могли бы вы говорить потише? Хозяйка дома прилегла отдохнуть перед вечерней поездкой в Дублин, и...

Теплый отсвет из-за открытой двери выхватил из темноты мужчин; они пришли в замешательство, отступили на несколько шагов и сняли шапки.

— Это вы, лорд Килготтен?

— Он самый, — ответил человек, стоявший в дверях.

— Мы не будем шуметь, — сказал Тималти, улыбаясь как сама любезность.

— Извините нас, ваша светлость, — сказал Кейси.

— Как мило с вашей стороны, — ответил его светлость, и дверь аккуратно закрылась.

Все опешили.

— «Извините нас, ваша светлость», «мы не будем шуметь, ваша светлость»!.. — Кейси хлопнул себя по лбу. — Что мы тут все несли? Почему никто не схватился за дверь, пока он стоял перед нами?

— Мы были ошеломлены, он застал нас врасплох, как все сильные мира сего, будь им пусто. Но ведь мы не делали ничего такого, правда?

— Говорили мы действительно громковато, — признал Тималти.

— Громковато, черт побери! — возмущился Кейси. — Чертов лорд высунулся и улизнул из наших лап!

— Тсс, не так громко, — сказал Тималти.

Кейси перешел на шепот:

— Давайте подкроемся к двери и...

— Бесплезно, — возразил Нолан. — Он уже знает, что мы здесь.

— Подкроемся к двери, — повторил Кейси, заскрежетав зубами, — и взломаем...

Дверь снова отворилась.

Лорд тенью выглянул из-за двери и, оглядев стоявших, терпеливо осведомился тихим, надтреснутым старческим голосом:

— Послушайте, а что вы тут делаете?

— Видите ли, ваша светлость... — начал Кейси и, побледнев, осекся.

— Мы пришли, — ляпнул Мерфи, — мы пришли... сжечь вашу усадьбу!

Лорд постоял немного, глядя на это сборище, на снег; его рука покоилась на дверной ручке. Потом он прикрыл на мгновение глаза, задумался, после безмолвной борьбы справился с тиком и сказал:

— Гм, тогда вам надо войти.

Все сказали — да, конечно, вот прямо сейчас, и собрались было войти, как вдруг Кейси крикнул:

— Погодите! — а затем сказал, обращаясь к стоявшему в дверях старику: — Мы войдем, как только будем готовы.

— Отлично, — ответил старик. — Дверь будет не заперта; когда решите, что время настало, — входите. Я в библиотеке.

Оставив дверь приоткрытой на полдюйма, старик вошел в дом, и тут Тималти воскликнул:

— Когда будем готовы? Господи, неужели мы будем готовее, чем сейчас? Кейси, отвали!

И все взбежали на крыльцо.

При этих словах его светлость обернулся и взглянул на них спокойно и беззлобно — так смотрит старая гончая, видевшая множество затравленных лисиц и столько же спасшихся, которая быстро бегала, но на старости лет перешла на медленную, шаркающую походку.

— Пожалуйста, вытирайте ноги, джентльмены.

— Вытираем.

И каждый старательно очистил свои башмаки от грязи и снега.

— Сюда, — сказал его светлость и повел их за собой. Лицо лорда было покрыто сетью морщинок, под поблекшими, прозрачными глазами набухли мешки от чрезмерно долгого употребления бренди, а щеки зарумянились, как вишневое вино. — Я налью вам выпить, и мы подумаем, что можно сделать насчет — как вы изволили выразиться? — сожжения усадьбы.

— Вы само благоразумие, — признал Тималти, следуя за лордом Килготтенем в библиотеку, где тот налил всем по стакану виски.

— Джентльмены, — его светлость бережно погрузил свои кости в кресло с выгнутой спинкой, — выпьем.

— Мы не будем, — заявил Кейси.

— Не будем? — вырвалось у всех.

Выпивка уже была почти у них в руках.

— То, за чем мы пришли, делается на трезвую голову, — сказал Кейси, содрогаясь под взглядами приятелей.

— Кого мы здесь слушаем? — сказал Риордан. — Его светлость или Кейси?

В ответ все залпом осушили стаканы и прокашлялись. Храбрость немедля заалела на их лицах, они выразительно взглянули на Кейси, что-

бы тот почувствовал разницу. Не желая отста-
вать, Кейси опрокинул и свой стакан.

А тем временем старик продолжал потягивать
виски, и его спокойствие и непринужденность
зашвырнули поджигателей в Дублинский залив
и утопили в его пучине. Тут Кейси сказал:

— Ваша светлость, вы слышали о Бедствиях?
Я имею в виду не только войну с кайзером за
морем, но наше собственное великое Бедствие
и Мятеж, которые докатились и до нас, до на-
шего городка, нашего паба, а теперь и до вашей
усадьбы.

— Многочисленные тревожные события сви-
детельствуют, что настали тяжелые времена, —
сказал его светлость. — Я полагаю, чему быть,
того не миновать. Я знаю вас всех. Вы на меня
работаете. Кажется, я вам неплохо плачу.

— Несомненно, ваша светлость. — Кейси
шагнул вперед. — Просто меняются старые по-
рядки. Мы слышали, что большие дома в Таре и
особняки в Киллашандре были сожжены в озна-
менование освобождения и...

— Чьего освобождения? — кротко спро-
сил старик. — Моего? От тягот содержания это-
го дома, в котором мы с женой болтаемся, как
игральные кости в стакане, или... Ладно, продол-
жайте. Когда вы хотели бы сжечь усадьбу?

— Если это вас не слишком затруднит, — от-
ветил Тималти, — то сейчас.

Старик, казалось, еще глубже погрузился в
кресло.

— О боже, — пробормотал он.

— Разумеется, — поспешил вставить Но-
лан, — если вам неудобно, мы зайдем попозже...

— Попозже? Это еще что за разговоры! —
воскликнул Кейси.

— Мне ужасно жаль, — сказал старик. — По-
жалуйста, позвольте объяснить. Леди Килгот-
тен сейчас спит, скоро за нами приедут гости,
чтобы отвезти нас в Дублин на премьеру пьесы
Синга¹...

— Отменный писатель, — заметил Риордан.

— Смотрел его пьесу в прошлом году, — ска-
зал Нолан, — и...

— Разговорчики! — оборвал их Кейси.

Все прикусили языки. Его светлость продол-
жал говорить ломким голосом:

— В полночь мы собирались дать здесь зва-
ный ужин на десять персон. Нельзя ли... отло-
жить поджог до завтрашнего вечера, чтобы мы
могли подготовиться?

— Нет, — отрезал Кейси.

— Отложим, — согласились остальные.

— Поджог — это одно, — рассудил Тимал-
ти, — билеты — другое. Раз уж решили идти в те-
атр, было бы обидно пропустить пьесу, и еду жал-
ко — пропадет зазря, пусть уж лучше ее кто-ни-
будь съест. А приглашенные гости? Их же не
предупредишь.

---

¹ Синг Джон Миллингтон (1871—1909) — ведущий дея-
тель ирландского литературного ренессанса.

— Вот именно, — поддакнул его светлость.

— Да знаю я! — вскричал Кейси. Закрыв глаза, он провел ладонями по щекам, подбородку и губам, а потом сжал кулаки и разочарованно отвернулся. — Нельзя откладывать поджог, такие дела не переносят как чаепития, черт возьми, а берут и делают!

— Делают, если не забывают принести спички, — пробормотал Риордан.

Кейси подскочил с явным намерением ударить Риордана, но под напором неопровержимых фактов немного поостыл.

— Не говоря уж о том, — добавил Нолан, — что хозяйка дома замечательная леди и ей нужен последний вечер развлечений и отдыха.

— Вы очень любезны, — сказал лорд Килготтен и наполнил его стаканчик.

— Давайте проголосуем, — сказал Нолан.

— Черт! — Кейси мрачно озирался по сторонам. — Я как посмотрю, голоса уже подсчитаны. Ну, завтра так завтра, черт вас подери.

— Да благословит вас Господь, — сказал старый лорд Килготтен. — На кухне будут оставлены холодные закуски, вы можете сначала зайти туда; вы наверняка проголодаетесь, ведь поджог — тяжелый труд. Скажем, к восьми часам завтра вечером вас устроит? К тому времени я поселю леди Килготтен в отеле в Дублине. Я не хочу, чтобы она раньше времени узнала, что ее дом перестал существовать.

— Боже, вы истинный христианин, — про-
бормотал Риордан.

— Ладно, не будем об этом, — сказал ста-
рик. — Это уже прошлое, а я никогда не задумы-
ваюсь о прошлом. Джентльмены...

Он встал. И, как незрячий святой пастырь,
вышел в коридор вместе со стадом, которое по-
брело за ним, слегка подталкивая друг друга.

Пройдя до середины коридора, почти у две-
ри, лорд Килготтен увидел что-то своим пому-
тившимся боковым зрением и остановился. По-
вернул назад и в задумчивости встал перед боль-
шим портретом итальянского дворянина.

И чем пристальнее он вглядывался в картину,
тем сильнее дрожали от тика его веки и быстрее
шевелились губы.

Наконец Нолан спросил:

— Ваша светлость, в чем дело?

— Я вот думаю, — наконец сказал лорд, —
ведь вы любите Ирландию, правда?

— Бог ты мой, конечно! — загудели все. —
К чему спрашивать?

— Как и я, — мягко сказал старик. — А люби-
те ли вы все то, что есть в Ирландии, на ее зем-
ле, — ее наследие?

— Это тоже, — заверили все, — несомненно!

— Меня волнуют такие вещи, — сказал его
светлость. — Это портрет кисти Ван Дейка. Ста-
ринный, очень изысканный, очень важный и
очень дорогой. Это, джентльмены, национальное
художественное сокровище.

— А-а, вот оно что! — затянули поджигатели нестройным хором и столпились вокруг посмотреть.

— Боже, — изумился Тималти, — какая работа!

— Как живой, — добавил Нолан.

— Обратите внимание, — сказал Риордан, — его глаза поворачиваются вслед за тобой, откуда бы ты ни смотрел.

— Жуть, — согласились все.

И собрались уже двинуться дальше, но его светлость сказал:

— Вы отдаете себе отчет в том, что это сокровище в действительности принадлежит не мне одному, не вам, а всему народу как драгоценное достояние и завтра вечером оно сгинет навечно?

Все разинули рты. Как же они не догадались!

— Спаси нас Господь, — возмутился Тималти. — Как можно!

— Сначала мы вынесем ее из дома, — решил Риордан.

— Постойте! — закричал Кейси.

— Благодарю вас, — сказал его светлость, — но куда вы ее денете? Под открытым небом ветер изорвет картину в клочья, дождь вымочит, град исхлещет. Нет-нет, может быть, лучше ее сжечь побыстрее...

— Ни в коем случае! — воскликнул Тималти. — Я сам отнесу ее домой.

— А когда великое противостояние закончится, — сказал его светлость, — вы передадите этот

бесценный дар Искусства и Красоты, пришедший к нам из прошлого, новому правительству?

— Э-э... все картины до единой, — сказал Тималти.

Но Кейси, не сводивший глаз с исполинского холста, поинтересовался:

— А сколько весит эта махина?

— Полагаю, — слабым голосом ответил старик, — от семидесяти до ста фунтов.

— Ну и как, черт возьми, мы дотащим ее к Тималти? — полюбопытствовал Кейси.

— Мы с Брэннехеном отнесем это сокровище, — ответил Тималти, — а если потребуется, ты нам поможешь, Нолан.

— Благодарные потомки вас не забудут, — заверил его светлость.

Они двинулись дальше по коридору, и тут его светлость остановился перед двумя картинами.

— Здесь изображения двух обнаженных женщин...

— Да уж! — сказали все.

— ...работы Ренуара, — закончил старик.

— Значит, их автор — французский джентльмен? — спросил Руни. — Извините за выражение.

— Сразу видать, француз, — сказали все.

И давай толкать друг друга локтями под ребра.

— Стоят они несколько тысяч фунтов, — сказал старик.

— Не спорю, — заявил Нолан, тыча в картину пальцем, по которому хлопнул Кейси.

— Я... — начал Моргунчик Уаттс, чьи рыбки глаза под толстыми стеклами очков вечно плавали в слезах. — Я забираю этих французских дам с собой. Возьму под каждую руку по одному произведению искусства и отнесу в свой домишко.

— Договорились, — сказал с благодарностью лорд.

Они подошли к большому полотну, на котором многочисленные звероподобные люди скакали, топтали фрукты и тискали роскошных, как летние дыни, женщин. Все наклонились, чтобы прочесть надпись на медной табличке: «Сумерки богов».

— Ничего себе сумерки, — проворчал Руни. — А по мне, так это начало многообещающего денька!

— Я полагаю, — сказал пожилой джентльмен, — здесь кроется некая ирония, как в названии, так и в теме. Обратите внимание на сверкающее небо и на страшные фигуры, что прячутся в облаках. Занятые своей вакханалией, боги не замечают, что им грозит Страшный суд.

— Я не вижу в облаках ни церкви, ни ее женоподобных ангелов, — заявил Моргунчик Уаттс.

— В те времена со Страшным судом обстояло иначе, — заверил его Нолан. — Это все знают.

— Мы с Туи, — сказал Флэннери, — отнесем этих демонических богов ко мне. Так, Туи?

— Так!

И они зашагали по коридору, останавливаясь то тут, то там, словно экскурсанты в музее, и поочередно вызываясь унести домой в снежную ночь рисунок Дега, набросок Рембрандта или большой писанный маслом холст голландского мастера, пока не очутились перед весьма скверным мужским портретом, висевшим в мрачной нише.

— Это я, — пробормотал старик. — Работа ее светлости. Оставьте его здесь, пожалуйста.

— Вы хотите, чтобы он сгорел при пожаре? — изумился Нолан.

— Так, следующая картина... — сказал старик, проходя вперед.

Наконец экскурсия подошла к концу.

— Конечно, — сказал лорд Килготтен, — если вы в самом деле намерены все спасти, то в доме еще есть дюжина изысканных ваз эпохи Мин...

— Они стоят того, — сказал Нолан.

— Персидский ковер на лестничной площадке...

— Мы свернем его и отнесем в Дублинский музей.

— И изящная люстра в большой гостиной...

— Припрячем ее, пока не уляжется восстание, — вздохнул Кейси, которому все это уже здорово надоело.

— Ну что ж, — сказал старик, пожимая каждому руку. — Может, прямо сейчас и начнете? Спасение национального достояния, скажу я вам, тяжелая работа. А мне нужно минут на пять вздремнуть перед тем, как переодеться.

И старик удалился на второй этаж, оставив злоумышленников озадаченно наблюдать за тем, как он уходит.

— Кейси, — сказал Моргунчик Уаттс, — в твой умишко не забредала мысль, что если б ты не забыл спички, то теперь нам не пришлось бы всю ночь вкалывать?

— Где же твое эстетическое чувство? — воскликнул Риордан.

— Заткнись! — сказал Кейси. — Ладно, Флэннери, берись за этот конец «Сумерек богов», а ты, Туи, — за дальний, где девица прохлаждается. Ну! Взяли!

И боги, безумно кувыркаясь, взлетели в воздух.

К семи часам часть картин вынесли из дома и, прислонив друг к другу, поставили на снег; вскоре им было суждено отправиться по разным направлениям в разные хижины. В четверть восьмого лорд и леди Килготтен вышли и направились к машине, а Кейси быстро выстроил своих людей так, чтобы утонченная пожилая дама не увидела, чем они занимаются. Парни отсалютовали отъезжающему автомобилю. Леди Килготтен слабо помахала им в ответ.

С семи тридцати до десяти оставшиеся сокровища по одному или по два были вынесены.

Когда разобрали все картины, кроме одной, Келли остановился в темной нише, обеспокоенный судьбой парадного портрета старика лорда кисти леди Килготтен. Он задрожал, решил на высшую гуманность и унес картину в ночь.

В полночь лорд и леди Килготтен, вернувшись домой с гостями, обнаружили лишь глубокие борозды, оставленные на снегу в том направлении, куда Флэннери и Туи уволокли милую их сердцу вакханалию и куда Кейси, проклиная все на свете, прошествовал с Ван Дейком, Рембрандтом, Буше и Пиранези. Последним скрылся в лесу довольный Моргунчик Уаттс с двумя обнаженными Ренуарами.

Обед закончился к двум часам. Леди Килготтен отправилась почивать, довольная тем, что все картины разом отправлены на чистку.

В три часа ночи лорд Килготтен все еще не спал, он в одиночестве сидел в библиотеке, окруженный голыми стенами, перед погасшим камином, с шарфом на тощей шее и стаканом бренди в дрожащей руке.

Примерно в три пятнадцать тихо заскрипел паркет, крадучись задвигались тени, и вскоре в дверях библиотеки возник Кейси с шапкой в руках.

— Тсс! — прошептал он.

Задремавший было лорд встрепенулся, вытаращив глаза.

— Боже, — сказал он, — неужели нам пора уходить?

— Это завтрашним вечером, — сказал Кейси. — К тому же не вы должны уходить, а они — возвращаться.

— Они? Ваши друзья?

— Нет, ваши.

И Кейси увлек его светлость за собой.

Старик пошел за ним по коридору и выглянул из-за двери в бездонный колодец ночи.

Там в темноте, словно окоченевшая на собачьем холоде наполеоновская армия, обессилевшая, нерешительная и деморализованная, стояла знакомая толпа, и в руках у каждого были картины — некоторые положили их на спину или прислонили к ногам; усталые, дрожащие, побелевшие руки с трудом удерживали произведения искусства под медленно падающим снегом. Ужасающая тишина опустилась на растерянных мужчин. Они оказались в затруднительном положении, словно один враг ушел, чтобы вести иные, более славные войны, а другой, безымянный, бесшумно подкрался с тылу, не оставляя следов. Они озирались на холмы и город, будто сам Хаос вот-вот спустит на них свору своих псов. Одиноко стояли они, окруженные всепронизывающей ночью, и внимали далеким колдовским завываниям отчаяния и беды.

— Это ты, Риордан? — нервно спросил Кейси.

— А кто же еще, черт возьми? — раздался крик из темноты.

— Чего они хотят? — спросил старик.

— Дело не в том, чего *мы* хотим, а скорее чего *вы* теперь хотите от нас, — послышался чей-то голос.

— Видите ли, — заговорил другой, подходя все ближе, пока на свету все не признали в нем Ханнагана, — мы все взвесили, ваша светлость, и решили, что вы такой замечательный джентльмен, и мы...

— Мы не станем сжигать ваш дом! — выкрикнул Моргунчик Уаттс.

— Заткнись и дай человеку сказать! — раздалось сразу несколько голосов.

Ханнаган кивнул:

— Именно. Мы не станем сжигать вашу усадьбу.

— Но послушайте, — сказал лорд, — я вполне готов. Все можно легко вынести из дому.

— Извините, ваша светлость, вы слишком упрощенно подходите к этому делу, — сказал Келли. — Вам легко, а нам совсем не легко.

— Понимаю, — сказал старик, ничего не понимая.

— Похоже, — сказал Туи, — за последние несколько часов мы все столкнулись с затруднениями — у кого-то с домом, у кого-то с транспортом и платой за перевозку, вы понимаете, куда я клоню. Кто объяснит первым? Келли? Нет? Кейси? Риордан?

Все молчали.

Наконец с тяжким вздохом вперед вышел Флэннери.

— Дело в том... — начал он.

— Да? — любезно сказал старик.

— Ну, — продолжал Флэннери, — мы с Туи прошли половину пути через рошу, как два последних дурака, и отмахали две трети болота с этой огромной картиной «Сумерки богов»... и тут мы начали увязать.

— Вы устали? — участливо спросил лорд Килготтен.

— Нет, мы просто стали проваливаться в землю, ваша светлость, — вступил в разговор Туи.

— Боже милосердный, — сказал лорд.

— Вот уж действительно, ваша светлость, — сказал Туи. — Я и Флэннери, с демоническими богами в придачу, весим фунтов шестьсот, болото топкое, — а каким ему еще быть? — и чем дальше мы заходили, тем глубже проваливались, и крик застрял у меня в горле, когда я вспомнил, как собака Баскервильей или какое-нибудь еще страшилище гоняется за героиней по болотам, и представил, как она попадает в трясины, жалея, что не соблюдала диету, но уже слишком поздно, и булькают пузыри. Вот какие картины пронеслись в моей голове, ваша честь.

— Ну и?.. — воскликнул лорд Килготтен, догадываясь, что от него ждут вопроса.

— Ну и, — ответил Флэннери, — мы ушли восвояси и бросили треклятых богов в их сумерках.

— Посреди болота? — спросил старик с нотками беспокойства в голосе.

— Мы их прикрыли. Я хочу сказать, мы постелили сверху свои шарфы. Богам не пришлось помирать дважды, ваша честь. Эй, ребята, вы слышали? Боги...

— Да помолчи ты! — рявкнул Келли. — Дураки, почему вы не принесли чертову картину с болота?

— Мы подумали, возьмем еще двоих ребят на помощь...

— Еще двоих! — вскричал Нолан. — Четыре человека и целое сонмище богов — да вы провалитесь вдвое быстрее, и над вами забулькают пузыри, недоумки!

— А! — сказал Туи. — Я и не подумал.

— Мне вот сейчас пришло в голову, — сказал старик. — Может, составим спасательную команду из нескольких человек...

— Уже составили, ваша честь, — сказал Кейси. — Боб, вы с Тимом отправляйтесь спасать языческие божества.

— А отцу Лири не проболтаетесь?

— В задницу отца Лири. Идите!

Тим с Бобом спешно удалились.

Его светлость обратился к Нолану и Келли:

— Я вижу, вы тоже принесли свою большую картину обратно.

— Мы сумели оттащить ее от вашей двери ярдов на сто, сэр, — сказал Келли. — Полагаю, вам интересно, почему мы ее возвращаем, ваша честь?

— Учитывая, что совпадения так и нелезают одно на другое, — сказал старик, возвращаясь в дом надеть пальто и твидовое кепи, чтобы можно было стоять на холоде и закончить разговор, обещавший затянуться, — мне действительно любопытно.

— Все дело в моей спине, — продолжал Келли. — Она меня подвела, мы и пятисот ярдов не прошли по главной дороге. Позвонок то выскочит, то встанет на место, и так уже лет пять, а я все это время испытываю Христовы муки. Стоит мне чихнуть, как я грохаюсь на колени, ваша честь.

— Я тоже страдаю от этого недуга, — сказал старик. — Такая боль, словно шилом тычут в позвоночник.

Старик осторожно коснулся спины, припоминая, и все закивали.

— Мучения Христа, как я говорил, — сказал Келли.

— Вполне понятно, что вы не могли завершить свое путешествие с такой тяжелой рамой, — сказал старик. — И весьма похвально, что вы сумели дотащить сию неподъемную ношу обратно.

Келли моментально стал выше ростом, услышав оценку своих деяний, и просиял:

— Пустяки. И я сделал бы это еще раз, если бы не эта связка костей над моей задницей. Прошу прощения, ваша честь.

Однако его светлость уже перевел взгляд своих добрых близоруких серо-голубых глаз на Моргунчика Уаттса, который держал под каждой рукой по персиковой ренуаровской красотке и переминался на месте.

— О господи, я не тонул в болотах и не надрывал спину, — заявил Уаттс и прошелся с двумя картинами, чтобы показать, как он шел с ними домой. — Я добрался до дому ровно за десять минут и принялся вешать картины на стену. И тут у меня за спиной возникла жена. Вам когда-нибудь случалось испытывать такое: стоит ваша жена сзади — и ни гугу?

— Пожалуй, могу припомнить похожие обстоятельства, — сказал старик, пытаясь вспомнить, потом кивнул: действительно, подобные эпизоды промелькнули в его старческом сознании.

— Ну, ваша светлость, только женщина может так безмолвствовать, вы согласны со мной? И торчать, как идол из Стоунхенджа. В комнате так похолодало, что у меня зуб на зуб не попадал. Я боялся, что повернусь и окажусь лицом к лицу с Чудовищем или с дочерью Чудовища, как я ее называю, чтобы отличать от тещи. Наконец я услышал, как она делает глубокий вдох, а потом очень спокойный выдох, будто прусский генерал. «Эта женщина голая, как сой-

ка. А та — оголилась, как раскрытая раковина с устрицей во время отлива». — «Но, — возразил я, — это же наброски с натуры знаменитого художника-француза». — «Упаси меня Господь от французов! — возопила она. — Юбки едва прикрывают задницу! Платья — до пупка! Чавкают и причмокивают губами в своих грязных романах! Вот что такое французы! А теперь ты заявился домой и развешиваешь мазню своего француза по стенам! Раз уж на то пошло, почему бы тебе не снять распятие и не прибить вместо него толстую голую девку?» Ну, ваша честь, я просто зажмурился, и мне захотелось, чтобы у меня отвалились уши. «Ты хочешь, чтобы на это глазели наши мальчишки перед сном?» — говорит она. Дальше помню только, что бреду по дороге с двумя голыми, как мидии, красотками, прошу прощения, ваша честь, и премного благодарен.

— Они и в самом деле кажутся раздетыми, — согласился старик и взял в каждую руку по картине, словно пытаясь найти в них все то, о чем говорила жена этого человека. — Когда я смотрю на них, то всегда думаю о лете.

— Это, наверное, с тех пор, как вам исполнилось семьдесят, ваша светлость. Но *до* того?

— Гм, да, да, — сказал старик.

Перед его блуждающим взглядом проплыли видения полузабытого распутства.

Потом его взгляд перестал блуждать и уперся в Бэннока и Тулери. Они с подавленным видом стояли с дальнего края, у каждого за спиной вы-

силась огромная картина, рядом с которыми они казались коротышками.

Бэннок приволок свою картину домой и тут только обнаружил, что она не пролезает ни в дверь, ни в окна.

Тулери картину в дом все-таки затащил, но его жена сразу заявила, что в селе их поднимут на смех, когда выяснится, что у них есть Рубенс стоимостью полмиллиона фунтов, но нет дойной коровы!

Вот и все, чем, собственно, закончилась эта долгая ночь. Каждый поделился своей похожей, ужасающей, страшноватой и жутковатой историей, и когда наконец все было рассказано, на отважных бойцов из местной ИРА посыпался холодный снег.

Старик молчал, потому что не мог сказать ничего такого, что не было бы очевидным, а тем временем ветер уносил белесые призраки выдыхаемого пара. Потом лорд Килготтен очень спокойно распахнул парадную дверь; у него хватило сообразительности не кивать и не указывать.

Медленно, не проронив ни слова, они проходили мимо старика, словно мимо знакомого учителя в старой школе, но потом прибавляли шаг. Казалось, повернула вспять река, Ноев ковчег опустел до Потопа, а не после; вереница животных, ангелов, обжигающе знойных обнаженных дев, благородных богов, гарцующих, как кони, или парящих, как птицы, прошествовала перед глазами старика, провожавшего их ла-

сковыми взглядами и беззвучно называвшего каждую картину по имени: вот Ренуары, Ван Дейки, Лотрек и так далее, пока проходящий мимо Келли не почувствовал на своем плече прикосновение руки лорда.

Удивленный, Келли оглянулся.

И увидел, что старик пристально смотрит на маленькое полотно под мышкой у Келли.

— Мой портрет? Произведение моей жены?

— Так точно, — сказал Келли.

Старик уставился на Келли и на картину, а потом кивнул в сторону снежной ночи.

Келли улыбнулся.

Двигаясь бесшумно, точно домушник, он исчез вместе с портретом во тьме. Мгновение спустя раздался его смех, и он вернулся обратно с пустыми руками.

Старик пожал ладонь Келли своей дрожащей рукой, а потом запер дверь.

Он повернулся, словно воспоминание о прошедшей ночи уже выветрилось из его старческой головы, и заковылял по коридору с шарфом, накинутым на худые плечи как легкая усталость. Все проследовали за ним в библиотеку. Там в своих огромных руках они обнаружили выпивку и увидели, как лорд Килготтен разглядывает картину над камином, словно припоминая, висело ли там раньше «Разграбление Рима» или «Падение Трои»? Затем старик почувствовал на себе взгляды и посмотрел в упор на попавшую в окружение армию:

— Ну, за что мы выпьем теперь?

Все стали переминаясь с ноги на ногу.

Потом Флэннери воскликнул:

— За его светлость, конечно!

— За его светлость! — горячо воскликнули все, выпили, закашлялись, поперхнулись и зачихали, а старик вдруг почувствовал, как некая странная влага наворачивается на глаза, подождал, пока не уляжется шум, и только после этого произнес:

— За нашу Ирландию!

И выпил.

Все сказали:

— О господи! Аминь.

А старик посмотрел на картину над камином и наконец робко заметил:

— Не хотелось об этом упоминать... но вот эта картина...

— Сэр?

— По-моему, она висит немного криво, — сказал старик извиняющимся тоном. — Не могли бы вы...

— Не могли бы мы, ребята! — воскликнул Кейси.

И четырнадцать мужчин бросились поправлять картину...

— ...и поправили, — сказал Финн в конце своего рассказа.

Наступила тишина.

Почти одновременно Джон и я подались вперед и спросили:

— Так все и было на самом деле?

— Ну, — сказал Финн, — это яблочная кожура, если не сердцевина.

ГЛАВА 13

— Дурак, — сказал я. — Какой же я дурак.

— Почему? — спросил Джон. — С чего вдруг?

Я стоял в раздумьях у своего окна на третьем этаже отеля. По дублинской улице в свете фонаря прошел человек.

— Это он, — пробормотал я. — Два дня назад...

Два дня назад кто-то прошипел мне из проулка возле отеля:

— Сэр! Это важно! Сэр!

Я обернулся и взгляделся во мрак. И какой-то коротышка сказал мне скрипучим голосом:

— Был бы у меня фунт на билет, я бы получил работу в Белфасте!

Я засомневался.

— Работа замечательная! — продолжал он скороговоркой. — Платят прилично! Я... я вышлю долг по почте. Только назовите ваше имя и в какой гостинице остановились.

Он знал, что я турист. Отказать было уже невозможно; обещание вернуть деньги растрогало

меня. Я хрустнул фунтовой бумажкой, отделяя ее от остальных купюр.

Взгляд его скользнул как ястреб, что ходит кругами.

— А было б у меня два фунта, я бы поел в дороге.

Я достал вторую кредитку.

— А на три я мог бы взять с собой жену — не оставлять же ее дома одну.

Я отслюнявил третью.

— А, черт! — вскричал человек. — Какие-то несчастные пять фунтов, и мы найдем в этом жестоком городе гостиницу, а тогда уж я наверняка доберусь до работы!

Как он отплясывал яростный танец, невесомый, едва касаясь земли, отбивая такт ладонями, сверкая глазами, скаля зубы в улыбке, прищелкивая языком!

— Господь отблагодарит вас, сэръ!

Он убежал, и с ним мои пять фунтов.

На полпути к гостинице я сообразил, что вопреки всем своим клятвам он не записал мое имя.

— Черт! — процедил я тогда.

— Черт! — гаркнул я сейчас, у окна, когда режиссер стоял за моей спиной.

Потому что в прохожем я узнал того самого субъекта, которому уже два дня следовало находиться в Белфасте.

— А, я знаю его, — сказал Джон. — Он приставал ко мне днем. Клянчил деньги на поезд до Голуэя.

— И ты дал?

— Нет, — просто ответил Джон. — Ну, может, шиллинг..

Тут случилось самое худшее. Демонический нищий задрал голову, заметил нас и — готов поклясться — помахал нам рукой.

Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не помахать в ответ. На моих губах заиграла болезненная ухмылка.

— Уже неохота из отеля выходить, — сказал я.

— В самом деле, похолодало.

Джон надевал пальто.

— Нет, — сказал я. — Дело не в холоде, а в них.

И мы снова выглянули в окно.

По мощеной дублинской улице разгуливал ночной ветер, гоняя сажу от Тринити-колледжа до парка Святого Стефана. Двое торчали как мумии напротив, у кондитерской. Еще один околачивался на углу — руки засунуты в карманы, ощупывают глубоко погребенные кости, вместо бороды сосульки. Дальше, в подъезде, — ворох старых газет, который зашевелится, словно куча мышей, и пожелает доброго вечера, если пройти мимо. У входа в отель, словно тепличная роза, стояла знойная женщина — сила природы.

— А, попрошайки, — сказал Джон.

— Не просто попрошайки, — ответил я, — а люди на улицах, которые каким-то образом превращаются в попрошаек.

— Как в кино. Я мог бы расставить их всех на съемочной площадке, — сказал Джон. — Все ждут в темноте, когда выйдет герой. Пойдем ужинать.

— Герой, — сказал я. — Черт, это же я.

Джон пристально посмотрел на меня:

— Ты их побаиваешься?

— Да. Нет. Проклятие! Теперь все для меня превратилось в большую шахматную партию. Все эти месяцы я сижу за машинкой и наблюдаю за ними в их рабочие и свободные часы. Когда они делают перерыв на кофе, я делаю то же самое. Иду в кондитерскую, в книжный, в театр «Олимпия». Если точно рассчитаю время, обходится без милостыни, не появляется желание отвести их к парикмахеру или на кухню. Я знаю всеходы-выходы в гостинице.

— Бог ты мой, — усмехнулся Джон, — тебя довели.

— Да, и больше других — нищий с моста О'Коннела! Он непостижим, он внушает ужас. Я ненавижу его, я люблю его. Идем.

Лифт, сотню лет обитавший в запущенной шахте, как призрак, плавно двинулся вверх, волоча свои безбожные цепи и жуткие потроха. Дверь, сделав выдох, отворилась. Кабина застонала, словно от удара в живот. Оскорбленный тоскующий призрак устремился вниз.

Пока мы ехали, Джон говорил:

— При соответствующем выражении лица нищие не пристанут.

— Такое уж у меня лицо, — терпеливо объяснил я. — Оно из городка Яблочный Пирог, штат Висконсин, из поселка Сарсапарель, штат Мэн. У меня на лбу написано: «любит собак». Достаточно выйти на пустую улицу, как в радиусе нескольких миль из всех люков и лазов выскакивают нахлебники и маршируют ко мне рядами и колоннами.

— Научись смотреть мимо них или поверх, — посоветовал Джон. — Скользи по ним взглядом или смотри сквозь них. Прижимай их взглядом к земле. — Он задумался. — Я живу тут два года. Хочешь, покажу, как с ними обращаться?

— Показывай!

Джон распахнул дверь лифта, мы пересекли вестибюль отеля «Ройял хайберниен» и, шурясь, взгляделись в насыщенную сажей ночь.

— Помоги мне, Боже, — пролепетал я. — Вот поднимаются головы, загораются глаза. Учужили яблочный пирог.

— Догонишь меня у книжного, — прошептал Джон. — Делай как я!

— погоди! — крикнул я.

Но он уже вышел за дверь, сбежал по ступенькам и зашагал по тротуару.

Я смотрел, прижавшись носом к стеклу. Нищие на одном углу и на другом, напротив отеля и перед ним потянулись к Джону. Их глаза засверкали.

Джон бросил на них невозмутимый взгляд. Нищие колебались, я уверен, поскрипывая баш-

маками. Потом их кости осели. Челюсти отвисли. Глаза погасли. Хьюстон посмотрел на них в упор. Они отвели взгляды.

Барабанная дробь каблуков Джона затихла. Из подвальчика у меня за спиной доносились музыка и смех. Я подумал: может, сбегать вниз, опрокинуть стаканчик, чтоб вернуть храбрость?

«А-а, к черту!» — решил я и настежь распахнул дверь.

Эффект был такой, словно ударили в большой монгольский бронзовый гонг.

Я услышал, как подметки высекают искры из мостовой. Они бросились ко мне, их кованые башмаки высекали снопы светлячков. Я увидел, как мне машут руками. Кто-то закричал: «Нас не много осталось!»

Ниже по улице, у книжного, ждал Джон. Он стоял ко мне спиной, но третьим, затылочным глазом, наверное, наблюдал за этой сценой: индейцы приветствуют Колумба, святой Франциск с мешком орешков в окружении своих друзей-белок. А может, я виделся ему Папой Римским на балконе собора Святого Петра, под которым все колышется и волнуется.

Не успел я спуститься с парадной лестницы, как ко мне бросилась женщина и сунула под нос кулек в пеленках.

— Взгляните на несчастное дитя! — запричитала она.

Я посмотрел на младенца. Младенец — на меня.

Боже праведный, неужели он мне подмигнул?
«Нет, глаза у младенца закрыты, — подумал я. — Она накачала его джином, чтобы он не мерз на улице».

Мои руки, мои деньги поплыли-потянулись к ней и к остальным из ее команды.

— Господь вас благодарит, сэр!

Я растолкал их и побежал. Опозоренный, я мог бы теперь пройти остаток пути не спеша, но нет — я улепетывал, от моей решительности не осталось и следа. А на холодном ветру раздавался крик младенца. «Черт, — подумал я, — она ущипнула его, чтобы он запищал и разбил мне сердце!»

Джон, стоя ко мне спиной, увидел мое отражение в витрине книжного магазина и кивнул.

Я остановился, чтобы перевести дух, разглядывая себя: телячьи глаза, восторженный, ранимый рот.

— Признайся! — вздохнул я. — У меня неправильное выражение лица.

— Мне нравится твое выражение лица. — Он взял меня под руку. — Мне бы так научиться.

Мы оглянулись. Нищие уходили в свистящую темноту с моими шиллингами. Улица опустела. Зарядил дождь.

— А теперь, — сказал я наконец, — я загадаю тебе загадку посложнее: этот человек вызывает во мне неистовую ярость, потом — блаженство. Раскуси его, и ты разгадаешь всех нищих на свете.

— На мосту О'Коннела? — догадался Джон.

— На мосту О'Коннела, — подтвердил я.

И мы зашагали сквозь морозящий дождь.

На полпути к мосту, пока мы разглядывали изысканный ирландский хрусталь в витрине, меня потянула за локоть женщина в накиннутой на голову шали.

— Умирает! — зарыдала она. — Моя несчастная сестра. Рак. Жить осталось месяц! Господи, дайте хоть пенни!

Рука Джона сжала мою. Я глядел на женщину, как будто раздвоившись. Одна моя половина говорила: «Один пенни, что тебе стоит!», другая сомневалась: «Еще чего! Знает небось, что просяшь меньше — получаешь больше!».

Я изумился:

— Вы же...

«Ведь только что, у гостиницы, — подумал я, — ты совала мне под нос младенца!»

— Болею я! — Она отступила в тень. — И прошу ради умирающей!

«Ты припрятала ребенка, — думал я, — закуталась в зеленую шаль вместо серой и побежала, срезая углы, нас перехватить».

— Рак... — На ее звоннице был лишь один колокол, но как она умела в него звонить! — Рак...

Джон решительно ее перебил:

— Простите, не вам ли мы уже подавали у гостиницы?

У нас с нищенкой дыхание сперло от такой дерзости.

Лицо ее скомкалось. Я взгляделся в него. Господи, это же другое лицо! Восхитительно! Она знает то, что знают, чувствуют и чему учатся актеры: когда ты голосишь, нахраписто лезешь вперед — ты один образ, когда сожмешься, жалостливо подожмешь губы и опустишь долу глаза — другой. Женщина одна — а вот роль? Нет, нет!

— Рак... — прошептала она.

Джон выпустил мою руку, попрошайка схватила мою монету. Словно на роликовых коньках, она улизнула за угол, всхлипывая от счастья.

— Господи! — Я восторженно смотрел ей вслед. — Она изучала Станиславского. В одной книге он пишет, что достаточно сощурить глаз и скривить рот, чтобы получился другой человек. А что, если это правда? Все, что она наговорила? И так испереживалась, что не может плакать и вынуждена разыгрывать роли, чтобы сводить концы с концами? Вот что, если?

— Неправда, — сказал Джон. — Но будь я проклят, если не дам ей роль в «Моби Дике»! Представь ее в порту. В тумане, когда отплывает «Пекод». Она рыдает, причитает, скорбит! Ну, представил?

Рыдает, причитает, думал я, где-то в крошечной темени.

После нашего ухода угол улицы, наверное, так и остался пустовать под дождем.

Вот и серый каменный мост, названный в честь знаменитого О'Коннела; под ним катит холодные свинцовые волны река Лиффи, и уже за квартал слышно слабое пение. Мне вспомнились события десятидневной давности.

— Рождество, — прошептал я, — лучшее время в Дублине.

Для попрошайек, хотел я сказать, но не сказал.

Ибо за неделю до Рождества дублинские улицы наводняют облаченные в черное стайки детей во главе с учителем или монахиней. Они сбиваются в кучки в подъездах, выглядывают из театральных вестибюлей и толпятся в проулках, у них на устах «Возрадуйтесь, люди добрые», а в глазах сияет «Полночная звезда», в руках — бубны, и снежинки ласково ткут воротнички вокруг их тоненьких шей. Пение везде и всюду, и не было вечера в Дублине, чтобы, прогуливаясь по Графтон-стрит, я не слышал, как распевают «В яслях» перед очередью в кинотеатр или «Украшим жилища» — перед пабом «Четыре провинции». За одну только предрождественскую ночь я насчитал с полсотни хоров. Певчие — девочки и мальчики, монастырские и школьные — плетут в морозном воздухе кружева песнопений, вдоль, поперек, вверх, вниз и из конца в конец Дублина. Как сквозь метель невозможно пройти незаснеженным, так и мимо них нельзя пройти равнодушно. Я окрестил их «славные попрошайки», потому что за полученные деньги они воздают сторицей.

По их примеру самые опустившиеся дублинские нищие отмывают руки, штопают износившиеся ухмылки, одалживают банджо или покупают скрипку, чтобы закатить кошачий концерт. Кто-то даже вскладчину покупает четырехрядную гармошку.

Как могут они молчать, когда полмира распевает песни, а другая половина, прогуливаясь вдоль мелодичной реки, готова щедро и с радостью платить, лишь бы послушать новый хор?

Так что Рождество — лучшее время года для всех. Нищие работают — фальшивят, конечно, зато хоть раз в году они чем-то заняты.

Но Рождество прошло, дети в лакрично-черных одеяниях улетели в свои гнездышки, городские нищие умолкли и, радуясь тишине, вернулись к своим бездельничьим повадкам. Все, кроме нищих на мосту О'Коннела, которые круглый год стараются отрабатывать полученное.

— У них есть самоуважение, — говорил я на ходу Джону. — Я рад, что вон тот, первый, бренчит на гитаре, второй пикирует на скрипке. А вот и он, господи, на середине моста!

— Тот, кого мы ищем?

— Он самый. С гармошкой. Можно поглазеть. Думаю, можно.

— То есть? Он же слепой. Или нет?

Дождь ласково капал на серый каменный Дублин, на серые плиты набережной, в серый лавовый поток реки под мостом.

— В том-то и дело, — сказал я наконец, — что не знаю.

И мы стали на ходу разглядывать человека, стоявшего точно посередине моста О'Коннела.

Он был невысок ростом — этакая колченогая статуя, умыкнутая из какого-нибудь сада; его одежду, как у большинства ирландцев, слишком часто застирывала непогода; волосы слишком часто седели от задымленного воздуха; щеки закоптила щетина, из оттопыренных ушей торчали пучки седых волос; лицо красное от бесконечного стояния на холоде и слишком долгого пития в пабах, чтобы выдержать очередное бдение на морозе. На глазах черные очки — но как знать, что притаилось под ними? Несколько недель назад я заподозрил, что он провожает меня взглядом, проклиная мое стыдливое бегство, или просто слышит, как меня подгоняют угрызения совести. Я ужасно боялся, что он может сорвать со своего носа очки, когда я прохожу мимо. Однако пуще всего я боялся обнаружить бездну, в которую могут низвергнуться со страшным воем его чувства. Лучше не знать, что там, под закопченными стеклами, — зрачок пятнистой кошки или межзвездное пространство.

Но была еще одна, особая причина, почему я не мог смириться с его существованием.

И в дождь, и в снег, и на ветру, долгими промозглыми неделями он торчал на мосту с непокрытой головой.

Только он один в Дублине часами проставал под ливнями и морозящими дождями; вода струилась по его ушам, слипшимся пепельно-каштановым волосам, бровям и заливала угольно-черные стекла очков на носу, с которого скатывались дождевики-жемчужинки. Дождь лился по щекам, по складкам у рта и губам, словно поток из пасти каменной химеры, поливая с острого подбородка твидовый шарф и пиджак паровозного цвета.

— Почему он не носит шапку? — стал допытываться я.

— Может, у него просто нет? — сказал Джон.

— Но должна быть! — вскричал я. — Ну нельзя же без нее, — сказал я тише.

— А если она ему не по карману?

— Такой бедности даже в Дублине нет. Уж шапка-то есть у каждого!

— Может, ему по счетам платить надо или кто-нибудь из родных захворал?

— Но выстаивать неделями, месяцами под дождем — и глазом не моргнуть, не повернуть головы — уму непостижимо. — Я замотал головой. — Это все хитрости, уловки, как у остальных. Чтобы разжалобить. Чтобы тебе было зябко смотреть и ты не скупился на подаяние.

— Уверен, тебе уже стало стыдно за свои слова, — сказал Джон.

— Да, стыдно. — Вода сочилась даже из-под моей кепки и текла по носу. — Черт, есть же этому объяснение!

— Почему бы тебе не спросить его самого?

— Нет!

И тут случилось ужасное.

Пока мы разговаривали под холодным дождем, нищий молчал. И вдруг, словно возрожденный к жизни непогодой, он с силой сжал гармошку и выдал из ее продолговатого складного чрева несколько сильных нот, но это не было вступлением к тому, что последовало дальше.

Он открыл рот. И запел.

Над мостом О'Коннела поплыл сладостный, чистый баритон, ровный, уверенный, без дрожи в голосе или изъяна. Достаточно было этому человеку разомкнуть губы, и распахивались все потаенные, сокровенные дверцы у него внутри. Он не столько пел, сколько выпускал на волю душу.

— Великолелно, — сказал Джон, — замечательно.

— Потрясающе, — сказал я. — О да.

Мы слушали, как он не без иронии восхвалял «Прекрасный город Дублин», где дожди идут всю зиму, сорок дней в месяц, потом исполнил прозрачную, как белое вино, «Катлин Мавурнин», воспел «Макушлу»¹, а также прочих увядших юношей, девиц, озера, холмы, былую славу и нынешние невзгоды, но в его пении все это

---

¹ «Катлин Мавурнин» («Моя дорогая Катлин») и «Макушлу» («Возлюбленная») — ирландские песни.

как-то одухотворялось, наливалось молодостью и свежими красками, словно под легким весенним, совсем не зимним дождем. Если он вообще дышал, то, должно быть, ушами — так плавно, без запинки, выстраивались одно за другим округлые слова.

— Ему надо петь на сцене, — пробормотал Джон. — Он слишком хорош для такого места.

— И мне это часто приходит в голову.

Джон мял в руках свой бумажник. Я смотрел то на него, то на поющего попрошайку; дождевые капли катились с его обнаженной головы и смолянистых волос, подрагивая на мочках ушей.

И тут случилась противоестественная метаморфоза. Не успел Джон протянуть нищему деньги, как я схватил его за локоть и потащил на другую сторону моста. Джон упирался, таррачился на меня, потом, чертыхаясь, пошел со мной.

Удаляясь, мы слышали, как нищий затянул новую песню. Оглянувшись, я увидел, как он, гордо подставив ливню очки и рот, пел чистым звонким голосом:

Сгинь, пропади, в ящик сыграй,
Загнись, старый черт, копыта отбрось,
Помри, подохни, концы отдай,
А то меня милый заждался небось.

— Почему ты раздавал деньги всем направо и налево, а ему не дал? — спросил Джон.

Нищие Дублина. Кому приходило в голову присмотреться к ним, узнать их, понять?

Я, во всяком случае, не думал о них все последующие дни.

А когда задумался, то совершенно уверился в том, что каменный человек-химера, принимающий ежедневный душ, распевая ирландские оперы на мосту О'Коннела, вовсе не слепой. И опять его голова показалась мне вместилищем тьмы.

Однажды я очутился у магазина рядом с мостом О'Коннела и принялся изучать стопку добротных твидовых кепи. Новая шапка была мне не нужна, в чемодане хранился запас, которого хватило бы на всю жизнь. И все же я вошел, чтобы купить теплую красивую коричневую кепку, и принялся рассеянно разглядывать ее.

— Сэр, — сказал продавец. — Это седьмой размер. Вам, пожалуй, нужен семь с половиной.

— Она мне подойдет, подойдет.

И я закинул кепку в карман.

— Я дам вам пакет, сэр.

— Нет!

Я залился краской, догадавшись вдруг, что у меня на уме, заплатил и выбежал на улицу.

Мост дождался меня под морозящим дождем. Осталось только подойти и...

На середине моста простоволосого слепого попрошайки не оказалось.

На его месте стояли пожилой мужчина и женщина. Они крутили ручку огромной шарманки,

постреливавшей и кашлявшей, словно кофемолка, заправленная стеклом и камнями. Слышалась не мелодия, а героические, удручающие усилия желудка переварить железку.

Я ждал, пока так называемая музыка стихнет, комкая в потном кулаке новую твидовую кепку. Шарманка хрипела, ухала и лязгала.

«Будь ты проклят!» — казалось, цедили сквозь зубы остервеневшие от своего ремесла престарелые шарманщики с побледневшими от дождя лицами и горящими глазами. «Плати же! И слушай!.. Но мелодий не дождешься! Сам ее сочинишь», — говорили их стиснутые губы.

Я стоял на том месте, где всегда пел нищий без шапки, и думал: почему бы им не отдать пятидесятую часть месячной выручки настройщику? Если б я крутил ручку, мне хотелось бы услышать песню, хотя бы самому! «Да, если бы ты крутил ручку! — отозвался я. — Но ты не крутишь!» Разумеется, они ненавидят попрошайничество — никто их за это не осудит — и не желают воздавать за подаяние знакомой песней.

До чего же они не похожи на моего простоволосого друга!

Моего друга?

Я зажмурился от неожиданности, потом шагнул вперед и кивнул:

— Извините. Человек с гармошкой...

Женщина перестала вертеть ручку и уставилась на меня:

— Чего?

— Человек, что стоял под дождем без шапки.

— А, этот! — проворчала женщина.

— Его сегодня нет?

— А вы сами не видите? — напустилась она на меня и принялась вращать ручку бесовской машины.

Я положил в кружку пенни.

Она так зыркнула, будто я плюнул ей в ладонь.

Я добавил еще пенни.

— Вы знаете, где он? — спросил я.

— Заболел. Слег. Мы слышали, как он кашлял, когда уходил.

— Вы знаете, где он живет?

— Нет!

— А как его зовут?

— Откуда ж мне знать!

Я стоял в растерянности, думая, каково сейчас ему где-то в городе, покинутому, и с глупым видом разглядывал новую кепку.

Пожилые шарманщики пристально смотрели на меня.

Напоследок я положил в кружку шиллинг.

— Он поправится, — сказал я, ни к кому не обращаясь.

Женщина налегла на ручку. В жутком брюхе камнедробилки заскрежетало битое стекло и мусор.

— А что это за мелодия? — полюбопытствовал я.

— Вы что, глухой?! — накинулась она на меня. — Национальный гимн! Может, кепку снимете?

Я показал ей новую кепку. Она подняла глаза:

— Не эту, а вашу!

— А!

Я, покраснев, сорвал с головы кепку.

Теперь их у меня было по одной в каждой руке.

Шарманщица крутила ручку. Звучала «музыка». Дождь хлестал меня по лбу, по глазам и рту.

На дальнем конце моста я остановился, чтобы принять мучительно трудное решение: какую из кепок нахлобучить на мокрую голову?

Всю следующую неделю я часто проходил по мосту, но там либо стояла пожилая пара со своим орудием пытки, либо никого не было.

Как-то в пятницу вечером ко мне зашел Джон с бутылкой и перепечатанным сценарием. Говорили долго, содержательно, допоздна. Огонь в камине резвился могучим веселым оранжевым львом, отражаясь в стаканах с бренди. В комнате на мгновение воцарилось молчание, вероятно потому, что мы почувствовали, как большими мягкими хлопьями падает за окнами тишина.

Джон, со стаканом в руке, смотрел на нескончаемое кружево за окном, потом взглянул вниз, на камни полночной мостовой, и сказал вполголоса:

— Нас мало осталось.

Я выждал и спросил:

— Я слышал, как это сказал один из нищих. Как это понимать?

Джон посмотрел вниз, на фигурки попрошачек, выступающие из тени, и пригубил свой бренди.

— Раньше я думал, что он участвовал в восстании и что членов ИРА осталось совсем немного. Но нет. А может, он хотел сказать, что мир богатеет и нищих становится все меньше? Но это тоже не то. Или он хотел сказать, что все меньше остается «человечных» людей, способных смотреть, замечать и понимать, каково тем, кто просит, и тем, кто отзывается на просьбу. Всем некогда, все суетятся, нет времени посмотреть друг другу в глаза. Но думаю, все это ерунда, шелуха, чепуха и сантименты.

Джон отвернулся от окна, подошел, взял новую твидовую кепку с каминной полки и сказал:

— Ты видел сегодняшнюю газету?

— Нет.

Джон достал из кармана скомканный клочок.

— Просто записка из «подвала» на пятой странице «Айриш таймс». Видно, у нищего с моста О'Коннела сдали нервы. Он выбросил свою гармошку в реку Лиффи и прыгнул вслед за ней.

«Значит, вчера он вернулся! — подумал я. — А я его не увидел!»

— Бедняга, — усмехнулся Джон, выдохнув из себя воздух. — Какая нелепая, жуткая смерть. И эта дурацкая гармошка-концертино — терпеть

их не могу, а ты? — летит со свистом вниз, как околевающая кошка, а за ней — человек. Я смеюсь, и мне стыдно. Да. Тело не нашли. Пока ищут.

— Боже мой! — вскричал я и вскочил с места. — Черт побори!

Джон пристально посмотрел на меня:

— Ты бы ничего не мог поделать.

— Мог бы! За все это время я не дал ему ни гроша, ни единого! Я болтался по городу, разбазаривая монетки. А ему — ни одной! Черт!

Я тоже стоял теперь у окна, смотрел на падающий снег.

— Я думал, обнаженная голова — хитрость, чтобы вызвать к себе жалость! Черт, через какое-то время внушаешь себе, что вокруг одни мошенники! Я проходил мимо зимними вечерами под проливным дождем, а он пел, и меня пронимала такая дрожь, что я возненавидел его со всеми потрохами. Интересно, сколько еще человек испытывали то же самое? И в его кружку не попадало ничего. Я думал, он одного поля ягода с остальными. А может, он был настоящий бедняк, недавно обнищавший, и только в эту зиму начал просить подавание, а прежде не попрошайничал. Заложил одежду, чтобы прокормиться, и остался на улице под дождем без шапки.

Снег повалил гуще, стирая столбы и статуи, что стояли в тених, отброшенных фонарями.

— Как отличить одного от другого? — спросил я. — Как узнать, кто порядочный, а кто плут?

— В том-то и дело, — сказал тихо Джон, — что они никак не отличаются. Одни занимаются этим дольше других и так поднаторели, что забыли, с чего все много лет назад начиналось. В субботу была еда. В воскресенье не было. В понедельник они брали в долг. Во вторник занимали первую спичку. В четверг — сигарету. А через несколько пятниц, бог знает как, оказывались перед дверями отеля «Ройял хайберниен». Они не смогут объяснить, как это произошло или почему. Одно верно: они хватаются пальцами за край утеса. Может, этому несчастному с моста О'Коннела отдавили руки и он сдался? Что это доказывает? Трудно прижимать их взглядом к земле или отводить глаза. В большинстве случаев мне это удается. Но нельзя же вечно убегать и прятаться. Можно только подавать всем без разбору. Если начнешь отдавать кому-то предпочтение, другие обидятся. Теперь мне стыдно, что я не дал слепому певцу шиллинг. Ладно. Ладно. Будем себя тешить тем, что деньги ни при чем, а причины в семье или в его прошлом. Теперь уж не узнать. В газете нет имени.

Снег тихо падал перед нашими глазами. Внизу поджидали темные фигуры людей. Трудно сказать, делал ли снег овец из волков или овец из овец, мягко укутывая их плечи, спины, шали и шапки.

Джон пожелал мне спокойной ночи и ушел.

Пятью минутами позже я спускался в заколоченном ночном лифте с новой твидовой кепкой в руке.

В рубашке с короткими рукавами, без пальто, я шагнул в объятия зимней ночи.

Я отдал кепку первому, кто подошел. Не знаю, пришлась ли она ему впору. Моментально были розданы все деньги из моих карманов.

Потом, оставленный в одиночестве, продрогший, я посмотрел вверх. Я мерз, вглядываясь вверх, смаргивая снежинки, сквозь завесу, плену ниспадающего в тишине слепящего снега. Я видел высокие окна отеля, огни, тени.

«Как там у них? — думал я. — Горят ли у них каминь? Тепло ли у них от горячего дыхания? Кто эти люди? Пьют ли они? Счастливы ли? Они хотя бы знают, что я здесь?»

ГЛАВА 14

— Ну как, еще не разгадал загадку ирландской души? — спросил Финн.

— Ирландцы — это кроссворд без номеров, — ответил я.

— Да, мы такие, — не без гордости сказал Финн.

До открытия оставался час, и Финн впустил меня через черный ход, чтобы я мог хотя бы спо-

койно добыть ворвань, если уж не удастся объяснить тайну Кита и его владений.

— Никто из нас не знает, что он собой представляет, да и знать не хочет, — добавил Финн, протирая стойку бара, будто слова его преходящи и сей же час должны быть стерты. — Мы — загадка, заключенная в коробку, помещенную в лабиринт без двери и без ключа. Мы — похлебка, насыщенная ароматами, но лишенная питательности.

— Я бы так не сказал, Финн.

— Ну хорошо, беру свои слова обратно. Если ты не решил ирландскую головоломку, то, может, просветил рентгеном Кита и обнаружил кости?

— В первом приближении.

Я подчеркнул в своем тексте некоторые слова.

— «Он был весь белый, белый, как льдины на рассвете, белый, как кошмарный сон, который не кончается. Иллюминация, уплывшая в море. Ужас в глазах, который не померкнет». Какие из этих, Финн?

— Давай их все, — сказал Финн. — Они помогут потянуть время.

— Финн, в сценариях не полагается тянуть время.

— Это я так выражаюсь. Но признайся, в большинстве фильмов тянут время, и ничего больше.

— Э, да ты кинокритик, Финн!

— Нет, просто я из тех, кто, обнаружив несоленую воздушную кукурузу, понимает, что вечерок пошел насмарку. Когда закончишь этот чертов сценарий, уедешь ли ты за день до этого или через неделю? Я хочу сказать, если ты не разобрался в Ирландии, станешь ли ты ломать себе голову и читать между строк?

— Не знаю, на что решиться, Финн.

— Ладно, не разрывайся на куски. Лежи себе спокойненько в канаве, как говорят свинопасы.

— Подожди, запишу!

— Лежи себе спокойненько, — продиктовал довольный Финн, облокотившись на стойку, — в канаве...

ГЛАВА 15

Телефон зазвонил в третьем часу ночи.

Жена, подумал я, потом передумал.

Нора, подумал я. Только она в целом свете, во всей моей жизни способна звонить и звонить в три ночи, в самый несусветный час.

В темноте я на ощупь выбрался из постели, нашел телефон, приложил трубку к уху и воззвал:

— Нора!

— Боже мой, — произнес женский голос, — как ты догадался?

— Очень просто, — сказал я, засмеявшись. — Сейчас ровно середина ночи. Кроме тебя, только

Господь может побеспокоить меня так поздно — или так рано.

— О, Уильям, Уилли, Уилл! — воскликнула Нора откуда-то из снежного заряда помех. — Уильям!

Давным-давно она окрестила меня Шекспиром Вторым, а может, Третьим, и не называла никак иначе.

— Уилли, Уилл! Что там у тебя с Белыми Китами, сценариями и знаменитыми режиссерами? Неужели ты наконец сказочно разбогател? А разбогатевший писатель не желает, часом, обзавестись сказочным замком?

— Это за пять-то часов до рассвета, если он вообще случается в Ирландии? Нора, Нора! Ты здороваешься когда-нибудь?

— Жизнь слишком коротка, чтоб ее тратить на приветствия. Тут и попрощаться-то как следует некогда. Послушай, а ты смог бы купить Гринвуд? Или взять в подарок, если я тебе его отдам?

— Нора, это же ваш родовой замок — двести бурных лет истории! Что же станет тогда с разгульной светской жизнью Ирландии, со всеми пирушками, пьянками и сплетнями? Нет, как можно!

— И можно, и нужно. Знаешь, у меня тут сундуки с деньгами, прямо под дождем. Уилли, Уильям, я одна во всем доме. Все слуги убежали помогать Аге. В эту последнюю ночь, Уилл, я хочу, чтобы ты посмотрел на Призрака глазами писателя. Что, мороз по коже? Приезжай. Я от-

даю свой дом, с привидениями в придачу. Ах, Уилли, ах, Уильям!

Щелчок. Молчание.

Джон уехал в Лондон подбирать актеров для нашего фильма, так что я оказался свободен. Но час был слишком поздний для пятницы и слишком ранний для субботы, чтобы просить Майка приехать из Килкока и отвезти меня в Брей, поэтому я нанял шофера, и машина понесла меня по извилистым дорогам, между зелеными холмами навстречу синему озеру и шелковистым лугам — к загадочному и легендарному Гринвуду.

Я усмехнулся, вспоминая, как много лет назад эта умалишенная мимоходом подобрала меня, нищего писателя, на улицах Дублина. Ах, Нора! Нора! Что бы ты там ни болтала, вечерушка сейчас в самом разгаре, на полпути к упоительной гибели. Актеры, наверное, прилетели из Лондона, дизайнеры — из Парижа, девочки из «Гиннесса» прикатили из Голуэя.

Часам к восьми ты уже будешь хорош, думал я, к полуночи вконец отупеешь от толкотни, завалишься спать и продрыхнешь до полудня. А в воскресенье, за ужином, напьешься уже основательно. Где-то между делом будет разыгрываться постельный вариант игры в «третий лишний» с участием ирландских, французских графинь и прочих леди, с одной стороны, и зверь-самцов, гуманитариев из Сорбонны — с другой. Их сегодня много набежало, усатых (какой же поцелуй

без усов!) и безусых. И плевать, что грядет понедельник, он где-то далеко, за миллион миль. Во вторник я позвоню Майку, чтобы он отвез меня в Дублин, но не растряс по дороге, как будто я большой, изнаывающий от боли зуб мудрости, чрезмерно умудренный. Избегаю встреч с женщинами, все тело ноет от воспоминаний, и алиби припасено, если позвонит жена.

По дороге я вспоминал свой первый приезд к Норе.

Нора послала за мной кого-то. Старая, выжившая из ума герцогиня с акулыими зубами и оштукатуренным лицом затолкала меня в спортивный автомобиль и рванула к Норе.

«Норин зверинец придется тебе по душе, цветничок тоже, — завывала она сквозь теплый ветер. — Публика у нее собирается на любой вкус: хочешь — зверюги, хочешь — укротители, тигры, киски, розы, сорняки, что угодно. В ручьях у нее водится всякая рыбка, и холодная, и погорячее. А в парниках там зреют плотоядные монстры — наглотались жутких испарений и вымахали аж до потолка. Приезжаешь к Норе в пятницу в чистом белье, а в понедельник уползаешь весь грязный и пропотевший. Ты словно впитал, пережил и написал все Босховы соблазны, прошел сквозь Ад, видел Страшный суд и Конец света! У Норы в замке живется как за теплой щекой великана, тебя ежечасно жуют и пережевывают. Замок проглотит тебя, а когда он выдавит из тебя последние соки и обсосет твои юные

сладенькие косточки, то выплюнет тебя, и ты окажешься под холодным дождем, на станции, один, позабыт-позаброшен».

«Я что, покрыт желудочным соком? — Я старался переорать рев мотора. — Никакому замку меня не переварить! Не позволю насыщаться своим первородным грехом!»

«Гы-гы-гы! Глупенький! — загоготала герцогиня. — Да тебе уже к утру воскресенья все косточки обгложут!..»

Я освободился от нахлынувших воспоминаний; машина вынырнула из леса и плавно шла на приличной скорости. Мы сбросили газ, потому что от каждого прикосновения красоты замирало сердце, кружилась голова, пробегали по телу мурашки, поэтому-то и нога водителя все слабее давила на педаль.

Под небом озерной синевы, у озера небесной сини стоял величественный Гринвуд, замок Норы. Он расположен среди самых круглых в Ирландии холмов, его окружают самые густые в Ирландии леса и самые высокие деревья. Его башни построены невоспетыми зодчими и ушедшими в небытие людьми. Для чего? Никто не знает. Гринвудские сады зацвели в первый раз пятьсот лет назад. А лет двести назад по чьей-то прихоти между древними кладбищами и склепами затесались амбары и подсобки. Здание женского монастыря землевладельцы превратили в конюшню, а в 1890 году к замку пристроили новые крылья. У озера — развалины охотничьего

домика, здесь дикие лошади, утопая в море трав, уносятся в мятную дымку мимо озер с ледяной водой. В пустошах затерялись одинокие могилы грешниц; отринутые миром, эти девушки остались изгоями и после смерти, столь чудовищны были их преступления.

Как будто в знак приветствия, солнце десятками своих отражений вспыхнуло в десятках окон. Слепленный, водитель резко нажал на тормоза.

Я сидел, зажмурив глаза и облизывая губы, вспоминая свой первый вечер в Гринвуде.

Дверь открыла Нора собственной персоной, совершенно голая.

«Герцогиня, вы успели как раз к шапочному разбору», — возвестила она.

«Ерунда! А ну, сынок, поддержи. Это тоже». И герцогиня прямо в дверях молниеносно в три приема сбросила с себя одежду и превратилась в очищенную устрицу.

Я стоял как вкопанный с ее одеждой в руках.

«Ну, парень, настал твой смертный час», — прокаркала герцогиня, преспокойно вошла в дом и исчезла в толпе изысканно одетых гостей.

«Меня побили моим же собственным оружием! — воскликнула Нора. — Что ж, теперь, чтобы выдержать конкуренцию, надо одеться. Жаль, а я так надеялась, что у вас челюсть отвиснет».

«Что вы, она еще и сейчас у меня отвисает», — заверил ее я.

«Идемте, поможете мне одеться».

Мы ходили по спальне, путаясь ногами в ее разбросанной одежде, которая источала тончайший мускусный аромат.

«Подержите мне трусики, я в них влезу».

Я залился краской. А потом разразился безудержным хохотом.

«Прошу извинить, — выговорил я наконец, застегнув ей на спине лифчик. — Бывает же такое: еще только вечер, а я вас одеваю. Я...»

Где-то хлопнула дверь. Я огляделся по сторонам в поисках герцогини.

«Исчезла, — пробормотал я, — дом уже проглотил ее».

В самом деле, все, что она напорочила, сбылось: я увидел ее снова только в понедельник, хмурый и дождливый. Она уже не помнила ни как меня зовут, ни моего лица, ни меня самого.

«Боже праведный, — вырвалось у меня, — что это? А это?»

Все еще одевая Нору, я подошел с ней к дверям библиотеки.

Внутри все сияло, как в ослепительном зеркальном лабиринте. Гости обернулись.

«Вот это, — показала Нора, — «Ballet Russe», русский балет. Только что прибыли. А слева — венские танцоры. Божественный подбор исполнителей. Соперничающие балетные банды из-за незнания языка не могут дразниться и ехидничать, и приходится им весь свой сарказм изливать в пантомиме. Отойди в сторонку, Уилли, валькирии должны превратиться в рейнских

дев. А вот эти мальчишки и без того уже рейнские девы. Побереги тыл!»

Нора оказалась права.

Битва началась.

Нежные, хрупкие лилии с ревом, рыком, воем и визгом наскочили друг на друга, а потом, обессиленные, расплзлись, рассыпались, разбежались по десяткам комнат, и десятки дверей залпом захлопнулись за ними. Мерзость стала мерзким альянсом, а мерзкий альянс превратился в горящую, пылающую, пышущую бесстыдством страсть. Хорошо хоть Господь потрудились убрать все это с глаз долой.

В блестящей, сверкающей круговерти писателей, художников, поэтов, хореографов пронеслись-промелькнули суббота с воскресеньем.

Меня тоже захлестнул телесный водоворот и неумолимо понес навстречу унылой реальности понедельника, удручающей, как засидевшаяся в девицах тетушка.

Сколько лет, сколько вечеринок канули бесследно! И вот я снова здесь.

Выситя громада Гринвуда, все затаилось.

Музыка молчит. Машины не подъезжают.

«Э, что за новое изваяние там на берегу? — спросил я себя. — Новое? Нет. Это же...»

Нора собственной персоной. Сидит одна, подобрала ноги под платье, побледневшая, и смотрит завороченно на Гринвуд, будто это не я приехал, словно и нет меня вовсе.

— Нора?..

Но ее глаза застыли, они видят только замок, его стены, замшелые кровли и окна, в которые глядится бесстрастное небо. Я оборачиваюсь и смотрю на замок.

Что-то не так. Может, замок осел фута на два? А может, это земля осела вокруг замка и он остался на мели, покинутый, на леденящем ветру? Может, от землетрясения стекла перекосились в рамах и теперь каждому входящему в дом гостю окна корчат рожи и гримасы?

Входная дверь распахнута настежь. Меня коснулось дыхание дома.

Коснулось едва-едва. Вот так же, бывает, проснешься среди ночи и слышишь теплое дыхание жены, но вдруг цепенеешь от ужаса, потому что это не ее дыхание, не ее запах! Хочешь растолкать ее, окликнуть. Кто она, что она, откуда? Сердце глухо колотится в груди, а ты лежишь, не можешь уснуть. Рядом кто-то чужой.

Я зашагал по лужайке, и в окнах замка мгновенно ожили тысяча моих отражений, шагающих, чтобы остановиться над головой Норы.

Я и тысяча моих подобий тихо уселись на траву.

«Нора, милая Нора, — думал я, — мы вместе, мы снова вместе».

Тот первый приезд в Гринвуд...

После этого мы виделись изредка, мимоходом, подобно тому, как мелькают в суতোлке знакомые лица, как влюбленные, разделенные проходом в электричке, как случайные попутчики

в поезде, который свистит, возвещая о скором приближении станции. Мы держались за руки или позволяли своим телам до боли вжиматься друг в друга под натиском толпы, которая вываливается на остановке из битком набитого вагона. А потом, вынужденно, никаких прикосновений, ни единого словечка, ничего — и так год за годом.

Или же, бывало, через год мы разбрелись каждый в свою сторону, как в полуденный зной. Нам и в голову не приходило, что мы можем вернуться, что взаимное притяжение еще приведет нас друг к другу, еще столкнет нас. Уходило еще одно лето, закатывалось солнце, и Нора возвращалась, волоча за собой пустое ведро для песочка, возвращался и я с побитыми коленками. Пляжи опустели, окончен странный сезон. Остались мы одни, чтобы сказать: «Привет, Нора». — «Привет, Уильям». А ветер тем временем крепчает, море мрачнеет, словно из пучины поднялось огромное стадо осьминогов и замутило воды своими чернилами.

Я часто спрашивал себя, придет ли когда-нибудь день, когда круг наших скитаний замкнется и мы останемся вместе. И вот однажды, лет двенадцать назад, такой момент наступил. От нашего теплого, ровного дыхания наша любовь обрела равновесие, подобно перышку на кончике пальца.

Однако это случилось, потому что мы встретились с Норой в Венеции, вдалеке от ее дома, от

Гринвуда. Здесь, в Венеции, она была свободна от своего замка и могла бы полностью принадлежать кому-нибудь другому, например мне.

Нас почему-то волновали одни только разговоры о постоянстве. На следующий день, облизывая губы, ноющие от взаимных обвинений, мы так и не нашли в себе силы сказать друг другу: «Отныне и навсегда, хоть квартира, хоть дом, только не Гринвуд, ради всего святого, только не Гринвуд, останься!» Может, полуденное солнце слишком безжалостно высвечивает наши изъяны? Или, что более вероятно, гадким детям опять стало скучно. А может, нас испугала тюрьма на двоих! Как бы там ни было, но наше перышко, которое ненадолго обрело равновесие на волнах нашего дыхания, благоухающего шампанским, улетело. Незвестно, кто из нас первым задержал дыхание. Под предлогом срочной телеграммы Нора сбежала в Гринвуд.

Писем скверные детки не писали. Я понятия не имел, сколько песочных замков она разметала, а она не знала, сколько пижам вылиняло на мне от пота страсти. Я просто женился. И, как ни странно, был счастлив!..

И вот опять мы пришли с разных сторон и встретились в этот необыкновенный вечер у знакомого озера. Мы окликаем друг друга молча, мы бежим навстречу друг другу, не двигаясь с места, будто и не было стольких лет разлуки.

— Нора.

Я взял ее за руку. Рука холодная.

— Что случилось?

— Случилось?!

Она рассмеялась. Умолкла и отвернулась. И вдруг рассмеялась опять.

Смех был мучительно тяжелый, чреватый слезами.

— Мой милый, дорогой Уилли, думай что угодно, что мы тут взбесились, сошли с ума, свихнулись... Ты спрашиваешь, что случилось, Уилли?!

Она погрузилась в пугающее молчание.

— Где прислуга, где гости?..

— Вечеринка кончилась вчера вечером, — сказала она.

— Не верю! Когда это бывало, чтобы пирушка у тебя закатывалась всего на один пятничный вечерок! В воскресенье по утрам на лужайке всегда валяется уйма всякого сброда в простынях. Тогда зачем...

— Зачем я позвала тебя сегодня? Да, Уилли? — Нора все так же, не отрываясь, смотрела на замок. — Чтобы передать тебе Гринвуд, Уилл. В дар. Если, конечно, замок примет тебя, если ты сумеешь его заставить...

— Не нужно мне никакого замка! — взорвался я.

— Э-э, дело не в том, нужен ли замок тебе, а в том, нужен ли ты замку. Он всех нас вышвырнул вон.

— Вчера вечером?..

— Вчера вечером последний большой прием в Гринвуде окончился провалом. Мэг прилетела из Парижа. Ага прислал роскошную девочку из Ниццы. Роджер, Перси, Ивлин, Вивиан, Джон — все были здесь. Тот тореадор, который чуть не прикончил того драматурга из-за балерины, тоже был здесь. И тот ирландец, тоже драматург, который вечно падает со сцены спяну, тоже был. Вчера вечером, между пятью и семью, в эту дверь вошли девяносто семь гостей. К полуночи не осталось ни души.

Я прошелся по лужайке. На траве отпечатались следы колес четырех десятков машин, еще свежие.

— Он расстроил нам всю вечеринку, — донесся слабый голос Норы.

Я обернулся в удивлении:

— Кто «он»? Замок?

— О, играла замечательная музыка, но на верхних этажах было слышно какое-то уханье. Мы смеялись, а верхние залы отвечали нам зловещим эхом. Вечеринка скомкалась. Бисквиты становились поперек горла. Скисшее вино лилось по подбородку. Никто не смог сомкнуть глаз и на три минуты. Не верится? Но это правда. Все получили свои пирожные и разъехались, а я спала на лужайке, совсем одна. Знаешь почему? Пойди посмотри, Уилли.

Мы подошли к распахнутой двери Гринвуда.

— На что смотреть?

— А на все. На замок, на его комнаты. Узнай его тайну. Подумай хорошенько, а потом я откроюсь тебе и скажу, почему я не смогу здесь больше жить, почему я должна оставить этот дом и почему ты можешь взять Гринвуд, если захочешь. А теперь заходи. Один.

И я вошел — медленно, взвешивая каждый шаг.

Я осторожно ступал по золотистому дубовому паркету огромного холла. Полюбовался обюссонским гобеленом, что висел на стене. Долго разглядывал древнегреческие беломраморные медальоны, выставленные в хрустальной витрине на зеленом бархате.

— Ничего особенного! — крикнул я Норе, которая осталась снаружи.

Уже вечерело, становилось прохладно.

— Нет. Все особенное, — отозвалась она. — Ступай дальше.

По библиотеке был разлит густой приятный запах кожаных переплетов. Пять тысяч книг отсвечивали потертыми вишневыми, белыми и лимонными корешками. Книги мерцали золотым тиснением, притягивали броскими заголовками. А вот камин, в котором прекрасно разместились два железных поддона для дров и из которого вышла бы прекрасная конура для доброго десятка волкодавов. Над камином изумительный Гейнсборо, «Девы и цветы». Картина согревала своим теплом многие поколения обитателей Гринвуда. Полотно было окном в лето. Хотелось

перегнуться через это окно, надышаться ароматами полевых цветов, коснуться персиковых дев, посмотреть на пчел, что усеяли блестками звенящий воздух, послушать, как гудят их пчелиные моторчики.

— Ну как? — донесся голос издалека.

— Нора! — крикнул я. — Иди сюда. Тут совсем не страшно! Еще светло!

— Нет, — послышался грустный голос. — Солнце заходит. Что ты там видишь, Уильям?

— Я опять в холле, у винтовой лестницы. Теперь в гостиной. В воздухе ни пылинки. Открываю дверь в погреб. Море бочек, лес бутылок. А вот кухня... Нора, с ума сойти!

— Я и говорю, — простонал жалобный голос. — Возвращайся в библиотеку. Встань посредине комнаты. Видишь Гейнсборо, которого ты так всегда любил?

— Он тут.

— Нет его там. Видишь серебряный флорентийский ящик для сигар?

— Вижу.

— Ничего ты не видишь. А красно-бурое кресло, в котором тыпил с папой бренди?

— На месте.

— Ах, если бы на месте, — послышался вздох.

— Тут — не тут, видишь — не видишь! Нора, да что ты, в самом деле! Неужели не надоело!

— Еще как, Уилли! Ты так и не почувал, чтостряслось с Гринвудом?

Я стал озираться по сторонам, пытаясь уловить тайну дома обонянием.

— Уильям... — Голос Нору доносился изда-
лека, с порога замка. — Четыре года назад, —
промолвил слабый голос. — Четыре года назад...
Гринвуд сторел дотла.

Я побежал.

У выхода увидел побледневшую Нору.

— *Что?!* — вскричал я.

— Сторел. Четыре года назад. До основа-
ния, — сказала она.

Я отошел на три шага назад, посмотрел на
стены, окна.

— Нора, но вот же он, целехонький!

— Нет, Уилли, это не Гринвуд.

Я потрогал серые камни, красные кирпи-
чи, зеленый плющ. Провел рукой по испанской
резьбе на входной двери.

— Не может быть, — сказал я в ужасе.

— Может, — отозвалась Нора. — Все новое,
сверху донизу. Новое, Уилли. Новое. Новое.

— И дверь?

— Прислали в прошлом году из Мадрида.

— И мощеные дорожки?

— Камень добыли близ Дублина, два года на-
зад. А окна привезли из Уотерфорда, весной.

Я вошел в дом.

— А паркет?

— Отделан во Франции, прислали прошлой
осенью.

— Ну... а гобелен?!

— Соткан недалеко от Парижа, в апреле повесили.

— Но он же как две капли... Нора!

— Не правда ли? Чтобы сделать копии с мраморных медальонов, я ездила в Грецию. Хрустальную витрину тоже заказала, в Реймсе.

— А как же библиотека?!

— Все книги до единой переплетены и оттиснуты золотом заново и расставлены на такие же книжные полки. Одна библиотека мне влетела в сто тысяч фунтов.

— Как две капли, Нора! — воскликнул я. — Боже, как две капли!

Мы стояли в библиотеке. Я ткнул пальцем в серебряный сигарный ящик флорентийской работы:

— Уж его-то вы наверняка вытащили из огня!

— Нет, нет. Я же художница. Я запомнила, как он выглядел, сделала эскиз, отвезла во Флоренцию. В июле подделка была готова.

— А Гейнсборо?!

— Это Фрици сработал. Фрици, ну тот самый махровый битник с Монмартра, помнишь, художник. Заляпывает краской холст, делает из него воздушного змея и запускает в небо над Парижем, а ветер с дождем творят за него красоту. Потом продает эту картину за сумасшедшую цену. Так вот, оказывается, Фрици втайне поклоняется Гейнсборо. Он меня убьет, если узнает, что я проболталась. Эти «Девы» написаны им по памяти. Здорово?

— Здорово, здорово... Боже мой, Нора, неужели все это правда?

— Как бы мне хотелось, чтобы это было ложью! Ты, наверное, думаешь, я спятила? Ведь у тебя мелькнула такая мысль? Уилли, ты веришь в добро и зло? Я не верила. Я как-то сразу постарела, увяла. Мне стукнуло сорок. Эти сорок стукнули меня, как локомотив. Ты знаешь, мне кажется... замок сам себя уничтожил.

— Как ты сказала? Сам... себя?

Она прошлась по коридору, заглядывая в комнаты, где уже начинали сгущаться сумеречные тени.

— Мне было восемнадцать, когда мне привалило богатство. Если мне напоминали о Грехе, я отвечала: «Чепуха!» Если зывали к Совести, я кричала в ответ: «Чушь собачья!» Но в те годы чаша была пуста. С той поры много всяких помоев вылилось на меня, и вот, к своему ужасу, я обнаружила, что стою в этой чаше по уши в старой грязи. Теперь я знаю, что есть на свете и совесть, и стыд.

Я ношу в себе память о тыще молодых мужчин, Уилли.

Они врезались в мою память и погребены в ней. Когда они уходили из моей жизни, Уильям, мне казалось, они уходят навсегда. Но нет, теперь я наверняка знаю: ни один из них не исчезал бесследно, от кого оставалась сладостная боль, от кого — рана. Боже, как я упивалась этой болью, наслаждалась этими ранами.

До чего ж мне было хорошо, когда меня терзали, мучили. Я думала, что время и путешествия исцелят меня, сотрут следы железных объятий. Но теперь я вижу: на мне сплошь чужие отпечатки. Уилли, на мне живого места нет, я стала словно дактилоскопическая карта ФБР, я вся испещрена отпечатками пальцев, как египетский свиток значками. Сколько шикарных мужчин вонзались в меня и перепаживали, и казалось, никогда не будет мне за это наказания. Но нет, вот оно. Я запятнала весь дом, осквернила его. Словно изрыгнутые из чрева подземки, мои друзья, которые не признавали ни стыда, ни совести, битком набивались в мой дом и массой потной плоти растекались по всем закоулкам. Они распинали один другого прямо на полу, пожирали взасос, наслаждаясь воплями и мучениями своих жертв. Крики рикошетом отскакивали от стен. Замок приступом брали убийцы, Уилли, каждый приходил затем, чтобы убивать своим коротким мечом одиночество другого, не в силах остановиться. А что он обретал? Лишь минутный экстаз.

Вряд ли в этом доме жил хоть один счастливый человек, теперь я понимаю это, Уилл.

Хотя, конечно, видимость счастья была. Еще бы, когда вокруг столько хохота, столько вина, в каждой постели человеческий бутерброд, и мясо такое розовенькое, что так и подмывает цапнуть. И думаешь: «Расчудесно-то как! Вот это веселье!»

Но все это ложь, Уилли, мы-то с тобой знаем, а дом глотал эту ложь и при мне, и при папе, и при дедушке, и до него... В доме всегда жилось весело, читай — кошмарно. Убийцы калечили в этих стенах друг друга лет двести, а то и больше. Все стены отсырели, дверные ручки липнут. Лето на холсте у Гейнсборо увяло. А убийцы приходили и уходили, оставляя после себя одну только грязь да грязную память о себе. И все это скапливалось в доме.

Что будет, если наглотаешься такой грязи, а, Уилли? Ведь стошнит?

Моя собственная жизнь — как рвотное. Я подавилась своим прошлым. Вот так же и дом.

И однажды я, доведенная до отчаяния бременем своих грехов, наконец услышала, как одно старое зло трется о другое и шуршит в постелях в мансарде. И от случайной искры занялся весь дом. Сначала я услышала, как пожар хозяйничает в библиотеке и поглощает мои книги, потом послышалось, как огонь хлещет вина в подвале. Но я уже вылезла из окна и спустилась вниз по плющу. Мы собрались с прислугой на лужайке, позаимствовали из сторожки шампанское и бисквиты и устроили пикник на берегу озера. Было четыре утра. Пожарные приехали из города к пяти только для того, чтобы полюбоваться, как рушится кровля и фонтаны искр бьют выше неба и утопающей луны. Мы угощали их шампанским и смотрели, как догорает Гринвуд. На рассвете все было кончено.

Ему не оставалось ничего другого, как покончить с собой. А? Как ты думаешь, Уильям? Он столько натерпелся от моей родни и от меня.

Мы стояли в холодном холле. Я наконец пришел в себя:

— Да, Нора, пожалуй.

Мы зашли в библиотеку. Нора достала кипу чертежей и стопку тетрадей.

— И вот тогда, Уильям, я вдохновилась идеей отстроить Гринвуд заново, собрать его по кусочкам, возродить птицу Феникс из пепла. И чтобы никто не прознал о его гибели, ни ты, ни кто другой в мире; пусть все остаются в неведении. Слишком уж велика моя вина перед замком. Хорошо же все-таки быть богатой. Можно подкупить пожарных шампанским, а местную прессу — четырьмя ящиками джина. О том, что от Гринвуда остались одни головешки, знали только в округе, в радиусе мили. Будет еще время поведать обо всем миру. А сейчас — за работу! Я уехала в Дублин, к своему адвокату, у которого папа хранил чертежи замка. Мы просиживали с моим секретарем месяцами, разгадывая головоломки с греческими лампами и римской черепицей. Я закрывала глаза и припоминала дюйм за дюймом детали каждого гобелена, каждую каемочку, интерьеры в стиле рококо с их завитушками, все-все бронзовые финтифлюшки, подставку для дров в камине, рисунок на щитках выключателей, ведра для золы и дверные ручки. И когда был составлен список из тридцати тысяч наиме-

нований, я привезла сюда самолетом плотников из Эдинбурга, мастеров по укладке черепицы из Сиены, каменотесов из Перуджи. И четыре года они стучали молотками, прибивали, укладывали облицовку. Дело двигалось, Уильям, а я тем временем слонялась по фабрике, что близ Парижа, и смотрела, как паучки ткут для меня ковры и гобелены. Я охотилась за лисами в Уотерфорде, где для меня выдували стекло.

Я даже не знаю, Уилл, когда кому еще удавалось такое. Мы же построили все как было. Говорят: «Забудь прошлое, пусть сгинет!» А я думала: нет, Гринвуд должен стоять как стоял. Только теперь у старого на вид Гринвуда будет одно преимущество, достоинство: он будет поистине новым. Хорошее, доброе начало, думала я. Пока я восстанавливала Гринвуд, я жила тихо, не пускаясь ни в какие авантюры. Мое предприятие уже само по себе было авантюрой.

Когда я возродила дом, мне казалось, я сама родилась заново. Я подарила дому вторую жизнь, а себе радость. Я думала: наконец-то в Гринвуде поселился счастливый человек.

И вот две недели назад все было завершено, отесали последний камень, уложили последнюю плитку.

Я разослала приглашения во все концы света. Уилли, вчера вечером все съехались сюда. Целая стая львов из Нью-Йорка, мужчины хоть куда, от них веяло ароматом хлебного дерева — древа жизни. Компания быстроногих афинских

мальчиков. Негритянский кордебалет из Йоханнесбурга. Три сицилийских бандита — или, может, они были актерами? Семнадцать скрипачек. Когда они бросают смычки и задирают юбки, с ними можно делать что угодно. Четыре чемпиона игры в поло. Один чемпион по теннису, чтобы разогнать мне немножко кровь по жилам. Один очень милый поэт, француз. Ах, Уилл, должна была состояться пышная церемония открытия замка Феникс, владелица Нора Гриндон. Откуда же нам было знать, что мы окажемся неуютны замку?

— Неужели замок может решать, кто ему угоден, а кто нет?

— Да, ведь он такой юный, а все остальные такие дряхлые, сколько бы им ни было на самом деле. Он новорожденный, а мы прогнили, протухли. Он добрый, а мы злыдни. Ему была противна наша скверна, он не хотел лишаться своей чистоты. Вот он и выгнал нас.

— Но как?

— Как? Просто оставаясь самим собой. В воздухе повисла такая тишина, Уилли, ты не представляешь. Нам казалось, кто-то умер. Потом прошло еще сколько-то времени. Гости молчали. До них все дошло, они расселись по автомобилям и укатили. Оркестр заглох. Оркестранты уехали на своих десяти машинах. Вся компания разъезжалась. На дороге вдоль озера выстроилась вереница машин, можно было подумать, они отправляются на полночный пик-

ник, но, увы, всего лишь на аэродром, в порт или в Голуэй, всем зябко, никто ни с кем не разговаривает, в доме стало пусто, и слуги лихо-радочно накручивают педали. Я осталась одна. Окончен последний бал, бал, которого не было и быть не могло. Я уже говорила, что спала всю ночь на лужайке, наедине со своими мыслями. Я поняла, что настал конец всему, что все труха — а что построишь из трухи? В темноте стоял мощный, величественный, изумительный дом. Как же мне было больно и обидно сопеть тут, у его подножия! Моя песенка спета. А у него еще только все начинается в жизни.

Нора окончила свой рассказ.

Мы сидели молча. За окнами сгустились сумерки, тьма прокрадывалась в замок. Ветер морщил озеро.

— Что за вздор! Ну конечно ты можешь здесь остаться, — сказал я.

— Чтобы окончательно рассеять все твои сомнения, проведем последнее испытание. Попробуем провести здесь ночь.

— Попробуем?

— Нас и до рассвета не хватит. Давай зажарим яичницу, выпьем немного вина и ляжем спать, чтоб не очень было поздно. Но ложись в одежде, прямо на заправленную кровать. Потому что тебе захочется одеться, и, думаю, очень скоро.

Мы ели, почти не говоря ни слова, пили вино, прислушиваясь, как новые бронзовые часы отбивают по всему дому новое время.

В десять Нора проводила меня в мою комнату.

— Не бойся, — сказала она мне уже с лестницы, — дом не желает нам зла. Просто он опасается, что мы можем причинить ему боль. Я буду спать в спальном мешке во дворе. Когда будешь готов уходить, не важно в каком часу, зайди за мной.

— Я усну сном праведника, — сказал я.

— Ты так уверен? — усмехнулась Нора.

Я устроился на своем ложе и лежал в темноте, потягивая коньяк, без страха, без лишней самоуверенности. Я просто спокойно ждал, что же будет.

В полночь я не спал.

Я не спал в час.

И в три я не заснул.

В доме ни скрипа, ни вздоха, ни шороха. Я лежу и стараюсь дышать с домом в лад.

В половине четвертого дверь моей спальни медленно отворилась.

И только черное вперемишку с черным. Дупление сквозняка на лице и на руках.

Я медленно привстал на кровати.

Прошло пять минут. Сердце стало биться спокойнее.

Я услышал, как где-то внизу открывается входная дверь.

И опять ни скрипа, ни шепота. Только шелчок. По коридорам еле слышно разгуливает ветер.

Я встал и вышел в холл.

Сверху, в колодце лестничных пролетов, я увидел то, чего и ожидал, — распахнутую входную дверь. Паркет залит лунным светом, поблескивают новенькие свежесмазанные часы и громко тикают.

Я спустился вниз и вышел из замка.

— А вот и ты, — сказала Нора.

Она стояла у своей машины, на дороге.

Я подошел к ней.

— Ты вроде и слышал что-то, и не слышал, так? — спросила Нора.

— Так.

— Теперь ты готов покинуть Гринвуд, Уилли?

Я оглянулся на дом:

— Почти.

— Теперь ты убедился, что к старому возврата не будет? Теперь ты почувствовал, что наступила новая заря и новое утро? Ты чувствуешь, как вяло бьется мое сердце, потемнела кровь, иссохла душа? Ты сам не раз слышал, как бьется мое сердце у твоей груди, и знаешь, какая я старая. Знаешь, как пуста я изнутри, какой мрак и уныние царят во мне. М-да...

Нора посмотрела на замок:

— Прошлой ночью, в два часа, я услышала, лежа в постели, как открывается парадная дверь. Я поняла, что дом просто отворил запоры, распахнулся и плавно открыл дверь. Я вышла на лестницу. Посмотрела вниз и увидела ручеек лунного света, проникающего в холл. И дом словно

говорил мне: «Ступай, уходи вон отсюда по этой серебристой дорожке и уноси с собой всю свою темень. Ты носишь в себе плод. У тебя во чреве поселилась призрачная горечь. Твой ребенок никогда не увидит света. И однажды он тебя погубит, потому что ты не сможешь от него избавиться. Так чего же ты ждешь?» Мне было страшно спуститься и захлопнуть дверь. К тому же я знала, что это правда, Уилли, и я знала, что уже не смогу уснуть. Тогда я спустилась вниз и вышла из дому. Есть у меня в Женеве мрачный вертеп, я поселюсь там. А ты, Уилли, ты моложе меня и чище. Я хочу, чтобы замок стал твоим.

— Не так уж я молод.

— Но моложе меня.

— И не очень чист. Он и меня гонит. Дверь в мою спальню только что... тоже распахнулась.

— Ах, Уильям, — вздохнула Нора и коснулась моей щеки. — Ах, Уилли.

И сказала тихо:

— Прости.

— За что? Уйдем вместе.

Нора открыла дверцу машины.

— Можно, я сяду за руль? Мне это сейчас просто необходимо — промчать, пролететь всю дорогу до Дублина. Хорошо?

— Хорошо. А как же твои вещи?

— Все, что осталось внутри, пусть достанется замку... Ты куда?

Я остановился:

— Надо же захлопнуть дверь.

— Не нужно, — сказала Нора. — Оставь как есть.

— Но... ведь могут люди зайти.

У Норы появилась на устах слабая улыбка:

— Могут, но только хорошие люди. Так что не страшно.

— Да, — кивнул я наконец в ответ и нехотя вернулся к машине.

Сгущались тучи. Пошел дождь. Он падал с освещенного луной неба, мягкий и ласковый, как безобидный лепет ангелочков.

Мы залезли в машину и захлопнули дверцы.

Нора завела мотор.

— Ну, готов? — спросила она.

— Готов.

— Уильям, — сказала она, — когда мы будем в Дублине, ты поживешь со мной несколько дней? Я хочу сказать, просто поживешь. Мне нужно, чтобы кто-то был рядом. Ладно?

— Конечно.

— Как бы я хотела... — сказала она. В ее глазах стояли слезы. — Ах, как бы я хотела сгореть и родиться снова. Я смогла бы тогда подойти к замку, и войти в него, и жить в этом доме, вечно купаясь в клубнике со сливками, как молочница, которая подойдет к дому завтра, увидит открытую дверь, и дом впустит ее, разрешит остаться. Но к чему теперь все эти разговоры?

— Поехали, Нора, — сказал я тихо.

Мотор взревел, мы вырвались из долины, пронеслись мимо озера так, что только гравий

летел из-под колес. Взлетели на холмы, прошли дремучий лес. На последнем повороте все Норины слезинки высохли. Она гнала без оглядки сквозь густую, непроглядную ночь, навстречу черному горизонту и промерзшему каменному городу. И всю дорогу я держал ее за руку.

Когда я проснулся на следующее утро, постель была похожа на изрытый, развороченный сугроб. Я встал, ощущая себя в своем заплесневелом костюме так, будто провел четыре дня и четыре ночи в рейсовом автобусе.

Ко второй подушке была приколата записка: «Уезжаю в Венецию или к черту, что первым подвернется под руку. Спасибо за убежище. Если твоя жена когда-нибудь уйдет, приезжай и найди Нору Затяжных Дождей и Страшных Пожаров. До свидания».

— До свидания, Нора, — сказал я, глядя на бурю за окном.

ГЛАВА 16

Под седыми волосами на затылке у Финна был глаз. Волосы зашевелились. Спина напряглась.

— Это не янки ли вошел в дверь? — сказал он, вглядываясь в бокал, который вытирал так, словно это был хрустальный шар.

— Тебе знакома моя походка? — спросил я.

— Не бывает одинаковых отпечатков пальцев и походок.

Финн обернулся, чтобы лицезреть меня, весь в раздумьях о вышеупомянутой походке.

— Бежишь от себя?

— А что, видно?

— Он тебе и продохнуть не дает, да?

Финн окинул взглядом свою коллекцию элей и пива, возвышающуюся как орган, но остановил выбор на коньяке и подождал, пока я за ним подойду.

— Это поможет тебе сбить с дверей замок, — заметил он.

— Уже сбит, — сказал я, облизываясь.

— Ты что же, работаешь семь дней в неделю, от семи до десяти часов в сутки и без выходных? А в кино он тебя отпускает?

— Только с разрешения.

— В туалет?

— Если очень попросить.

— Прости за любопытство, парень, но, находясь тут все это время, не проторил ли ты тропки к местным прекрасным девам или к их брюквоподобным и картофелевидным мамашам и тетушкам?

— Дома я оставил жену, — сказал я, — которая вскоре может меня навестить. Она не найдет ни помады на моем воротнике, ни длинных волос на пиджаке.

— Жаль, а ты производишь такое впечатление, словно обладаешь моей мощью.

— Иллюзия, — сказал я. — Женщины сбивают меня с ног и волокут за собой.

— Есть разные способы передвижения, — признал Финн. — Но сейчас ты нуждаешься в коротком отдыхе, прежде чем пойдешь бороться с двумя Чудовищами — в море и в седле.

Я вздохнул, и Финн подлил мне бренди.

— Он тебя еще не заставил брать уроки верховой езды? — попытался угадать Финн. — Он в этом деле мастак. Сколько здесь перебивало парней, которые брали напрокат лошадь, скакали вслед за охотой и падали, кувыряясь и ломая ключицы, прежде чем ты сюда прихромал!

— Это из-за сапог для верховой езды, что я купил.

— Таким образом, в данный момент ты на полпути к конюшне, или к больнице, или и к тому и другому. Но вот сюда идут наши ребята. Ни слова про себя. Они тебя презирают, если узнают, от чего ты сюда пришел скрываться.

— Они, наверное, и так меня презирают.

— Как янки — конечно, но как собутыльница — нет. Тсс.

Молодежь и старики Килкока нетвердой походкой проникали в заведение, чтобы отвезти влаги, которая заставляет зеркала сиять, а фары — сверкать.

Я удалился в философскую кабинку подумывать.

ГЛАВА 17

Я напрямик прошел в задний рабочий кабинет Кортаун-хауса, где Джон просматривал корреспонденцию и отвечал на письма. Но я не стал отдавать ему привычные шесть страниц сценария. Вместо этого я снял свою твидовую шапочку, взглянул на свою куртку, твидовые бриджи и полусапожки и сказал:

— Джон, половина этой одежды мне ни к чему.

Джон посмотрел на меня ленивым взглядом игуаны из-под полуприкрытых век.

— С какой стати, малыш? — сказал он.

— Хватит с меня уроков верховой езды, Джон.

— А-а?

— Довольно уроков верховой езды и скачек за гончими.

— Почему ты так говоришь, сынок?

— Джон, — сказал я, набрав полные легкие воздуха. — Что тебе важнее: скачки с гончими или охота на Кита?

Джон на мгновение задумался.

— Что ты предпочитаешь? — спросил я. — Чтоб я остался жив, а Кит подох или чтоб я откинул копыта, а сценарий остался недописанным?

— Постой, дай мне во всем разобраться...

— Нет уж, Джон, это ты дай мне во всем разобраться. Я сегодня утром трижды чуть не свалился с лошади в школе верховой езды. С лошади лететь долго, Джон, я больше туда не ходок.

— Боже, малыш, да ты, похоже, сильно не в духе.

— Не в духе? — прислушался я к своему голосу. — Так, что дальше некуда. Договорились, Джон? Отныне никаких черных лошадей, только Белые Киты!

— Господи помилуй, — сказал Джон, — ну, если ты так настроен...

ГЛАВА 18

Целый день пройдет, пока весть о рождении человека перебродит, отстоитя и облетит ирландские луга, прежде чем попадет в ближайший городок и в дорогой нашему сердцу Финнов паб.

Но если кто-нибудь умрет, в полях и на холмах пробуждается целый симфонический оркестр. По всей стране прокатывается великое «та-та-та-та», отскакивая от досок, на которых мелом начертано меню паба, и побуждая выпивох громогласно требовать: «Еще!»

Так было и в тот нескончаемый день, когда вдруг не пошел дождь и — посмотрите туда! — солнце вернулось фальшивой имитацией загубленного лета. Паб не успел открыться, проветриться и заполниться людьми, как Финн, стоя в дверях, увидел облако пыли на дороге.

— Это Дун, — пробормотал Финн. — Быстроногий вестник. Несет плохую новость, а то бы не бежал сломя голову!

— А! — закричал Дун, перескочив порог. — Кончено. Он умер!

Толпа за стойкой бара обернулась, как, впрочем, и я.

Дун наслаждался этим триумфальным мигом, заставляя нас подождать.

— А, черт, на, пей. Может, это развяжет тебе язык!

Финн вложил стакан в протянутую в ожидании руку Дуна.

Дун промочил горло и разложил по порядку факты.

— Лорд Килготтен собственной персоной. Умер. Часа еще не прошло! — выпалил он наконец.

— Боже праведный, — тихо сказали все как один. — Царствие ему небесное. Какой был замечательный старик. Отличный парень.

Ибо все сошлись на том, что лорд Килготтен бродил по их полям, пастбищам, конюшням и захаживал в этот бар столько лет, сколько они себя помнят. Его уход — все равно что уход норманнов обратно во Францию или треклятых англичан из Бомбея.

Поднимая стакан в его память, Финн сказал:

— Отменный человек, даже несмотря на то, что две недели в году он проводил в Лондоне.

— Сколько ему было? — спросил Бранниган. — Восемьдесят пять, восемьдесят восемь? Мы думали, что схороним его задолго до этого.

— Таких, как он, Господу приходится хватить топором, чтобы отправить на тот свет, — сказал Дун. — Мы думали, Париж сведет его в могилу. Прошли годы — и ничего. Выпивка должна была утопить его, но он выплыл на берег. Час назад в поле, когда он под деревом собирал землянику со своей девятнадцатилетней секретаршей, ударила тончайшая молния.

— Боже, — сказал Финн. — В это время года не бывает земляники. Это от нее его хватил удар и испепелил до хрустящей корочки!

Раздался залп хохота, словно салют из двадцати одного орудия, который смолк, только когда все задумались над происходящим. А народ все прибывал, чтобы подышать воздухом и благословить старика.

— Хотел бы я знать, — молвил Гебер Финн голосом, от которого боги Вальхаллы умолкли бы и застыли за своим столом. — Хотел бы я знать, что станет со всем его вином. Вином, которое лорд Килготтен собирал бочками и ведрами, квартами и тоннами, десятками и тысячами в своих подвалах и мансардах и, кто знает, может, у себя под кроватью?

— Да-а, — сказали все удивленно, вспомнив вдруг. — Да, конечно. Что же станет?

— Наверняка все унаследует какой-нибудь чертов кузен-янки или племянник, развращенный Римом и свихнувшийся от Парижа, который прилетит завтра, все заграбастает, вылакает и смотается, а Килкок и все мы останемся, разо-

ренные и осиротевшие! — выпалил Дун единым духом.

— Да. — Их голоса походили на приглушенную барабанную дробь, удаляющуюся в ночи. — Да.

— Нету никаких родственников! — заявил Финн. — Ни глупых кузенов-янки, ни тупых племянников, вываливающихся из гондол в Венеции, чтобы приплыть к нам. Я наводил справки.

Финн выждал. Настал его момент. Все уставились на него. Все придвинулись поближе, чтобы услышать его веское слово.

— Я подумал: а почему бы Килготтену, ей-богу, не оставить все десять тысяч бутылок бургундского и бордо гражданам этого самого славного города в Ирландии? То есть нам?

Бурные дебаты по этому поводу были прерваны, когда распахнулись створки дверей и жена Финна, редко появлявшаяся в этом хлеву, вошла, огляделась по сторонам и выпалила:

— Похороны через час!

— Через час? — воскликнул Финн. — Да он еще не остыл...

— В полдень, — сказала жена, становясь ростом все выше, пока она смотрела на ужасное сборище. — Врач и священник только что оттуда. Быстрое погребение было его волей. Отец Келли сказал: «Дикость, и могилы даже нет», а доктор говорит: «Есть! Ханнаган вчера должен был умереть, но из вредности пережил ночь. Я лечил его,

лечил, а он никак не умрет! Так что его могила не занята. Пусть достается Килготтену, с землей и надгробием». Все приглашены. Пошевеливайтесь!

Створки дверей захлопнулись. Таинственная женщина исчезла.

— Похороны! — закричал Дун, приготовившись к спринтерскому забегу.

— Нет! Поминки! — просиял Финн. — Уходите. Паб закрыт!

Я последовал за ними, радуясь, что могу помолчать.

— Даже Христос, — тяжело дыша, сказал Дун, вытирая пот со лба, — не прыгнул бы с креста, чтобы прогуляться в такой денек.

— Невыносимая жара, — сказал Маллиган.

Сняв пиджаки, они поднялись на холм, миновали сторожку у ворот Килготтена и встретили городского священника отца Келли, направлявшегося туда же. Он позволил себе снять лишь свой воротничок. Пока он взбирался на холм, его лицо налилось свекольным румянцем.

— Адский денек, — согласился он. — Все как один поджаримся!

— Зачем вся эта спешка? — спросил Финн, шагая в ногу со святым отцом. — Тут какой-то подвох. Что происходит?

— Ну, — сказал священник, — в завещании было тайное дополнительное распоряжение...

— Так я и знал! — сказал Финн.

— Что? — загомонила толпа, варившаяся в собственном соку под солнышком.

— Если бы об этом стало известно, могли бы начаться беспорядки, — только и сказал отец Келли, глядя на кладбищенские ворота. — Вы узнаете в самый последний момент.

— Этот момент до или после окончания, отец Келли? — невинно спросил Дун.

— Ты так глуп, что вызываешь жалость, — вздохнул священник. — Проходи в ворота. И не свались в могилу!

Дун последовал его рекомендациям. Остальные — тоже. Их лица помрачнели. Солнце, словно из уважения к происходящему, спряталось за облако, и на некоторое время подул желанный ветерок.

— Вот могила, — кивнул священник. — Встаньте по обе стороны дорожки и, ради бога, затяните галстуки, если есть, и проверьте ширинки. Устроим Килготтену красивое представление. А это он!

В самом деле, лорд Килготтен проследовал в ящике, покоившемся на досках одной из его собственных фермерских повозок — бесхитростная добрая душа, — а за ним вереница других повозок, автомобилей и грузовиков, растянувшаяся по холму под солнцем, которое засияло еще ослепительнее.

— Ну и парад, — сказал я, но никто не услышал.

— Ничего подобного не видел! — воскликнул Дун.

— Заткнись, — вежливо посоветовал священник.

— Боже мой, — сказал Финн. — Вы видите гроб?

— Видим, Финн. Мы видим! — сказали все, разинув рты.

Ибо гроб, проплывавший мимо них, был изысканно отделан, сколочен серебряными и золотыми гвоздями, но из какого-то странного дерева.

Из досок от винных ящиков и коробок, приплывших из Франции, чтобы столкнуться и затонуть в погребах лорда Килготтена!

Завсегдатаи Финнова паба так и ахнули. Привстали на цыпочки, хватая друг друга за локти.

— Янки, ты умешь это читать, — прошептал Дун. — Скажи нам названия!

Я взглянул на гроб, сделанный из старинных ящиков, и наконец выдохнул:

— Боже мой! Это «Шатонеф-дю-Пап», «Шато Латиф Ротшильд»! Перевернутое клеймо — «Ле Кортон»! Снизу вверх — «Ля Лагун»! Какой стиль, господи, какой класс! Я сам был бы не прочь, чтоб меня похоронили в таких досках с выжженными клеймами!

— Интересно, а изнутри он может их прочитать? — задумался Дун.

— Замолчи! — пробормотал священник. —
А вот остальное!

Может, покойника, лежавшего в гробу, было недостаточно, чтобы вызвать бурю, но то, что следовало за ним, накалило страсти до предела.

— Напоминает мне поминки, — пробормотал Дун, — когда кто-то свалился в могилу, сломал лодыжку и испортил весь день!

Процессию замыкали повозки и грузовики, доверху груженные французскими винными ящиками, и наконец большой старинный фургон «Гиннеса», запряженный гордо выступавшими белыми лошадьми в черных пополах, вспотевшими от удивления, которое они вызывали.

— Будь я проклят, — сказал Финн. — Лорд Килготтен привез с собой собственные поминки!

— Ур-ра-а! — раздался клич. — Что за добрая душа!

— Он знал, что в этот день возжаждут монахини, иссохнут священники, а мы высунем языки!

— Дорогу! Дайте проехать!

Все расступились, освобождая дорогу издававшим бульканье машинам и повозкам с диковинными ярлыками из Южной Франции и Северной Италии.

— Когда-нибудь, — прошептал Дун, — мы должны будем поставить памятник Килготтену — философу дружбы!

— Помолчал бы лучше, — сказал священник. — Еще рано говорить. Вот идет кто-то похуже гробовщика!

— Что может быть хуже? — ляпнул я и прикусил язык.

За последней машиной, подъехавшей к могиле, шагал один-единственный человек, в шляпе, пиджаке, застегнутом на все пуговицы, в запонках, туфлях, начищенных с презрением к здравому смыслу, с жестко нафабранными усами, с портфелем под мышкой, похожим на дамскую сумочку. От него веяло ледником, существом, рожденным в заиндевавшем подземелье, с языком-сосулькой и взглядом, напоминающим замерзший пруд.

— Боже милостивый, — сказал Финн.

— Стряпчий! — сказал Дун.

Все расступились.

Стряпчий — а это был именно он — прошествовал мимо, как Моисей, перед которым расступилось Красное море, или король Людовик на прогулке, или высокомерная шлюха на Пикадилли. Выберите по вкусу.

— Это стряпчий Килготтена, — прошипел Малдун. — Я видел, как он расхаживает по Дублину, словно Страшный суд. Его имя — сплошной обман — Клемент! «Милосердный» значит! Наполовину ирландец и полностью англичанин. Хуже не бывает!

— Что может быть хуже смерти? — удивился я.

— Скоро узнаем, — пробурчал священник.

— Джентльмены! — воззвал голос.

Толпа повернулась.

Стряпчий Клемент, стоя на краю могилы, достал из-под мышки портфель, открыл и извлек украшенный гербами, перевязанный лентами документ, красота которого резала глаз и удручала сердце.

— Перед погребением, перед тем как отец Келли скажет свое прощальное слово, я должен довести до вас одно сообщение — это условие из завещания лорда Килготтена, которое я сейчас прочитаю вслух.

— Наверняка одиннадцатая заповедь, — пробормотал священник, потупив глаза.

— Что же она гласит, эта одиннадцатая заповедь? — угрюмо сказал Дун.

— Например, «заткнись и слушай», — сказал священник. — Ш-ш.

Стряпчий уже начал читать документ с лентами, и его голос плыл в горячем летнем воздухе:

— «Мои вина лучшие...»

— Это уж точно, — прошептал я.

— «Мои подвалы забиты винами самых изысканных в мире марок, но горожане Килкока не ценят этого, а предпочитают... гм... что-либо покрепче...»

— С чего он взял?! — закричал Дун.

— Назад, в свою канаву, — предупредил священник сквозь зубы.

— «Сим я провозглашаю и объявляю, — читал стряпчий, сияя от удовольствия, — что вопреки старинному изречению человек действительно может унести с собой то, что ему принадлежит. Итак, я отдаю распоряжение, составляю и подписываю настоящее условие моей последней воли и наказа, быть может, в последний месяц моей жизни». Подпись: Уильям, лорд Килготтен.

Стряпчий закончил читать, сложил лист и стоял с закрытыми глазами в ожидании грома аплодисментов, который должен был грянуть.

— Это как же понимать? — спросил Дун с гримасой боли на лице. — Выходит, лорд собирается...

Кто-то откупорил бутылку. Словно раздался поразивший всех выстрел.

На самом деле, конечно, это добрый стряпчий Клемент на краю чертовой могилы доставал пробку из бутылки «Ля Вьель Фарм» сорок девятого года!

— Так что же это, поминки? — нервно засмеялся Дун.

— Нет, не поминки, — скорбно сказал священник.

С улыбкой летней беззаботности стряпчий Клемент вылил булькающее вино в могилу, на гроб из винных ящиков, в который были упрятаны жаждущие кости лорда Килготтена.

— Остановите его! Он спятил! Отберите бутылку! Нет!

Раздался рев, какой исторгает из глоток толпа, на глазах которой посреди поля убивают ее футбольного чемпиона!

— Постой! Черт!

— Быстро! Позовите лорда!

— Идиот, — пробормотал Финн. — Его светлость в этом ящике, а его вино в могиле!

Оцепеневшие от непостижимого бедствия, все, и я в том числе, могли только наблюдать, как последние капли из первой бутылки выливаются в освященную землю.

Клемент передал бутылку Дуну и достал пробку из второй.

— А ну, повремените малость! — раздался глас Судного дня.

И это, конечно, был отец Келли, который вышел вперед как представитель высшего закона.

— Вы хотите сказать, — закричал священник с горящими от яркого солнца щеками и глазами, — что собираетесь вылить все это в могилу Килготтена?

— Именно это я и намерен сделать, — сказал стряпчий.

Он принялся выливать вино из второй бутылки. Но священник схватил его за руку, заставив поднять бутылку вверх.

— И вы думаете, что мы будем просто стоять и смотреть на ваше богохульство?!

— На поминках так и приличествует.

Стряпчий хотел было продолжать.

— Стойте и не двигайтесь! — Священник огляделся по сторонам, посмотрел вверх, вниз, на своих друзей из паба, на Финна, их духовного лидера, на небо, где прятался Господь, на землю, в которой лежал Килготтен, играя в молчанку, и, наконец, на стряпчего Клемент и его проклятый документ с ленточками. — Берегитесь. Вы провоцируете беспорядки!

— Да-а! — взревели все, сжимая и разжимая кулаки, прижатые к бокам, словно перемальвали невидимые камни.

— Да-а! — услышал я собственный голос.

— Какого года это вино?

Не обращая на них внимания, Клемент спокойно взглянул на этикетку:

— «Ле Кортон», тысяча девятьсот тридцать восьмой. Лучшее вино лучшего года. Превосходно.

Он отошел от священника и вылил содержимое бутылки.

— Да сделайте что-нибудь! — заорал Дун. — У вас нет подходящего проклятия?

— Священники не проклинаяют, — сказал отец Келли. — Вот вы, Финн, Дун, Ханнаган, Берк. Ну-ка! Устройте мозговой штурм.

Священник подошел, и мы собрались в круг обмозговать проблему и пошептаться со святым отцом. Посреди совещания священник обернулся, чтобы посмотреть, что делает Клемент. Тот откупоривал третью бутылку.

— Торопитесь! — кричал Дун. — Он все добро перелортит!

Хлопнула четвертая пробка, вызвав еще один стон у команды Финна — «жаждущих воинов», как они потом себя прозвали.

— Финн! — послышался голос священника, ушедшего с головой в обсуждение. — Ты гений!

— Согласен! — ответил Финн, и совещающиеся разошлись, а отец Келли поспешил к могиле.

— Сэр, не сообразовали ли прочесть это треклятое условие в последний раз? — сказал он, выхватывая бутылку из лап стряпчего.

— С удовольствием. — Так оно и было. Стряпчий просиял, беря в руки завешание и помахивая лентами, и прочел: — «...Что вопреки старинному изречению человек действительно может унести с собой то, что ему принадлежит».

Он закончил читать, сложил лист и попробовал улыбнуться еще раз, что у него и получилось, к его удовольствию. Он потянулся за бутылкой, конфискованной священником.

— Пойдите! — Отец Келли сделал шаг назад. Посмотрел на толпу, которая ловила каждое словечко. — Позвольте задать вопрос, господин стряпчий. Где-нибудь говорится, каким именно образом вино должно попасть в могилу?

— В могилу и есть в могилу, — сказал стряпчий.

— Главное, чтобы оно в конце концов туда попало. Согласны? — спросил священник со странной улыбкой.

— Я могу вылить его через плечо или подбросить в воздух, — сказал стряпчий, — лишь бы оно пролилось на бока или крышку гроба. Все годится.

— Отлично! — воскликнул отец Келли. — Люди! Один взвод — сюда. Один батальон — туда. Построиться! Дун!

— Сэр?

— Раздать пайки. Бегом!

— Сэр!

Дун побежал.

Это вызвало великое замешательство среди взбудораженных и строящихся людей.

— Я вызову полицию! — сказал стряпчий.

— Я здесь, — откликнулся человек на дальнем краю толпы. — Офицер полиции Банион. Жалобы есть?

Стряпчий опешил, вытаращил глаза и наконец пролепетал сдавленным голосом:

— Я ухожу.

— Ты не выйдешь живым за ворота, — ободряюще сказал Дун.

— Я остаюсь, — поспешил согласиться стряпчий. — Но...

— Что «но»? — спросил священник, пока в шеренгах откупоривались бутылки и сверкал штопор.

— Вы идете против буквы закона!

— Нет, — спокойно объяснил отец Келли. — Мы всего лишь переставляем знаки препинания и ставим новые точки над «i».

— Внимание! — скомандовал Финн, ибо все было приведено в готовность.

По обеим сторонам могилы все, и я в том числе, замерли в ожидании, у каждого — полная бутылка «Шато Латиф Ротшильд», или «Ле Кортон», или кьянти.

— Пьем до дна? — спросил Дун.

— Заткни пасть, — посоветовал священник и взглянул на небо. — О Господь!

Люди отвесили поклон и сняли шапки.

— Боже, за то, что мы сейчас получим, преисполни нас благодарностью. И спасибо Тебе, Боже, за гениальность Гебера Финна, который придумал это.

— Да, — сказали все тихо.

— Ну что вы, — произнес Финн, краснея.

— И благослови вино, которое может течь извилистыми путями, но в конце концов окажется там, где ему надлежит быть. И если сегодня днем и вечером не получится и все не будет выпито, благослови нас на возвращение каждый вечер до тех пор, пока дело не будет сделано и дух вина не найдет успокоение.

— Ах, как сладко вы говорите, — пробормотал Дун.

— Ш-ш! — зашипели все.

— И в этот момент, Господи, разве не должны мы попросить нашего доброго стряпчего,

друга Клемента, всем сердцем присоединиться к нам?

Кто-то сунул бутылку лучшего вина в руки стряпчему. Он схватил ее, чтобы она не разбилась.

— И наконец, Господи, благослови нашего старого лорда Килготтена, многолетнее накопительство которого помогает нам в этот час растраты. Аминь.

— Аминь, — сказали все.

— Аминь, — сказал я.

— Внимание! — скомандовал Финн.

Все напряглись и подняли бутылки. Я последовал их примеру.

— Одну — за его светлость, — сказал священник.

— И, — добавил Финн, — одну в дорогу!

Раздалось веселящее душу бульканье и, как уверял Дун, довольный смех из ящика в могиле.

ГЛАВА 19

У Финна в пабе было сумрачно. Только Финн, я, Дун и Тималти сидели, прислушиваясь к шипению кранов, и лелеяли свое пиво.

— Мы непостижимы, — сказал Финн. — Мы, ирландцы, глубоки и необъятны, как море. То быстры, как шарик ртути, то — тяжелы и неповоротливы.

— Что ты имеешь в виду, Финн? — спросил я.

— Взять хотя бы случай с приглашением АМА приехать в Дублин в конце прошлого года.

— Это ты про Американскую медицинскую ассоциацию?

— Про нее самую.

— Ее приглашали в Дублин?

— Приглашали, и они приехали.

— С какой целью?

— Нас просвещать. — Финн посмотрел в зеркало, чтобы причесать душу. — Ибо мы нуждаемся в просвещении. Мы же великая немая нация. Ты стоял в очереди в потном выделении?..

— В почтовом отделении? — Я поморщил нос. — Да.

— Правда, напоминает прогулку в хлев или свинарник?

— Ну...

— Признайся! К середине зимы средний дублинец, месяцами не раздевавшийся и не залезавший в ванну, ходит по уши в грязи. К Новому году у него под мышками можно сажать цветочные луковицы. Наутро в Пасху можешь собирать с его ног пенициллин.

— Каков поэт! — восхитился Дун.

— Ближе к делу, мистер Финн, — сказал я и запнулся.

Ибо ни при каких обстоятельствах нельзя требовать от ирландца переходить к делу. К делу добиваются петляя и в обход. А переход прямо к делу может омрачить выпивку и пустить насмарку весь день.

— Гм.

Финн ждал извинения.

— Извини.

— Так где я остановился? А, да. АМА! В Дублин их действительно пригласили поучить чистоте, которая сродни божественности.

— Сколько медиков пригласили?

— Бригаду хирургов-мерзавцев и взвод ученых докторишек, выписывающих пилюли. «Айриш таймс» устроила по этому поводу большую шумиху. Одни заголовки чего стоили, боже мой! «Американские доктора прибыли просвещать ирландцев и сохранять жизни!»

— Звучит замечательно!

— Так оно и было, ровно настолько, пока хватало добрых чувств.

— А что, не хватило?

— Своих американских собратьев пригласил дублинский филиал Хирургического колледжа. В пабе, у стойки да за выпивкой, эта идея показалась просто великолепной. Кто-то, должно быть, послал телеграмму поздно ночью, когда все были под градусом, и никто потом не вспомнил. И вдруг нью-йоркские хирурги отвечают: «Да, конечно, держитесь, мы идем!» Не успели наши прочесть телеграмму, как в Шеннон прилетают благоухающие ментолом, расточающие улыбки мозговитые врачи, не способные, однако, этими мозгами пользоваться без последствий для себя.

— Но им все равно устроили большую прогулку?

— В полном конфузе, потому что не могли вспомнить, посылали они спяну телеграмму или нет. Дублинский филиал Хирургического колледжа взял на себя смелость и запустил их на целую неделю в хирургическое отделение. Ужасная ошибка. Хирурги подстригли у всех ногти, порылись в нестиранных халатах в прачечной, проверили, можно ли скальпелями рассечь волос или они годятся только сыр резать, подышали кислородом, попробовали анестезию на вес и в конце концов, представляешь, вывели на чистую воду ирландских хирургов и колледж со всеми потрохами. Катастрофа.

— И что потом?

— Ну что? Вышвырнули их всех из страны!

— Они позволили, чтобы их вышвырнули?

— Либо это, либо свежие трупы в морге. Их пинками погнали в Шеннон!

— Они улетели обратно домой?

— Поджав хвосты!

— Но их же пригласили...

— Ничего подобного! Им следовало понять из несуразного текста телеграммы, что ее составляли недоумки.

— Я думаю, следовало...

— Так нет же, они прилетели! Посмотрели, что уже само по себе плохо. Запомнили увиденное, что тоже плохо. Но что еще хуже, стали высказываться по этому поводу! Газеты про все разнюхали. «Айриш таймс» бесновалась. «Гнать их вон из страны!» — орали заголовки. Долой

АМА! Прощайте, хирурги, до свидания, американские докторишки. Катитесь к чертям собачьим, янки!

— И они уехали?

— С концами.

— Ну, не знаю... если б я был на их месте...

— Но ты, слава богу, не на их месте.

Финн подлил пива в стакан.

— Как ты думаешь, Дублин когда-нибудь поправит положение в своих госпиталях?

— Нет надобности, если рядом почта:

— И пенициллин на почте?

— На каждом молодце из свинарника и пере-
превшей за зиму девице. Свое лекарство носим
с собой.

— Выпьем за это, — сказал я.

— Присоединяюсь, — сказал Финн.

ГЛАВА 20

— Ты когда-нибудь думал, Финн...

— Стараюсь обходиться без этого.

— Ты замечал, что жизнь похожа на театральные маски — здесь комедия, там трагедия? — спросил я.

— Видел я такие маски в нашем театре, перед занавесом и в антракте. И что же?

— Тебе не приходило в голову, что каждодневные события и выражения наших лиц напо-

минают эти маски, ежечасно переходя из одного состояния в другое? — сказал я.

— Глубоко копаешь. На самом деле все просто.

— Неужели?

— В хорошие дни, когда твое лицо раскалывается от хохота, тыходишь в мой паб через парадный вход.

— А в плохие?

— Проникаешь с черного хода, чтоб тебя не видели. Прячешься в философской кабинке, где выстроились двойные и тройные порции.

— Я запомню твой черный ход, Финн.

— Запомни. И хватит думать. От этого только становишься развалиной. Мой дядя побывал однажды в Риме и умер. От развалин. Он увидел столько разрушенных зданий, что у него начался приступ меланхолии, он приехал домой, прибежал к парадному входу и свалился, не дойдя до стойки бара. Если бы он догадался воспользоваться черным ходом, может, дожил бы до выпивки.

— Который это был дядя, Финн?

— Мы еще к нему вернемся. А пока уברי свои потнючие лапы от мозгов. Тебе не приходило в голову, что все университетские профессора, когда-либо забредавшие сюда, страдали от мигрени?

— Не приходило.

— Мозг повреждается от поисков ответов на вопросы. Согласен?

— В общем, да.

— Сказать, чего не хватает профессорам? Им нужно сходить на похороны. Вроде тех, с которых мы только что пришли. Именно! После долгой проповеди и еще более долгих возлияний они будут рады, что остались живы, и убегут, пообещав не читать книжек хотя бы месяц, а если и прочитают, не верить прочитанному. Ты сегодня вечером возвращаешься в Дублин?

— Да.

— Тогда возьми вот эту карточку. Это паб на Графтон-стрит с красивой черной дверью, где лечение быстрее и результаты долговечнее.

Я посмотрел на карточку:

— «Четыре провинции». Неужели в Дублине хоть один паб сравнится с твоим? Почему ты не говорил мне?

— Мне нравится твоя болтовня, и я опасуюсь конкуренции. Иди. Он не лучший, но годится, когда воскресенье воцаряется на целую вечность с полудня до заката.

— «Провинции», — прочитал я вслух. — «Четыре».

ГЛАВА 21

То был воскресный полдень. Когда гостиничных окон не касалась мгла, их занавешивал туман; дождь смывал туман, потом проходил, уступая место мгле; послеобеденный кофе плавно

перетекал в чай с перспективой превратиться в ранний ужин, а потом переместиться в паб, находящийся в погребке, и так до Второго пришествия, и слышно было лишь позвякивание фарфоровых чашек о фарфоровые зубы, шелест шелков и поскрипывание обуви. Тихо взвизгнула шарнирная дверь, что вела в маленький кабинет-библиотеку, и оттуда вышел, хватаясь за воздух, чтобы не упасть, пожилой человек; остановился, окинул всех пристальным взглядом и промолвил удручающе спокойным голосом:

— Пытаетесь кое-как пережить воскресенье?

Потом повернулся и ушел обратно. Дверь со скрипучим шепотом затворилась сама.

Воскресенье в Дублине.

Эти слова уже сами по себе исполнены беды.

Воскресенье в Дублине.

Оброните эту фразу, и она никогда не долетит до дна, а будет падать сквозь пустоту свинцового полдня, пока не пробьет пять часов.

Воскресенье в Дублине. Как бы его пережить.

Бьют погребальные колокола. Заткните уши. Услышите шипение шуршащего венка из черных перьев, вывешенного на вашей затихшей двери. Прислушайтесь к этим опустевшим улицам под окнами гостиничного номера, которые так и ждут, чтобы заглотить вас, если вы осмелитесь высунуться наружу до пяти. Ощутите мглу, скользкую влажным фланелевым языком под оконными карнизами, облизывающую крыши гостиниц и оседающую каплями тоски.

«Воскресенье, — думал я. — Дублин». Пабы наглухо заперты до вечера. Билеты в кино распроданы на две-три недели вперед. Делать нечего, разве что сходить в зверинец Феникс-парка поглазеть на львов, от которых разит мочой, на стервятников, которых словно окунули в клей и вывалили в ящике тряпичника. Прогуляться вдоль реки Лиффи, увидеть ее воды цвета тумана. Побродить по аллеям, посмотреть на небеса цвета реки Лиффи.

«Нет, — яростно твердил я про себя, — марш в постель, разбудите меня на закате, покормите ранним ужином, запихайте обратно в постель, и всем спокойной ночи!»

Но я — герой — сунулся на улицу после полудня и, охваченный легкой паникой, краешком глаза принялся наблюдать. Вот он, обезлюдевший коридор пустопорожних часов, окрашенный как мой язык в пасмурное утро. В такие дни в северных странах, должно быть, даже Господа гложет скучища. Как тут не вспомнить Сицилию, где любое воскресенье — пышное празднество, искрометное шествие молоденьких петушков-курочек и людей, важно и праздно вышагивающих по теплым, как оладьи, аллеям, распустив гребешки, дрыгая руками-ногами и пряча глаза от слепящего солнца; а из вечно распахнутых окон на них ниспадает или обрушивается дармовая музыка.

Но Дублин! Дублин! «Издохший город! — думал я, поглядывая из окон гостиничного вести-

бюля на политый дождем закопченный остов. — Вот тебе две монетки на глаза!»

Потом я открыл дверь и шагнул в объятия преступного воскресенья, которое только меня и дожидалось.

Я затворил другую дверь в пабе «Четыре провинции». Постоял в тишине паба в день отдохновения. Бесшумно прокрался к бару, чтобы шепотом попросить лучшего напитка, и долго протягивал его, исцеляя душу. Поблизости пожилой человек был занят похожими поисками закономерностей в своей жизни на дне стакана. Должно быть, минут через десять старик медленно поднял голову и вперился в засиженное мухами зеркало, сквозь меня, в глубь себя.

— Что я сделал сегодня, — скорбно произнес он, — хотя бы для одной души смертного человека? Ничего! Вот почему я чувствую себя страшно разбитым.

Я ждал.

— Чем старше я становлюсь, — сказал он, — тем меньше делаю для людей. Чем меньше я делаю, тем больше чувствую себя невольником, прикованным к стойке бара. Круши и хватай — это я!

— Гм... — сказал я.

— Нет! — вскрикнул старик. — Это огромная ответственность, когда мир одаривает тебя. Например, закатами. Все в пурпуре и золоте, как испанские дыни. Это ли не дар?

— Да.

— А кого благодарить за закаты? Только не вмешивайте сюда Господа Бога! С Ним разговаривают очень тихо. Я хочу спросить, кого можно сграбастать, хлопнуть по плечу и сказать: спасибо за сегодняшний сладкий утренний свет, премного благодарен за необычайной красоты природные цветочки и за травы, что стелются по ветру? Это тоже дары. Кто оспорит?

— Не я.

— Вам приходилось просыпаться за полночь и впервые ощущать наступление лета за окном после долгих холодов? Вы хоть раз будили жену, благодарили ее? Нет. Вы просто лежали лежнем, ухмыляясь себе под нос, наедине с новой погодой! Вы улавливаете ход мысли?

— Вполне, — ответил я.

— Тогда нет ли на вас чудовишной вины? Вы не кряхтите под ее тяжестью? Сколько прекрасного даровала вам жизнь? Разве эти дары не упрятаны во глубине вашей плоти, согревая душу, — ласковое лето, прозрачная осень или просто привкус свежего пива? Но кто выставит себя на посмешище, говоря спасибо каждому встречному за свое богатство? Что ждет таких скряг, как мы, всю жизнь копивших свою благодарность и нисколько не растративших? Ведь наступит же день, когда мы затремим по швам и волокнам, обнажив свою трухлявую сердцевину!

— Я никогда не задумывался...

— А вы подумайте! — воскликнул он. — Вы американец — не так ли? — к тому же молодой. Вы получаете те же дары от природы! Но, не выражая кому-то где-то как-то своей покорной благодарности, вы нагуливаете жирок и тяжелее дышите. Действуйте, пока не превратились в живого мертвеца!

С этими словами он перешел к заключительной части своих мечтаний, со следами «Гиннеса», оставившего на верхней губе тонкие усики.

Я вышел из паба навстречу воскресной непогоде.

Я стоял, глядя на улицы и тучи из серого камня, на снующих озябших людей, выпускающих продрогшими губами серые траурные шлейфы.

Такие дни, думал я, заставляют нас делать то, чего мы никогда в жизни не делали, — путают все наши карты, раздражают. Помогли Господь тому, кто не отдал свои долги в такой день.

Как флюгер на слабом ветру, я тупо повернулся. Я стоял не шелохнувшись. Я слушал.

Мне почудилось, что ветер крепчает и дует с запада, неся с собой щипки и звоны — брэнчание арфы.

— Хорошо, — прошептал я.

Все свинцовые морские воды с ревом хлынули в дыру в моем ботинке, словно кто-то вытащил пробку. Я почувствовал, как улетучивается моя печаль.

И повернул за угол.

А там сидела маленькая женщина, раза в два меньше своей арфы, ее руки были протянуты к струнам, дрожащим, как ребенок под мелким прозрачным дождем.

Нити арфы вздрогнули. Звуки растворились, словно рябь на потревоженной воде, набегающей на берег. Из арфы выскочил «Мальчик Дэнни». Следом — «Зеленое платье», застегнутое на все пуговицы. Потом — «Я Шон Лайам из Лимерика» и «Шумные поминки». Звуки арфы ощущаешь как шампанское, налитое в большой фужер: щиплет веки, ласково брызжет на лоб.

На моих щеках расцвели испанские апельсины. Дыхание играло в ноздрях как на флейте. Ступни тайно задвигались, затанцевали в неподвижных ботинках.

Арфа запела «Янки Дудль».

И я снова опечалился.

Ведь она не видит свою арфу, думал я. Не слышит музыку!

Действительно, ее руки сами по себе подпрыгивали и плескались в воздухе, щипали струны — два древних паука, занятых своей быстро сплетенной паутиной, порванной ветром и обновленной. Она позволяла пальцам играть, а ее лицо поворачивалось то туда, то сюда, словно она жила в соседнем доме и ей нужно было только присматривать за руками, чтобы они не проказничали.

— А-а, — вздохнула во мне моя душа.

«Вот он, твой шанс!» — почти вскричал я. Боже, ну конечно!

Но я промолчал и дождался, пока она сорвет последние грозди и пригоршни из «Янки Дудль».

С сердцем, колотившимся в горле, я сказал:

— Вы великолепно играете.

Мое тело лишилось тридцати фунтов веса.

Женщина кивнула и заиграла «Летний берег», пальцы ткали мантильи из одного только дыхания.

— В самом деле, вы играете замечательно, — сказал я.

Еще двадцать фунтов долой.

— Когда играешь сорок лет, — откликнулась она, — то не замечаешь.

— Вы так прекрасно играете, что могли бы выступать в театре.

— Да ну вас!

Тут словно два воробья клюнули в плавно крутящийся челнок.

— С какой стати я должна думать про оркестры?

— Это работа в помещении, — заметил я.

— Мой отец сделал эту арфу, — сказала она, пока ее руки то удалялись от нее, то возвращались. — Он хорошо играл и меня обучил. Он говорил: боже упаси тебя от игры под крышей!

Пожилая женщина прищурилась, вспоминая.

— Играй за театром, перед театром, везде, говорил он, но не играй внутри, где музыка угаса-

ет. С таким же успехом можно играть на арфе в гробу!

— Разве инструмент не портится от дождя?

— Под крышей арфы страдают от жары и паров, говорил отец. Держи ее на воздухе, пусть дышит, набирается из воздуха тончайших оттенков и тембров. К тому же, говорил он, когда покупают билеты, каждый думает, что может орать на тебя, если ты ему не угодил. Избегай этого, говорил отец. В один год тебя назовут талантливой, в другой — бездарной. Иди туда, где они будут проходить мимо; если им понравится твоя песня — ура! А те, кому не понравится, уйдут из твоей жизни. Вот так, доченька, к тебе будут приходить только по зову сердца. Зачем запирается в компании всяких злыдней, когда можно жить на свежем ветерке улиц вместе с послушными ангелами? Но я слишком увлеклась. Так что?

Она в первый раз пристально посмотрела на меня, словно вышла, шурясь, из темной комнаты.

— Кто вы? — спросила она. — Вы развязали мне язык! Что у вас на уме?

— Ничего хорошего не было, пока минуту назад я не завернул за этот угол, — сказал я. — Я готов был свалить колонну Нельсона, устроить скандал в очереди за билетами в кино, готов был то рыдать, то богохульствовать...

— Не могу вас таким представить. — Ее пальцы соткали еще один ярд песни. — Кто же заставил вас передумать?

— Вы, — сказал я.

С таким же успехом я мог пальнуть ей в лицо из пушки.

— Неужели? — удивилась она.

— Вы подобрали день с мостовой, встряхнули и пустили бежать дальше вприпрыжку.

— Кто? Я?

В первый раз я услышал, как из мелодии выпало несколько нот.

— Или, если хотите, ваши руки, которые заняты своим делом без вашего ведома.

— Надо же одежду стирать, вот и стираешь.

Я почувствовал, как мое тело наливается свинцом.

— Не делайте этого! — сказал я. — Почему мы, прохожие, должны восхищаться этим, а не вами?

Она запрокинула голову; ее руки задвигались медленнее:

— А почему вас интересуют такие, как я?

Стоя перед ней, я мог бы поведать про старика, встреченного в убаюкивающей тиши паба «Четыре провинции». Но как описать гору прекрасного, которая росла всю жизнь и заполнила мою душу, и рассказать про самого себя, детским совком раздающего эту красоту по крупинкам всему миру? Следовало ли мне перечислять все, что я задолжал людям сцены и голубого экрана, которые заставили меня плакать, смеяться или просто вдохнули в меня жизнь, но никто в затемненном кинотеатре не обернулся и не осме-

лился крикнуть: «Если тебе нужна помощь — я твой друг!»? Может, вспомнить того человека в автобусе десять лет назад, который так легко и непринужденно смеялся на заднем сиденье, что его смех заставил каждого из нас растаять и весело захохотать, катиться кубарем из дверей, но ни у кого не хватило смелости прерваться, коснуться его плеча и сказать: «Вы доставили нам огромное удовольствие. Господь вас благослови!»? Могли я ей сказать, что она лишь частица большого счета, задолженность по которому давно просрочена? Нет. Ничего из этого я сказать ей не мог.

— Попробуйте представить кое-что.

— Пожалуйста, — сказала она.

— Предположим, вы — американский писатель, разыскивающий материал далеко от дома, жены, детей и друзей, в мрачном отеле, в гнусный серый день с битым стеклом, жеваным табаком и закопченным снегом в душе. Представьте, вы гуляете по холодным улицам и тут встречаете маленькую женщину с золотистой арфой и все, что она исполняет из других времен года — осени, весны, лета, приходящих и уходящих для всех. И лед тает, туман рассеивается, ветер пышет июнем, и чувствуешь себя на десять лет моложе. Представьте, пожалуйста.

Она оборвала мелодию.

Ее поразила внезапная тишина.

— Глупый вы, — сказала она.

— Представьте себя на моем месте, — сказал я. — Возвращаюсь в отель. И по пути мне захо-

телось что-нибудь услышать, что угодно. Игру. И когда вы играете — уйти за угол и слушать.

Она положила пальцы на струны и замерла, зашевелив губами. Я ждал. Наконец она вздохнула, застонала. И вдруг закричала:

— Убирайся!

— Что?..

— Из-за тебя я разучилась играть! Смотри! Ты все испортил!

— Я только хотел сказать спасибо...

— Моей заднице! — закричала она. — Что за дубина, что за дурень! Занимайся своим делом! Своей работой! Оставь меня в покое! Ах, мои бедные пальчики загублены, загублены!

Она пристально посмотрела на них, затем бросила на меня яростный взгляд.

— Катись отсюда! — заорала она.

Я в отчаянии убежал за угол.

«Вот, — думал я, — добился своего! Благодарностью убил. Это про меня. Дурак, держал бы язык за зубами».

Я прислонился спиной к стене здания, сползая вниз. Должно быть, протикала минута.

«Пожалуйста, милая, — думал я, — ну же. Играй. Не для меня. Для себя. Забудь, что я сказал! Умоляю».

Я услышал несколько слабых, нерешительных шепотков арфы.

Опять пауза.

Потом, когда ветер задул снова, он принес звуки очень медленной мелодии.

Это была старинная песня, и я знал ее слова.
Я пел их про себя.

Шагай легкой поступью под музыку,
Не повреди нежных травинок,
Жизнь проносится бурей,
Как песок в часах.

«Да, — думал я, — продолжай».

Легко плыви в тени,
Грейся лениво на солнышке,
Благодари за жажду и утоление,
За обеды, вино и женщин,
Думай о том, что жизнь скоро пройдет,
Ходи осторожно по клеверу,
Чтоб не поранить ни одного любовника.

Вот так уйди из жизни,
Поприветствуй и отблагодари
И засыпай, когда все сделано.
За этот сон дорого заплачено.

До чего же мудра эта женщина, думал я.

Шагай легкой поступью под музыку.

А я чуть не растоптал ее своими похвалами.

Чтоб не поранить ни одного любовника.

А она вся в синяках от моей доброй бездумности.

Но теперь песней, научившей меня большому, чем я мог высказать, она успокаивала себя.

Я ждал, пока она уверенно играла третий куплет, и только потом снова прошел мимо нее, приподняв шляпу.

Но ее глаза были закрыты, и она слушала то, что делали ее пальцы, перебирая струны, как нежные пальчики молодой девушки, которая впервые познала дождь и подставляет ладони под его прозрачные струи.

Она продолжала, нисколько не беспокоясь, потом слишком беспокоясь, а потом ровно столько, сколько нужно.

Ее губы были чуть поджаты.

«На волосок от гибели, — подумал я. — Еще бы чуть-чуть...»

Я оставил их, двух подруг, встретившихся на улице, — ее и арфу. И побежал в отель, чтобы поблагодарить ее единственным известным мне способом — делать свою работу, причем на отлично.

Но по дороге заглянул в паб «Четыре провинции».

Под музыку по-прежнему шагали легкой поступью, и по клеверу ходили осторожно, и ни одного любовника не поранили, когда я распахнул дверь в поисках того человека, чью руку мне хотелось бы пожать больше всего.

ГЛАВА 22

Так оно и продолжалось. День за днем я загарпунивал и свеживал Кита, перечитывал Марка Аврелия и восхищался его самоубийством. Потом каждый вечер садился в такси и отправлялся обсуждать свою дневную восьмистранич-

ную норму сценария с человеком, который слезал с женщин только для того, чтобы скакать за гончими псами. Затем каждую полночь, готовый окунуться в проливной дождь и возвратиться в отель «Ройял хайберниен», я будил килкокскую телефонистку и просил соединить с самым теплым в городе, хоть и совершенно небогряваемым местом.

— Паб Гебера Финна? — кричал я в трубку, когда меня соединяли. — Майк у вас? Попросите, чтобы он приехал за мной.

Перед моим мысленным взором возникает картина: местные парни выстроились у бара-баррикады и глядятся в щербатое зеркало, как в замерзший пруд, погруженные под его великолепный лед. Слышно, как Гебер Финн зовет нараспев Майка, а тот отзывается:

— Все, одна нога здесь, другая там!

Из прежнего опыта я знаю, что процесс, именуемый «одна здесь, другая там», вовсе не душевраздирающий, не оскорбляющий достоинства и не рвущий кружев беседы, искусно, с замиранием сердца сплетенных в пабе «У Финна». Скорее это медленный отрыв, степенный поклон, когда центр тяжести дипломатично смещается в дальний, пустующий конец зала, где одиноко маяется забытая всеми дверь.

По моим расчетам, большая часть полночного пути — через паб Гебера Финна — отнимала у Майка полчаса. Меньшая — от паба до дома, где я его дожидался, — минут пять.

Так было и поздней февральской ночью перед Великим постом, когда я позвонил и стал ждать.

Наконец из ночного леса вылетел «Нэш» 28-го года выпуска, торфяно-бурый, как шевелюра Майка. Машина и водитель с одышкой, хрипом и присвистом, непринужденно, легко и плавно вкатились во двор; я сбежал по ступеням под безлунное, блещущее звездами небо, в ночь, когда дождь для разнообразия решил не идти.

Сквозь окно машины я вперился в царивший внутри крошечный мрак: приборная доска много лет как угасла.

— Майк?

— Кто же еще, — послышался доверительный шепоток. — Славный теплый вечерок, не правда ли?

Термометр показывал сорок по Фаренгейту¹, но Майк никогда не бывал южнее Типперари; и вообще погода — штука относительная.

— Славный теплый вечерок.

Я сел на переднее сиденье и с силой захлопнул истошно визжащую дверцу, так что из нее посыпалась ржавчина. Иначе нельзя.

— Ну как жизнь, Майк?

— Гм, — машина покатила по ухабам лесной дороги, — здоровье в порядке. Чего еще желать, если завтра Великий пост?

— Великий пост, — задумчиво повторил я. — А в чем ты откажешь себе на время поста, Майк?

---

¹ Около 5 градусов по Цельсию.

— Я вот подумываю, — тут вдруг Майк затянулся сигаретой, и розовая морщинистая маска его лица проступила сквозь дым, — не бросить ли эту дурную привычку? Обходится как золотая коронка, а легкие забивает — просто жуть. Это ж какой убыток, если прикинуть за год. Так что ты не увидишь у меня в зубах этой отравы за все время поста, а там — кто знает? — глядишь, и совсем брошу.

— Bravo! — воскликнул я, некурящий.

— Вот и я себе говорю «bravo», — просипел Майк, шурясь от дыма.

— Желаю удачи.

— Это не помешает, — прошептал Майк, — когда имеешь дело с такой разорительной привычкой.

Уверенно управляя машиной и мерно раскачиваясь, мы устремились в объезд торфяной низины, сквозь туман в Дублин, запросто проделывая тридцать одну милю в час.

Простите, если повторяюсь: таких осторожных водителей, как Майк, не сыскать в целом свете, даже в самой что ни на есть трезвой, крохотной, тихой, источающей мед и молоко стране.

Прежде всего Майк — сама невинность и святость по сравнению с лос-анджелесскими, парижскими и мексиканскими шоферами, которые, плюхнувшись на сиденье, включают кнопку с надписью «паранойя», или со слепцами, которые, забросив оловянные кружки и белые

трости, но по-прежнему в черных голливудских очках, оглашают безумным гоготом виа Венето, и только тормозные колодки сыплются, словно карнавальный серпантин, из окон их гоночных машин. Вот развалины Рима после того, как его разнесли рокеры-мотоциклисты, — ногами под окнами вашей гостиницы вы слышите, как они с ревом проносятся по темным римским улицам — христиане, летящие в львиные рвы Колизея.

Так вот, о Майке. Посмотрите, как ласково его руки касаются руля в плавном, подобном движению часовых стрелок вращении, бесшумном, как зимние созвездия, опадающие снежинками с неба. Вслушайтесь, как он спокойным ночным голосом околдовывает дорогу, выдыхая мглу, ласково поглаживая ногой педаль бормочущего акселератора. Скорость — ни единой милей меньше тридцати, ни двумя больше. Майк в надежном челне скользит по бархатному, душистому озеру, где отдыхает Время. Любуйтесь, сравнивайте. Приворожите к себе этого человека летними травами, одаривайте его серебром, крепко жмите руку после каждой поездки.

— Спокойной ночи, Майк, — сказал я у гостиницы. — Увидимся завтра.

— С Божьей помощью, — пробормотал Майк. И плавно отъехал.

Пропустим двадцать три часа на сон, завтрак, обед, ужин и последнюю стопку на ночь глядя. Пусть в дожде и торфяной мгле растворятся

часы, потраченные на превращение дурного сценария в хороший. И вот молодой писатель вновь выходит в полночь из георгианской усадьбы. Из двери выплескивается на ступеньки теплый свет, словно язык пламени из камина. Я на ощупь, как по азбуке Брайля, двигаюсь в тумане к автомобилю, который, я знаю, должен быть здесь. Слышу в незрячем воздухе пыхтение его раздувшегося астматического сердца и кашель Майка, за который он платит дорожную цену.

— А вот и мы, сэр! — говорит Майк.

Я опускаюсь на переднее сиденье, на котором удобно общаться, хлопаю дверцей и говорю с улыбкой:

— Майк.

И тут случается невозможное! Машина срывается с места в карьер, ревет, как доменная печь, рыщет, мечется, а потом уж на полную мощь громыхает по дороге, сметая кустарник и калеча ночные тени. Я хватаюсь за колени и бьюсь головой о потолок в бешеном ритме.

— Майк! — почти кричу я. — Майк!

Мне мерещатся Лос-Анджелес, Мехико, Париж. В отчаянии я пялюсь на спидометр. Восемьдесят, девяносто, сто миль; мы выстреливаем залп гравия из-под колес и вылетаем на шоссе, проносимся по мосту и мчим по ночным улицам Килкока. И как только вырулили из города, скорость — сто десять. Я чувствую, как все ирландские травы прижимаются к земле, когда мы с воем берем подъем.

«Майк!» — подумал я и повернулся к нему.

Лишь одно оставалось неизменным — дымящаяся сигарета в зубах, заставлявшая его кривить то один глаз, то другой.

Но Майк преобразился так, словно сам дьявол сдавил, вылепил и обжег его в своих темных ладонях. Он выкручивал руль до отказа туда и обратно, мы то ныряли под эстакады, то выскакивали из туннелей; задетые нами знаки на перекрестках крутились, как флюгера в бурю.

С лица Майка словно сдуло всю мудрость, во взгляде не осталось ни доброты, ни вдумчивости, ни терпимости, ни спокойствия. Не лицо, а вымоченная, ошпаренная, ободранная картофелина; личина, скорее похожая на слепящий прожектор, бессмысленно упертый в пустоту. А его проворные руки выкручивают баранку, и мы, накренившись, вписываемся в очередной поворот, прыгая с одного уступа ночи на другой...

«Это не Майк, — подумал я, — а его брат. Нет, в его жизни стряслось что-то ужасное, удар, напасть, семейное горе или недуг. Иначе быть не может».

И тут Майк заговорил. Не своим голосом. Сгинули бархатистость торфяника, влажность мха, теплый камин после холодного дождя и мягкая травка. На меня гаркнул железно-жестяной голос, гром горна, трубы.

— Как поживаешь! Как жизнь?! — проорал он.

И машина страдала от насилия. Она возмущалась переменой, да, именно; одряхлевшая и

разбитая, давно отжившая свой век, она мечтала лишь об одном — брести шагом, словно заскорузлая попрошайка, к морю, к небу, забываясь о дыхании и боясь растрясти свои кости. Но Майк был неумолим и гнал громыхающий драндулет в ад, будто намеревался согреть окоченевшие руки над какой-то особенной огненной геенной. Майк напрягался, и машина напрягалась, из выхлопной трубы вместе со свинцовыми газами били снопы искр. И я, и Майк, и машина — хором отчаянно дребезжали, тряслись и қлацали.

Чтоб не свихнуться, я нашел простое решение. В поисках причины безумной гонки мой взгляд скользнул по Майку, пылавшему, как огненные испарения ада, и наткнулся на ответ.

— Майк, — выдохнул я. — Сегодня же первая ночь поста!

— И что с того?

— Что? Ты же обещал! Уже пост, а у тебя сигарета в зубах.

Майк опустил глаза, увидел вьющийся дымок и пожал плечами.

— А! — сказал он. — Я решил покончить с иным.

— С инеем? — вскричал я.

— С другим! — поправил он себя.

И вдруг все стало ясно.

За прошедшие, казалось, тыщу вечеров, стоя в дверях старинного георгианского особняка, я выпивал «для согрева» поднесенную Станным Джоном огненную порцию ирландского виски.

Потом, выдыхая обожженной глоткой жар раскаленных, как знойное лето, угольев, я садился в такси с человеком, который на все эти долгие вечера, дожидаясь моего звонка, просто поселился у Гебера Финна в пабе.

«Дурак! — подумал я. — Как же я мог забыть!»

У Гебера Финна, за долгой беспечной беседой, подобной возвращению сада, куда каждый приносит семя или цветок, где работают заступом, языком и поднимают милые сердцу пенные кружки, нежно сжатые ладонями, — там набирался Майк добродушия.

Это добродушие, испаряясь, проливалось мелким дождичком на его пылающие нервы, гасило степной пожар в теле, омывало лицо, оставляя печать мудрости, морщины Платона и Эсхила, румянило щеки, согревало взгляд, смягчало голос до шороха, расправляло грудную клетку, заставляя сердце переходить на мягкую поступь. Добродушие стекало по плечам, урезонивая своевольные руки на трясучем руле, придавало изящества и непринужденности, когда он на сиденье из конского волоса плавно вел машину сквозь туман, разделявший нас и Дублин.

И я, с привкусом эля на языке и обожженной раскаленными парами носоглоткой, ни разу не учуял, чтобы мой старинный друг источал запах спиртного.

— А, — снова сказал он. — Да, я бросил другое.

И головоломка мигом решилась.

Сегодня — первая ночь Великого поста.

Сегодня Майк впервые за столько ночей, что я с ним ездил, сел за руль трезвым.

Все прошлые сто сорок с лишним ночей Майк вел машину осторожно не потому только, что он заботился о моей безопасности, — просто теплое добродушие плескалось, разливаясь по его телу, пока он выписывал длинные виражи по шоссе.

Так, спрашивается, кто поистине знает ирландцев и с какой стороны? И какая из этих сторон настоящая? Кто есть Майк? И что он собой представляет? Который Майк из этих двух настоящих — тот, каким его знают все?

«И думать об этом не хочу!» — подумал я.

Для меня есть лишь один Майк. Тот, кого Ирландия вылепила из дождя и непогоды, сева и жатвы, отрубей и сусла, варки пива, разливания по бутылкам, раздачи кружек, из пабов цвета летнего зерна, из волнующихся ночью на ветру колосьев пшеницы — этот добрый шелест вы слышите, проезжая мимо лесов и торфяников. Таков и есть Майк до кончиков ногтей, его глаза, сердце и проворные руки. Спросите, что делает ирландцев такими, какие они есть, и я покажу вам дорогу и скажу, где свернуть к Геберу Финну.

Первая ночь поста. Не успел я сосчитать до девяти, как мы оказались в Дублине!

На следующую ночь в Килкоке я вышел из дома выдающейся личности. Мое такси дожидает-

лось меня, урча мотором. Я наклонился, чтобы вложить в руки дражайшему Майку особую бутылку.

Решительно, умоляюще, пылко, со всей, какая только возможна, дружественной настойчивостью я впился глазами в отчужденное, горящее, грубое лицо Майка.

— Майк, — сказал я.

— Сэр! — рявкнул он.

— Сделай мне одолжение.

— Какое угодно! — проорал он.

— Возьми это, — сказал я. — Это лучшая бутылка ирландского виски, какую я сумел отыскать. И перед тем как мы сейчас тронемся в путь, Майк, осуши ее до последней капли. Обещаешь, Майк? Клянешься?

Он задумался, и раздумья притушили разрушительное пламя на его лице.

— Ты ставишь меня в трудное положение, — сказал он.

Я силой сомкнул его пальцы на бутылке.

— Майк, откажись лучше от чего-нибудь другого на время поста, — сказал я.

— От чего же еще можно отказаться в Ирландии? А, погоди-погоди. От женщин!

— Они у тебя были когда-нибудь?

— Нет, — сказал Майк. — Но я все равно от них откажусь!

Он выпил.

И по мере того как он пил, его губы, глаза, лицо преисполнялись великим спокойствием,

великой умиротворенностью и безмятежностью; его кости постепенно обмякали под одеждой.

Я взглянул на его лицо.

— Ах, Майк, Майк, — сказал я, — вот ты и вернулся!

— Долго же меня не было, — сказал он.

Мы медленно покатали в Дублин.

ГЛАВА 23

Я входил в отель «Ройял хайберниен», как вдруг какая-то нищенка сунула мне под нос грязного младенца и прокаркала:

— О боже, пожалейте! Мы нуждаемся в со-
страдании! Есть ли у вас хоть немного?

Сколько-то у меня еще оставалось. Я похлопал по карманам, достал немного и уже собирался протянуть ей, как у меня вырвался сдавленный крик, равнозначный восклицанию. Монеты посыпались из моей ладони.

Ибо в этот миг младенец посмотрел на меня, а я — на младенца.

И его тут же убрали с моих глаз долой. Женщина нагнулась и стала подбирать деньги, испуганно поглядывая на меня.

— Чертовщина! — Я зашел в вестибюль, словно оглушенный, пытаюсь вспомнить собственное имя. — Наваждение! Но все-таки что же там произошло?

Все дело в ребенке этой нищенки. Младенец

был тот же самый — носик, ротик и, главное, глазки. Я видел его давным-давно, еще в 1939 году, когда путешествовал по Ирландии и насмотрелся на попрошаек. Да, но... Боже!.. чтобы тот же самый!

Я медленно вернулся к гостиничной двери, отворил ее и выглянул наружу.

Улица опустела. Нищенка со своим свертком исчезла — убралась в какой-нибудь переулок, ушла к какой-нибудь другой гостинице ловить очередных приезжающих-отъезжающих.

Я закрыл дверь и пошел к лифту.

— Нет! — сказал я. — Быть этого не может.

Потом вдруг вспомнил, что нужно шевелиться, и шагнул в лифт.

Но младенец все не шел у меня из головы.

Вернее, воспоминания о нем.

Воспоминания об иных годах и днях, ненастных и пасмурных, воспоминания о мамаше, детеныше, его чумазой мордочке, о ее визге, который смахивал на скрежет тормозов, нажатых до отказа, дабы спастись от гибели.

Иногда поздней ночью я слышал, как она с воем бросается с утеса ирландской непогоды на скалы, которые тщетно штурмует прибой, а море вечно кипит.

И ребенок пребывает тут же.

Я ловил себя на том, что сижу в раздумьях и за чаем, и за своим ирландским кофе, и за ужином.

— Что, опять?! Глупость! Чушь!

Я всегда издевался над метафизикой, астрологией и всякой там хиромантией. Но тут генетика, думал я. Она — та самая женщина, которая четырнадцать лет назад заискивающе смотрела мне в глаза и совала противного немытого младенца! А младенец — она что, еще одного родила или взяла взаймы напоказ, на сезон?

Не важно, думал я. Она для меня разгаданная головоломка. Но вот малыш? Тут кроется настоящая и невероятная тайна! Ребенок, как и она, не изменился! Непостижимо! Невозможно! С ума сойти!

Так оно и было. Когда мне удавалось избежать встреч с моими двумя палачами, режиссером и Китом, я рыскал по улицам Дублина в поисках нищенки и ее неподвластного времени дитяти.

От Тринити-колледжа я шагал вверх по О'Коннел-стрит, потом вокруг парка Святого Стефана и обратно, притворяясь, будто люблюсь изысканной архитектурой, на самом же деле украдкой высматривал попрошайку, обремененную страшным младенцем.

Ко мне, как обычно, приставали личности, бренчавшие на банджо, шаркающие танцоры, псалмопевцы, булькающие глоткой тенора и баритоны, оплакивающие почившую возлюбленную или водружающие надгробье на могиле матери, но нигде мне не удавалось настичь свою добычу.

Наконец я подошел к швейцару отеля «Ройял хайберниен».

— Ник, — сказал я.

— Сэр, — сказал он.

— Та женщина, что вечно ошивается у парадной лестницы...

— А, та, что с ребенком?

— Вы ее знаете?

— Еще бы! Она у меня словно бельмо на глазу, с тех пор как мне стукнуло тридцать, а теперь я уже почти седой!

— Она уже *столько* лет попрошайничает?

— И черт знает сколько до этого.

— А звать ее...

— Молли — ей бы вполне подошло. Фамилия? Кажется, Макгиллахи. Прошу прощения, сэр, а почему вас это интересует?

— Вы когда-нибудь смотрели на ее младенца, Ник?

Он поморщился как от кислоты:

— Давно уже не смотрю. Эти нищенки содержат своих детей так, чтобы они выглядели пострашнее, сэр, чтобы смахивало на бубонную чуму. Носа не вытрут, не выкупают, одежонку не починят. Видите ли, опрятный вид попрошайничеству только во вред. Чем грязнее, тем лучше — вот их девиз.

— Именно. Ник, значит, вы ни разу так и не присмотрелись к этому ребенку?

— Эстетика — это сокровенная частица моей жизни, так что я отлично умею отводить глаза.

Извините, но я слишком слеп, чтобы помочь вам.

— Извиняю, Ник. — Я протянул ему пару шиллингов. — А... вы их видели в последнее время?

— Странно, если призадуматься, сэр. Они тут не появлялись... — он посчитал на пальцах и изобразил удивление, — уже целых две недели! Такого раньше не бывало.

— Не бывало? Спасибо, Ник.

И я спустился по ступенькам продолжить свои изыскания.

Она явно скрывалась.

Я ни на минуту не поверил, что она или ее дитя могли заболеть.

Ее спугнуло наше столкновение перед отелем, то, как наши с ребенком взгляды, встретившись, высекли искру, и она удрала как лисица бог весть куда, в другой переулок, другой дорогой, в другой город.

Я просто обонял, как она избегает меня. Да, она лисица, зато я с каждым днем становился все более искусной гончей.

Я выходил на прогулку раньше, позже, околачивался в самых подозрительных местах. Спрыгивал с автобуса в Болсбридже и шарил в тумане. Или проезжал полпути на такси до Килкока и прятался в пабах. Я даже преклонял колена в церкви декана Свифта, чтобы услышать отголоски его гуингнмоподобной речи, но тотчас на-

сторожился, как только мимо пронесли пислявого младенца.

Полное сумасбродство — идти на поводу у такой сумасшедшей идеи. Но все же я шел.

И вот по невероятной, чистой случайности поздно вечером, пустившись в плавание в ливень, от которого дымилась канавы и поля шляпы занавесились пеленой из тыщи дожденок, я свернул за угол...

И тут эта особа сует мне под нос кулек и издает знакомый крик:

— Осталась ли жалость в вашей душе...

Она запнулась, повернулась и пустилась наутек.

Потому что мгновенно все поняла. И ребенок у нее на руках, с перекошенным личиком и горящими, бегающими глазками, *тоже* все понял. Оба исторгли истошный вопль.

Боже, как она улепетывала!

Разрыв между нами измерялся уже целым кварталом, прежде чем я набрал полные легкие и закричал:

— Держи воровку!

Этот клич показался мне вполне уместным. Ребенок был загадкой, которую я жаждал разгадать, а женщина убегала, унося отгадку с собой. Самая что ни на есть воровка!

И я помчался вдогонку с криками:

— Стой! На помощь! Эй, вы там!

Первые полмили нас разделяло ярдов сто; мы пробежали по мосту через Лиффи, очутились на

Графтон-стрит, откуда я влетел в парк Святого Стефана. И не обнаружил там... ни души.

Она улетучилась. Окончательно и бесповоротно.

Если только, думал я, озираясь по сторонам, если только она не прошмыгнула в паб «Четыре провинции»...

Туда я и пошел.

Догадка была что надо.

Я тихонько прикрыл за собой дверь.

Она сидела за стойкой бара, себе взяла пинту «Гиннеса», а ребенку — стаканчик джина. Чтобы посасывал на здоровье.

Я перевел дух, занял место у бара и заказал:

— Бомбейского джина, пожалуйста.

От моего голоса младенец встрепенулся, джин брызнул у него изо рта. Он начал задыхаться от кашля.

Мамаша перевернула его и похлопала по спине, чтобы остановить припадок. Его раскрасневшаяся мордашка, плотно зажмуренные глазки и широко разинутый ротик оказались повернутыми ко мне. Наконец кашель прекратился, со щек сошла краснота, и я сказал:

— Эй, малыш.

Воцарилась тишина. Весь паб затаил дыхание.

Я продолжил:

— Тебе не мешало бы побриться.

Младенец зашелся в истерике на руках у матери, с оглушительным, деланным воплем обиженного. Чтобы он заткнулся, я просто сказал:

— Ничего страшного. Я не из полиции.

Женщина обмякла, словно кости у нее превратились в кашицу.

— Спусти меня на пол, — сказал ребенок.

Что она и сделала.

— Дай мне джин.

Она подала ему стаканчик.

— Пошли в зал, там можно спокойно поговорить.

Малыш зашагал впереди с неким карликовым достоинством, одной рукой придерживая пеленки, в другой сжимая стакан.

В зале, как я и предполагал, было пусто. Младенец без моей помощи залез на стул и допил джин.

— А, черт, — сказал он тонусяньким голоском, — мне бы еще не помешало.

Пока его мамаша ходила за добавкой, я подсел к столику, и мы уставились друг на друга.

— Ну, — сказал он наконец, — что скажешь?

— Даже затрудняюсь ответить, — сказал я. — Сам не знаю, как себя вести: разразиться смехом или — слезами.

— Лучше уж смех. Не терплю слез.

В каком-то порыве он протянул мне руку. Я пожал ее.

— Макгиллахи моя фамилия. Больше известно как Макгиллахово Отродье. Для краткости — Отродье.

— Отродье, — машинально повторил я и назвался сам.

Его пальчики крепко сжали мне руку:

— Твоя фамилия ничего не говорит. Зато От-родье — сразу тянет на дно. Ты спросишь, что я делаю внизу? А ты, высокий и стройный, там, наверху, дышишь чистым воздухом? Вот и твоя выпивка — та же, что у меня. Пей и слушай.

Женщина вернулась с выпивкой для нас обо-их. Я отпил, взглянул на нее и спросил:

— Вы приходите к нему матерью?

— Сестрой, — сказал малыш. — Нашей маме уже давно воздано по заслугам — полпенни в день на тысячу лет вперед, а потом вовсе ника-кого пособия — сплошное промозглое лето на миллион годов.

— Сестрой?!

Должно быть, в моем голосе послышалось недоверие, потому что она отвернулась и приня-лась потягивать свой эль.

— Ни за что бы не догадался, правда? На вид она раз в десять старше меня. Но если зима не состарит, то уж бедность — наверняка. Зима да бедность — вот и весь секрет. От такой погоды трескается фарфор. А когда-то она была самым изысканным фарфором, какой только лето об-жигало в своих печах. — Он ласково подтолкнул ее локтем. — Но вот уже тридцать лет, как она моя мать...

— И ты уже тридцать лет...

— ...перед «Ройял хайберниен»? Даже боль-ше! А до этого — мама, и отец, и *его* отец, вся наша семейка! Не успел я родиться, как меня за-

пеленали и — на улицу. Мать голосит: «Пожалейте!», а все вокруг глухи, немые и слепы. Отродье Макгиллахи выставлялся напоказ тридцать лет с сестрой, десяток — с мамашей!

— Сорок лет? — воскликнул я и осушил свой стакан для подкрепления логики. — Неужели тебе сорок? И все эти годы... как же...

— Как я в это вляпался? Не вляпался, а, как у нас говорится, *уродился* для такой работенки. Девять часов за вечер, воскресенье — рабочий день, ни отметок в табеле, ни чеков, только пыль да наличные из карманов празддно шатающихся богачей.

— Все-таки я не понимаю, — сказал я, кивая на его рост, телосложение и цвет лица.

— И я не понимаю и не пойму, — ответил он. — Может, я недомерок, которому суждено всем отравлять жизнь? Лилипут, которого таким вылепили железы? А может, меня предупредили, чтоб я не рос, чтоб не высовывался?

— Ну, это вряд ли...

— Это как сказать! Все возможно! Вот послушай. Мне твердили это тысячу раз, и столько же раз мне это вдалбливал отец. Помнится, свою смену отпопрошайничает, придет домой, просунет руку в мою кровать, тычет в меня пальцем и приговаривает: «Отродье, выкручивайся как хочешь, только не расти, чтоб ни единой мышцы, ни волоска! Там тебя подстерегает Большая Жизнь, Большой Мир. Ты слышишь меня, Отродье? Там — Дублин. Дальше — Ирландия. А над

всеми нами — твердозадая Англия. Не стоит даже задумываться, строить планы, вырастать большим и пытаться чего-то добиться, достичь. Так что, Отродье, слушай меня. Мы остановим твой рост рассказами, горькой истиной, предостережениями и предсказаниями, мы приучим тебя к джину, окурим испанскими сигаретами, пока ты не превратишься в копченый ирландский окорок, розовенький, душистый и — маленький, слышишь, слышишь, Отродье, — маленький! Я не хотел, чтобы ты появился на свет. Но раз уж ты здесь, лежи себе ниже травы, не разгуливай — ползай, не болтай — вопи, не работай — болтайся без дела, и когда весь мир тебе осточертеет, малыш, вырази ему свое презрение — *обмочись!* Вот твоя вечерняя доза самогона. Осуши залпом. Четыре всадника из Апокалипсиса дожидаются нас на набережной Лиффи. Хочешь посмотреть? Так идем!»

И выходили на вечернее дежурство. Папаша мой терзал банджо, а я у его ног держал миску, или он отбивал чечетку, одной рукой держал меня, другой инструмент, и мы оба фальшивили.

Домой возвращались поздно, ночевали вчетвером в одной постели — будто недоделанные картошины, отбросы давешнего голода.

Иногда посреди ночи, отчаявшись, отец выскакивал с постели на холод, наружу, носился, бесновался и грозил небу кулаками. Я помню, я помню, я слышал, я видел. Он кричал Богу, чтоб

Тот его прихлопнул, а не то, Христос Ему в помощь, он сам до Него доберется — вот тогда полетят пух и перья, и бороды в клочья, и гаси свет, и величественный театр Мироздания прикроется навечно! «Ты слышишь, Бог, остолоп тупоголовый, с бесконечными дождевыми облаками, повернутыми ко мне своими черными задницами? Тебе что, плевать?!»

В ответ небо рыдало, а моя мать ему вторила всю ночь напролет.

Наутро опять мой выход. Уже на руках у матери. И так день-деньской: я то у него, то у нее. Она оплакивала миллион умерших от голода пятьдесят первого года, он прощался с четырьмя миллионами, отплывшими в Бостон...

Однажды ночью отец тоже исчез. Должно быть, сел на какой-нибудь свихнувшийся пароход, как и остальные, и вычеркнул нас из памяти. Я его прощаю. Он, несчастный, совсем голову потерял с голодухи и умом тронулся, хотел нас прокормить, а нечем.

А потом моя мать попросту изошла слезами, растаяла, словно сахарный святой, и угасла раньше, чем напозд утренний туман, и ее приняла земля, а моя двенадцатилетняя сестра выросла, вытянулась за ночь, но вот я-то, я? Я — втянулся. Мы с сестрой решили, конечно еще задолго до этого, что пойдем каждый своим путем.

Но мое решение созрело очень рано. Я знал, клянусь, знал, какой у меня актерский дар!

Я слышал это от всех приличных нищих Дублина, когда мне было девять дней от роду; они кричали: «Маленький, а уже попрошайничает!»

Мне исполнилось двадцать дней, потом тридцать дней, а мать простаивала под дождем у театра; артисты с режиссерами выходили, прислушивались к моим гэльским стенаниям и говорили, что надо подписать со мной контракт и учить актерскому ремеслу! Вот вырасту и стану мастером сцены, но я так и не вырос, а у Шекспира нет ролей для недомерков, разве что Пак. Дальше? Мне минуло сорок дней и пятьдесят ночей, и мои спектакли вызывали у попрошаек бессильную злобу, они порывались взять займы мою шкуру, плоть, душу, голос, кто на час, кто на два. И когда мать слегла, то сдавала меня напрокат, на полдня. И все, кто меня арендовал, всегда возвращали, не скупясь на похвалы. «Боже праведный, — восклицали они, — так орет, что даже из папской кружки с подаванием монету вытянет!»

А однажды воскресным утром, у кафедрального собора, на меня примчался поглазеть один американский кардинал, после того как я заметил его потешную юбку и яркие одеяния и поднял вой. Подошел и говорит: «Это первый крик народившегося Христа, смешанный с душераздирающим воплем Люцифера, низвергнутого с Небес и размазанного по зловонному Аду!»

Вот как выразился дражайший кардинал. Я — Христос и дьявол в одном лице, мой рот изрыгает неразборчивую речь. Попробуй сделать лучше.

— Куда уж мне, — сказал я.

— Потом, много лет спустя, появился один многомудрый епископ. В первый раз, как он меня увидел, смерил взглядом и... подмигнул! Потом достает фунтовую бумажку, берет мой чесоточный кулачок, запихивает деньги в ладонь, жмет, опять подмигивает и уходит восвояси. И каждый раз, когда мы проходили мимо него, я догадывался, что он меня вычислил, но ни разу не подмигнул в ответ. Играл с ним в молчанку. И за это для меня всегда находился добрый фунт: он гордился, что я не поддаюсь и не показываю виду, что знаю, что он все знает.

Из тысяч людей, что протопали мимо меня, он один смотрел мне в глаза. Да еще ты! Всех остальных жизнь сделала слишком застенчивыми, чтобы смотреть, кому подают.

Тот епископ, актеры из театра и нищие внушали мне, что я не должен идти против своего младенческого естества, таланта и гениальности, и, видно, это ударило мне в голову.

К тому же голод колокольным звоном вьелся в уши, что ни день — то похороны, то безработные бастуют... Понимаешь? Если тебя вечно хлещут дожди и людские потоки и ты столько познал — как не согнуться, не сморщиться?

Из голодного ребенка мужчины не получится. Или, может, другое средство придумали?

Когда тебе в голову через уши лезет такая мерзость, неужели захочется порхать во лжи и грехе? Когда все — и естественная природа, и противоестественные люди — будут тебя обманывать? Нет. Нет! Мне хотелось в утробу, но, раз я уже давно оттуда вышел и обратно не протиснуться, оставалось съежиться под дождем. Я щеголял своими изъянами. И представь, я победил.

«Это уж точно, — подумал я, — ты победил».

— Ну вот и весь сказ, — сказала миниатюрное существо, сидевшее на стуле посреди пустого зала.

В первый раз с начала своей повести он взглянул на меня.

Женщина, приходившаяся ему сестрой, хотя казалась убеленной сединами матерью, тоже наконец решила посмотреть мне в глаза.

— А в Дублине знают об этом? — спросил я.

— Кое-кто знает, — сказал младенец. — И завидует. И ненавидит меня, наверное, за то, что кары Господни сходят мне с рук.

— Полиция знает?

— Кто ж им скажет?

Наступило долгое молчание.

Дождь стучался в окно.

Где-то, как мятежная душа, стонала дверная петля, когда кто-то выходил или входил.

Безмолвие.

— Не я, — сказал я.

— Боже, боже...

И по щекам сестры полились слезы.

И по странному чумазому личику ребенка полились слезы.

Они поплакали вволю, но не пытались вытирать слезы. Наконец, когда слезы иссякли, они допили джин, посидели еще немного. И я сказал:

— Лучшая гостиница в городе — «Ройял хайберниен», лучшая в смысле для нищих.

— Да, — сказали они.

— И из боязни встретиться со мной вы держались подальше от самого хлебного места?

— Да.

— Еще не вечер, — сказал я. — Около полуночи в Шенноне сядет самолет с богачами.

Я встал:

— Если позволите... Я буду рад вас туда проводить.

— Календарь забит святыми, но мы и для вас там найдем местечко, — сказала она.

И я под дождем проводил женщину из рода Макгиллахи с ее Отродьем обратно к отелю «Ройял хайберниен», и по пути мы говорили о толпе, которая прибывает ближе к полуночи из аэропорта, выпивает и расселяется по номерам в этот благословенный час — в самый подходящий час для сбора подаяния, который нельзя упускать, даже когда льет холодный дождь и все такое прочее.

Я нес младенца часть пути, потому что женщина выглядела усталой, а когда показался отель, я передал ей его и спросил:

— Неужели за все время это первый раз?

— Что нас раскусил турист? — уточнил ребенок. — У тебя глаз как у выдры.

— Я писатель.

— Будь я проклят! — сказал он. — Как же я не догадался! А ты, часом...

— Нет, — сказал я. — Ни слова не напишу ни про все это, ни про тебя в ближайшие тридцать лет, а то и дольше.

— Значит, молчок?

— Молчок.

До гостиничного подъезда оставалось футов сто.

— Все, теперь я умолкаю, — сказал он, лежа на руках у своей пожилой сестры, свеженький, как мятная конфетка, вымоченная в джине, с вытарашенными глазами, растрепанными волосами, завернутый в грязные пеленки и тряпье. — У нас с Молли правило: на работе никаких разговоров. Держи пятерню.

Я взял его кулачок, словно щупальца актинии.

— Господь тебя благослови, — сказал он.

— И пусть Господь позаботится о тебе, — пожелал я.

— А еще годик, — сказал ребенок, — и мы скопим на пароход до Нью-Йорка.

— Уж это точно, — заверила сестра.

— И не нужно будет попрошайничать, не нужно будет грязному младенцу орать в бурю по ночам; найду себе приличную работу, в открытую, понимаешь? Зажжешь за это свечку?

— Считай, зажжена.

Я пожал его руку.

— Иди.

— Иду, — сказал я.

Я быстро зашагал к отелю, куда уже начали подъезжать такси из аэропорта.

За спиной я услышал, как под дождем женщина просеменила мимо, увидел, как она поднимает святого младенца.

— Если у вас есть хоть капля жалости! — кричала она. — Проявите сострадание!

И послышалось, как звенят монеты в миске, как ноет продрогший ребенок, как подходят очередные машины, как женщина кричит: «сострадание», «спасибо», «Господь благослови» и «слався, Господи», и, вытирая собственные слезы, я представил, что во мне самом расту восемнадцать дюймов, но все же одолел крутые ступени, вошел в отель и забрался в постель. Холодные капли всю ночь барабанили в стекло; когда я проснулся под утро и выглянул в окно, улица была пустынна и только неистовствовал ливень...

ГЛАВА 24

Невероятная новость пришла по телеграфу.

Национальный институт литературы и искусства с превеликим удовольствием присудил мне специальную премию по литературе и денежную сумму в размере пяти тысяч долларов. Не буду ли я так любезен прибыть в Нью-Йорк 26 мая для получения премии, аплодисментов и чека?

Не буду ли я так любезен?

Господи боже, думал я. Наконец-то! Боже! Годами люди обращались ко мне по прозвищу Бак Роджерс или Флэш Гордон¹. Уверяли, что никто никогда не будет строить ракеты. Заявляли, что мы не полетим ни на Марс, ни на Луну. Ну а теперь, может, кто-то все же назовет меня моим настоящим именем.

Я захватил весть с собой на поздний завтрак в Кортаун. Поздний завтрак, черт, там все завтраки были поздние. К тому времени, когда я туда добрался со сложенной телеграммой в кармане, было уже пол-одиннадцатого. Я зашел и увидел Рики, Джона и Джейка Вickers, поглощавших яйца, бекон и печенье. Джек гостил у Хьюстонов, помогая Джону разобраться с повестью Киплинга «Человек, который мог стать царем» для будущего фильма. Судя по тому, как Джон изу-

---

¹ Бак Роджерс, Флэш Гордон — герои научно-фантастических комиксов, которыми Рэй Бредбери увлекался с детства.

чал мое лицо, пока я раскладывал омлет на своей тарелке в виде рожицы и расписывал все это кетчупом, он, должно быть, унюхал телеграмму в кармане моей рубашки.

— Ты похож на питона, заглотившего пуму с головы до хвоста. Выкладывай, что у тебя, малыш.

— Не-а, — сказал я, довольный собой.

— Ладно, сынок, валяй рассказывай!

Я достал телеграмму из кармана и протянул через стол.

Джон задумчиво прочитал ее и передал Джейку:

— Черт меня побери, у нас под крышей, оказывается, завелся гений.

— Ну, я бы так не сказал.

— Я бы тоже, малыш. Фигура речи. Прочитал, Джейк?

— Конечно. — Джейк в изумлении передал телеграмму Рики. — Ты, оказывается, пишешь беллетристику!

— Для журналов «Грошовый детектив» и «Страшные истории», — сказал я, чтобы притупить их внимание.

— Рики, прочитай вслух, — сказал Джон.

— Ты ведь уже читал это, — засмеялась Рики и обежала вокруг стола, чтобы меня обнять. — Поздравляю!

Она стояла рядом со мной и вслух читала телеграмму. Это было ошибкой. На самом деле Джону не очень-то хотелось, чтобы она это дела-

ла. Он опять занялся разрезанием бекона и намазыванием масла на тосты.

— Так как, сынок, — сказал он, разглядывая свою еду, — ты решил, что будешь делать с этими деньгами?

— Делать?

— Ну да. Делать. Тратить. Решил, как избавиться от этой сумасшедшей суммы, о Жюль-вернов ты сын?

— Не знаю, — сказал я, зардевшись оттого, что удостоился его внимания. — Я получил телеграмму часа три назад. Я поговорю с Мэгги. Мы живем в нашем новом доме уже третий год. В некоторых комнатах все еще нет мебели. А рабочий кабинет у меня в гараже, где вместо машины стоит старый письменный стол за шестьдесят долларов. Может, я куплю побольше книжных шкафов. Может, куплю отцу набор клюшек для гольфа, у него в жизни не было нормальных клюшек...

— Черт меня побери, ну и списочек! — вскричал Хьюстон.

Я взглянул на него, думая, что он меня хвалит. Вместо этого я увидел, что он откинулся на спинку стула, глубоко озабоченный моим будущим.

— Джейк, ты слышал?

— Угу, — сказал Джейк.

Подожди, думал я, продержись...

— Слышал хоть раз в жизни что-нибудь более вздорное? Боже праведный, — восклицал Джон, — ты же выдающийся писатель-фантаст.

И первоклассный автор фантастических историй.

— Я стараюсь, — сказал я.

— Стараюсь! Бог ты мой, — сказал Джон. — Пораскинь мозгами! На тебя откуда ни возмись свалилась денюга, денюги, денюжищи! Ты же не положишь их в банк, чтоб они там гнили!

— Я думал...

— К чертям, не думал ты ни о чем!

Все это время Рики стояла рядом со мной. Я почувствовал, как ее пальцы сдавили мне затылок, требуя от меня силы воли и мужества. Затем, уверенная, что этого никто не видел, она вернулась на свое место во главе стола — поливать бекон кетчупом.

— Похоже, ты собираешься передать свой Гран-при в руки тех, кто умеет жить, то есть Джейку и мне. Ты не возражаешь, Викерс? — спросил Джон.

Джейк закивал и многозначительно мне подмигнул.

— Сынок, мы поразмыслим над этим, — сказал Джон. — Как следует. Ну как, Джейк? Сегодня к вечеру мы найдем, на что употребить... сколько там было?

— Пять тысяч долларов, — вяло сказал я.

— Пять тысяч! Джейк, сколько ты смог бы заработать здесь для незаконнорожденного братца Флэша Гордона?

— Может, тысяч двадцать... — сказал Джейк с набитым ртом.

— Пусть будет пятнадцать, не будем жадничать. — Джон откинулся на спинку стула. — Главное, чтобы деньги не залеживались. От этого они портятся. Сразу после завтрака, малыш, мы трое первым делом подумаем, как разбогатеть по-настоящему на этой неделе, без промедлений и проволочек!

— Я...

— Заткнись и пережевывай пищу, — улыбнулся Джон.

Мы некоторое время ели молча, каждый бросал взгляды на остальных: Джон — на меня, Джейк — на Джона, я — на них обоих, а Рики, улучив момент, решительно кивнула мне, чтобы я стойко держался и боролся в гущу нечестной игры.

Джон следил, как я перелопачиваю свой омлет, превращая его в кашу, и отодвигаю тарелку. Потом совершенно переменял тему:

— Малыш, что ты читаешь?

— Шоу, Шекспира, По, Хоторна. Книгу Песни Песней царя Соломона из Ветхого Завета. Фолкнера, Стейнбека...

— Угу, — сказал Джон, прикуривая сигару. Он отпил кофе. — Понятно.

Наконец он спросил прямо:

— Хевлок Эллис?

— Секс?

— Ну, не только секс, — небрежно бросил Джон. — Есть у тебя еще мнения на этот счет?

— Какое это имеет отношение к моей премии?

— Терпение, сынок. Никакого. Просто мы с Джейком тут кое-что читали. Доклад Кинси, несколько лет назад. Читал?

— Моя жена продавала экземпляры этого доклада в книжном магазине, где мы с ней познакомились.

— Вот те на! Что скажешь про все гомосексуальные моменты? Мне все это представляется весьма интересным, а тебе?

— Ну, — сказал я.

— Что я хочу сказать, — продолжал Джон, жестом требуя еще кофе и дожидаясь, пока Рики разольет его по чашкам, — на свете нет такого мужчины, или мальчишки, или старика, который хотя бы раз в жизни не возжелал другого мужчину. Так, Джейк?

— Общеизвестно, — сказал Джейк.

Рики уставилась на нас и все кривила рот, стреляла глазами, подавая мне знаки: уходи, беги.

— Разве это не естественно для человека, при той любви, что заложена в нас, — сказал Джон Хьюстон, — что мы влюбляемся в футбольного тренера, или легкоатлетическую звезду, или в лучшего спорщика в классе? Девочки влюбляются в своих инструкторш по бадминтону или в учительниц танцев. Правильно, Рики?

Рики отказалась отвечать и готова была вскочить и выбежать из комнаты.

— Иногда душе полезно исповедаться. Я не постесняюсь сказать вам, — говорил Джон, помешивая свой кофе и вглядываясь в глубины чашки, — что в шестнадцать у нас был один бегун в школе... Боже, все умел делать: прыгать в высоту с шестом, бегать на сто ярдов, кросс, что угодно. Прекрасный мальчишка. Как я мог удержаться, чтобы не подумать, что лучше его на свете и быть не может? Джейк, теперь твоя очередь. Разве с тобой не случилось то же самое?

— Не со мной, — сказал Джейк, — но с друзьями — да. Лыжный инструктор повел моего приятеля кататься, и, если бы он сказал ему «поженимся», тот согласился бы. Может, не навсегда, но... наверняка.

— Вот видишь? — кивнул Джон, переводя взгляд с Джейка и Рики на меня. — Все вполне в норме. Теперь твоя очередь, малыш.

— Моя очередь?

— А что такого? — Он выглядел немного удивленным. — Признайся. Если Джейк мужественно поделился с нами лыжным инструктором своего друга...

— Да, в самом деле, — сказал Джейк.

— ...а я великодушно рассказал про всеамериканского бегуна, поглотителя бифштексов, этого сукина сына, то, — он затынулся сигарой, — пора, — отпил кофе, — и тебе...

Я сделал глубокий вдох и выдох:

— Мне не в чем сознаваться.

— Так не пойдет! — сказал Джон.

— Нет же, — сказал я, — я бы рассказал, но ни в пятнадцать, ни в шестнадцать, ни в семнадцать со мной ничего подобного не приключалось. С восемнадцати и после — ничего. В девятнадцать? Двадцать? Ноль. С двадцати одного до двадцати шести — только мои сочинения. Несколько девушек, но больше как приятельницы. Рэй Харрихаузен все свое либидо вкладывал в динозавров, а я свое либидо — в ракеты, Марс, пришельцев и одну-двух несчастных девушек, которые после чтения моих рассказов удрали от скуки через час...

— Ты не хочешь сказать? — спросил Джейк.

— Ровным счетом ничего? — обвинил меня Джон.

— Хотелось бы, чтобы был какой-нибудь тренер по гимнастике, льджный инструктор, — признал я, — хотел бы, чтобы мне повезло, как вам обоим, и меня сразила бы небольшая лихорадка. Но никаких странностей, отклонений, аномалий. Скучновато, правда?

Я посмотрел на Рики. Она сгорала от восхищения, но промолчала.

— Нет, серьезно? — сказал Джон.

— Чего уж там, — сказал Джейк. — Все мы прошли через эти грязные страстишки.

— А я — нет, — моргнул я. — Никаких мальчиков Давидов. Только Афродита и Венера Милосская. Девичьи попки, а не мальчишечьи задницы. Я понимаю, что это делает меня необыч-

ным. Я пытался. Я очень старался. Но не смог влюбиться в Хьюго Динвиди, моего школьного тренера по гигиене в Лос-Анджелесе.

— Не верю! — сказал Хьюстон.

— Я тоже, — сказал Викерс.

— Джон, теперь о тебе, — сказал я. — Я влюблен в тебя. Но это совсем другое, понимаешь?

Он отпрянул:

— Ну конечно понимаю.

— А ты, Джейк, — сказал я, — не запирай сегодня на ночь дверь. Я к тебе постучусь.

Я увидел, как сдувается его монгольфьер.

— Разумеется, — сказал он.

— Ура-а! — Рики вскочила из-за стола, поцеловала меня в щеку и выбежала из комнаты. — Bravo!

«Кровавую Мэри» пили в молчании.

В этой тишине я сказал себе: «Будь начеку». Я положил еще кусок омлета и сел, ожидая, что Джон вновь перейдет в наступление.

— Насчет твоих денег, — промолвил наконец Джон.

— Нет у меня никаких денег.

— Ну, тех, которые ты получишь, малыш, в мае от этих милых людей в Нью-Йорке.

— А, ты об этом, — сказал я, нарезаю полоски из своего тоста и не обращаю внимания на взгляды.

— Ты слушаешь? Джейк, ты не согласен? Мы идем завтра в Феникс-парк, выбираем лучшую лошадь в восьми заездах, и ты ставишь всю сум-

му на одну лошадь. Или пан, или пропал! Ну, как тебе?

— Не-а, — сказал я наконец.

— Что за ответ? Это даже противоречит принятым правилам грамматики.

— «Не-а»? А по мне, так нормально. Не-а.

— Черт бы тебя побрал! — вскричал Джон. — С кем я связался? С трусишкой? С дристуном? С мокрицей?

— Все в точку, — признался я. — Чем и горжусь.

— Моби Дик плюнул бы тебе в рожу.

— Вполне возможно.

— Мелвилла стошнило бы от тебя.

— Не сомневаюсь.

— Хемингуэй не сел бы рядом с тобой в двухместном нужнике из-за несоответствия мужского опыта.

— Это я не стал бы делить с ним свой нужник.

— Ты полюбуйся на него, Джейк.

— Любуюсь.

— Он отказывается!

— Обделался.

— Именно, — сказал я и встал.

К тому времени у меня разболелся живот. Я достал телеграмму из кармана. Это был чистый лист бумаги. Без единого слова. Всего за один этот жуткий час им удалось выжечь, вытравить, стереть и уничтожить слова, новость, радость.

Мне понадобится уединиться в тихой комнате в Дублине с чистым клочком бумаги, поднести к нему зажженные спички, чтобы проступили слова: «Тебе присудили премию. Ты что-то значишь. Ты в порядке» — или что там еще было написано сегодня утром в девять часов. Что бы там ни было, теперь я не мог этого прощсть.

Я хотел бросить бумажку на пол, но увидел, как Джон дожидается, когда ему доставят это удовольствие. Я скомкал телеграмму и запихнул в карман.

— К твоему сведению, — сказал я, — я все обдумал. Взвесил. И на ближайших скачках в Примроуз-парке я поставлю все свои шальные деньги... на... Оскара Уайльда!!!

Потом я взял «Кровавую Мэри» и степенно прошествовал — не заметался во гневе, а именно прошествовал — мимо Джона и Джейка с поднятым стаканом.

Вышел за дверь.

Рики нашла меня на заднем каменном крыльце Кортаун-хауса спустя десять минут. С кончика моего носа капали слезы.

— Черт, какой же ты восхитительный сукин сын.

— Хотел бы я это ощущать, — пробормотал я и протянул ей скомканную телеграмму: — Текст еще не появился?

— Что?

— Слова. Премия. Извещение.

Она посмотрела на листок при тусклом свете:
— Да, — а потом, увидев мое лицо, тихо сказала: — Да!

Слова вернулись, потому что она прочитала их мне.

И я поверил.

Я телеграфировал в Нью-Йорк, что прибуду туда 24 мая получать премию из рук Джона Херси, Роберта Шервуда, Нормана Казинса, Лилиан Хелман и прочих. Больше про телеграмму я не заикался.

Как, впрочем, и Джон с Джейком.

ГЛАВА 25

Во сне я услышал дикий стук в дверь моего номера. Я встал, пошатываясь, и нетвердыми шагами пошел открывать. Широко распахнув дверь, я обнаружил за ней ухмыляющегося Джона собственной персоной, одетого в черный водолазный костюм, с трубкой и маской в руках, с ярко-желтым кислородным баллоном и пневматическим подводным ружьем.

— Давай, малыш! — закричал он. — Я научу тебя нырять с аквалангом!

— В три часа ночи? — заорал я.

— Давай, давай, не трусь! — вопил он.

И я, как последний идиот, поплелся за ним.

Чтобы пойти ко дну.

И проснуться от кошмара, утопая в поту.

ГЛАВА 26

Финн тряс меня за локоть.

— Сынок, — ласково сказал он, — тебе пора уходить.

— Что? — спросил я.

— Все это время ты просидел в философской кабинке. Тебя доконала последняя доза спиртного. Меня заела бы совесть, если б я тебя разбудил. Так что я оставил тебя скрежетать зубами и мучиться во сне.

— Скрежетать? Мучиться?

Я высвободился из тесных объятий отдельной кабинки.

— Как ты себя чувствуешь? — взволнованно поинтересовался Финн.

— Безумно.

— Это потому, что ты проснулся, или потому, что сон неправдоподобный?

— И то и другое.

— Однажды я колошматил жену и проснулся. При том, что я за всю свою жизнь ни одну женщину пальцем не тронул, пробуждение было ужасающим. Иногда не мешает поквитаться...

— А твоя жена кричала в этом сне?

— Она приняла наказание безмолвно, из-за чего все мои усилия пошли прахом. К тому же днем я не мог глаз поднять, потому что она в моем кошмарном сне жаловалась Богу.

— Который час?

— Поздно. Звонил твой босс, интересовался

если не твоей душой, то хотя бы телом. Я сказал, что тебя нет, и это в некотором роде соответствовало истине, особенно после того, как я увидел тебя не столько обезумевшим, сколько опечаленным, когда ты вошел. Это печаль лишила тебя рассудка?

— Да.

— Могу ли я предложить тебе что-то кроме выпивки?

— Что к примеру, Финн?

— Большую ложь, замешенную на малюсенькой правде. Еще одно столкновение с гением: великий старик в автомобиле и я, начинающий питух. Давным-давно.

Финн замолчал.

Я оживился:

— И о чем же пойдет речь?

— Обо всем по порядку..

— Расскажи все как было, Финн.

— Ты и вправду хочешь знать?

Финн смерил меня взглядом и стал шарить в своей памяти.

— Хочу. Мне нужно встряхнуться, Финн, а то голова забита попрошайками и слякотью!

— Время у тебя есть?

— Есть. Есть!

Финн освежил содержимое моего стакана, затем всем корпусом облокотился на стойку бара и уставился взглядом в тот далекий, блистательный, яркий год.

— Ну тогда, — сказал он, — слушай...

Говорят, непостижимы деяния Господни. Он не всегда заметит околешнего воробушка, зато от Него не скроются разлад и несурезица. А это значит, порой Господь может быть склонен занять кремень у Люцифера и кресало — у Вельзевула, дабы осветить кому-нибудь дорогу, которая приведет к крушению.

В тот день, подобно любому ирландскому богу, готовому по воскресеньям лезть на стенку от скуки, Господь выгнул дугой шоссе и все подготовил для прибытия странствующего автомобиля, заплутавшего по дороге из Дублина и страдавшего от гениальности своего пассажира.

Автомобиль, повернувший не в ту сторону по воле Господней, да к тому же с пьяным водителем, прикатил в нашу округу в половине третьего, в то воскресенье, когда обещало светить солнце, а вместо этого хлынул дождь. Буря прервалась ровно настолько, чтобы у рыскающего автомобиля лопнула шина; он осел, словно подстреленный слон на колени.

Грохот раздался такой, что из паба высыпала толпа в поисках жертвы выстрела, но обнаружила пьяного шофера, бродившего вокруг подбитой машины и пинавшего уцелевшие шины, как будто от этого их сдувающаяся товарка могла воскреснуть без насоса.

Затем, как чертик из табакерки, в заднем окне показался какой-то старикан. Его горящие колючие глаза засверкали, он разгладил свою рыжеватую бородку и выпалил:

— Сэр, не запинаяте шину до смерти. Куда это мы попали?

— В центр мироздания! — выкрикнул я, стоя в дверях и вытирая руки о тряпицу со стойки бара.

— В Финнов паб! — раскатисто грянули все и каждый в отдельности.

Лицо старика отпрянуло от окна и через секунду появилось вновь; он выскочил из машины и встал, упершись руками в бока. Какое было удовольствие смотреть на него, одетого в изысканный трикотажный прогулочно-охотничий костюм с курткой! Его глаза светились восхищением.

— Гордость лучше всего помогает распознать человека. Вы, должно быть, и есть Финн! — воскликнул он.

— Здорово сказано, — засмеялся я. — Не изволите ли зайти, ваша честь, чтобы не мокнуть под дождем?

— Нет же дождя!

Пошел дождь.

— Благодарю и принимаю приглашение.

Старик стремительно зашагал походкой человека, у которого с плеч долой упало лет сорок. Стена дождя раздвинулась, позволяя ему пройти.

— Дорогу! — скомандовал я, и все расступились, еще и для того, чтобы вернуться к своей выпивке. — А теперь, сэр, пока не наступил конец света, скажите, как ваше имя?

— Шоу! — выкрикнул старик. — Джордж Бернард Шоу! И...

Долговязый старик с огненной бородой ринулся прокладывать себе путь сквозь толпу, отчего воздух, едва поспевая за ним вдогонку, хлопнул, словно выстрел.

— И... — объявил он с некоторым задором, — я законченный трезвенник!

Все отшатнулись, словно он произнес заклятие.

— И это половинчатое существование вас осчастливило? — откликнулся я.

— Если работа вместо нетрезвости равносильна счастью, то я счастлив, — ответил Шоу. — Но поскольку моему автомобилю не поздоровилось в пути, я с неохотой поддамся соблазну и закажу себе немного выпить. Что-нибудь совсем слабосильное, будьте любезны.

— Вроде тех сыновей, которых каждая семья предназначает для церкви, ваша честь?

Бороде Бернарда Шоу это понравилось, и она просияла.

— Да вы тут все писатели, как я посмотрю.

— Если бедность, стояние в очереди за выпивкой и болтовня делают нас писателями, то мы писатели. — Я протянул ему бренди. — Промочите горло, сэр!

— Нет-нет! — воскликнул он. — Под слабосильным я подразумеваю простой стакан воды.

— Бог ты мой, — вырвалось у меня. — В последний раз нам посчастливилось лицедреть по-

добную простоту, когда сюда прикатила сестра нашего священника из Корка, мистер Шоу!

— Шоу? — спросил вдруг Тималти, прищурившись. — Стойте-стойте! Уж не ваше ли фото я видел в «Айриш таймс»? Это вы запалили костер под святой Жанной?

— Да! Это моя пьеса, — сказал Шоу.

— А еще, — встрял Дун, — не вы ли давали определение ирландца как человека, который перелезет через шесть обнаженных женщин, лишь бы дотянуться до своей матери?

— Это *похоже* на правду, — сказал Шоу.

— Если уж тут суждено случиться такой напасти, как правда, — сказал Мерфи, — то нам лучше никогда не трезветь.

Я смерил глазами тень Шоу:

— Если позволите, сэр, думаю, самое время раз в жизни предложить вам бренди по дружбе.

Издерганный злоключениями этого дня, ощущая неловкость от прикованного к нему внимания, Шоу вздрогнул, оглянулся по сторонам и осушил свой стакан.

Его губы силились произнести какие-то невысказанные слова, он спорил сам с собой и с невидимым оппонентом, потом пожал плечами, открыл глаза и тихо произнес:

— Вот.

Его рука крадучись — под воздействием выпивки — подбиралась к саквоюжу на стойке бара.

— Что это? — спросил я.

— Может, бомба, — сказал Шоу.

Все затаили дыхание.

— А может, украшение для вашего благородного паба. Откройте.

— Хорошо, — согласился я и открыл.

Я достал и расставил по стойке четыре кружки из цветного фарфора.

— Это не бомба, — сообщил я.

— Не торопитесь с выводами, — предостерег Шоу.

На кружках были начертаны слова.

— «ОСТАНОВИСЬ», — прочел я первую надпись.

— «ПОДУМАЙ», — сказал Келли, прочитав вторую.

— «ВЗВЕСЬ», — сказал Тималти.

— «ДЕЙСТВУЙ», — сказал Дун.

— Любопытно, — сказал Шоу. — Сам не понимаю, что на меня нашло. Но я заметил эти кружки сегодня утром на лотке придорожного торговца. Меня поразила сама заурядность этих советов. Я заплатил четыре шиллинга за то, что теперь мне кажется бесполезным.

— Ну, — начал Дун, — у того, кто слепил их из глины, было на то несметное число причин. Вы же видите, они как игрушки, которые можно по-всякому обыгрывать. Если их расставить здесь, по полкам или на стойке, разве они не отворят створки наших полуслепых мозгов, мистер Шоу?

— Я не собирался открывать здесь философский факультет, — возразил Шоу.

— А надо бы, — заметил Дун. — Каждая кружка-игрушка представляет собой название курса, который нужно пройти, и мудрость, которую следует постичь. Мистер Шоу, скажите нам: если бы кружки предназначались для украшения Финнова паба, а он для нас как дом родной, повисился бы от этого коэффициент интеллекта у всех, кто стоит перед вами?

— Если я отвечу «нет», вы подумаете, будто я считаю ваш интеллект не способным к совершенствованию, — сказал Шоу. — Если скажу «да», вы подумаете, что я льщу вам под действием выпивки.

— Да чего уж там, льстите! — позволил Тималти.

— Расставьте кружки, и пусть ваши блестящие умы заблестают еще ярче, — сказал Шоу.

— Готово! — выкрикнул Дун, схватил фарфоровое слово и юлой завертелся по пабу. — Кружку со словом «ОСТАНОВИСЬ» мы поставим у двери. Как предупреждение всем входящим: забудьте обо всем на свете, пока вы находитесь тут. И всем выходящим: ОСТАНОВИСЬ и сбегай за последней кружкой «Гиннеса», назло жене!

— Ставь, Дун! — закричали все.

Я, как владелец паба, схватил оставшиеся две кружки, пока Дун устанавливал кружку с надписью «ВЗВЕСЬ» на отдаленном краю стойки, на всеобщее взвешивание.

Мистер Шоу понаблюдал за поведением Дуна, гарцевавшего по залу, и откашлялся, что послужило сигналом к тишине.

— Да будет мне позволено внести предложение, — сказал он не без лукавства. — Поскольку в вашем уважаемом заведении взоры постоянно и неотрывно прикованы к одному-единственному месту, то и кружку с надписью «ПОДУМАЙ» давайте поставим туда же. Зеркало за вашим плечом. Это озеро, покрытое льдом, под который погрузилась вся Ирландия, в нем рна лицезреет себя вчерашней полночью и в завтрашних сумерках.

— Господи, спаси и помилуй, — вырвалось у меня, — сорок лет взглядов, то мимолетных, то пристальных. Удивительно, как еще лед не облутился в Зазеркалье. Итак, ПОДУМАЙ!

И я подвесил эту странную заповедь в середину зеркала.

— Ну как, — закричал я, — думаете?

— Думаем, — ответила толпа.

— И — ДЕЙСТВУЙ, — добавил я, протягивая кружку Дуноу, — тоже у выхода, чтобы вы снова увидели «ОСТАНОВИСЬ» и задержались на мгновение, перед тем как ДЕЙСТВОВАТЬ и наломать дурацких дров. Что теперь?

— Не сочтите это за совет. — Шоу стоял, словно проглотил аршин, у стойки бара и потягивал обыкновенную воду, которую я ему подал. — Мы просто... ждем.

— Чего?

— Ну, как бы вам объяснить, — сказал Шоу, загадочно озираясь по сторонам.

Как и все остальные. Мы устали сперва на «ОСТАНОВИСЬ», потом на «ВЗВЕСЬ», затем на «ПОДУМАЙ» и, наконец, на «ДЕЙСТВУЙ».

Завсегдатаи потягивали свои напитки, часы тикали, ветер ласково дул сквозь входные двери.

Мне было слышно, как перекатываются их зрачки, как воздух сгибает волоски в ноздрях и пузырьки всплывают со дна стаканов.

Я затаил дыхание.

В моем лабе воцарилась гробовая тишина.

Молчание.

Все выстроились вдоль стойки бара, словно роща спящих красавиц. Как в ночь перед Творением или на следующий день после Страшного суда.

— Угощаю всех! — провозгласил я. — Всем двойную порцию! — не унимался я, но никто не шелохнулся.

— Мистер Финн, — молвил Шоу своим блестящим сценическим шепотом. — Что, — полюбопытствовал он, — здесь, — продолжил он, — происходит?

— Господи, смилуйся над нами, — пробормотал я. — Это первый час и первая минута Безмолвия за двадцать лет в пабе у Финна. Прислушайтесь!

Шоу прислушался, медленно расхаживая между людьми, словно они обветшалые статуи в старинном музее.

— Позовите священника, — прошептал я.

— Не надо! — раздался чей-то голос. — Священник здесь!

Шоу повернулся, чтобы ткнуть бородкой в дальний угол бара, где в отдельном кабинете отец О'Мелли, невидимый до поры, поднял свою седую голову, словно Лазарь, призванный из мертвых.

— Эй, вы! — Священник пригвоздил пожилого драматурга взглядом Иова, обвиняющего Бога. — Посмотрите, что вы натворили! ¹

— Я? — Шоу виновато покраснел, настаивая, однако, на своей невинности. — Я?

— Вы, — воскликнул отец О'Мелли, наточив свое лезвие, чтобы сбрить бороду, — и ваши дьявольские знаки, сбивчивый вздор и воззвания. Это все — люциферовы девизы.

Шоу обернулся, чтобы взглянуть туда, где были установлены «ОСТАНОВИСЬ», «ВЗВЕСЬ», «ПОДУМАЙ» и «ДЕЙСТВУЙ».

Священник медленным похоронным шагом прошествовал к стойке бара между людьми, заживо погребенными в собственном мучительном молчании.

Его рука с пустым стаканом выползла, как змея:

— Финн, налей-ка сюда *elan vital*¹.

— Один *elan vital*, что бы сие ни означало!

¹ Жизненный порыв (*фр.*), понятие философии Анри Бергсона.

Я плеснул жизненной силы в стиснутый стакан все еще крадущегося священника.

— Ну-с, — священник дыхнул на бороду Шоу исповедальной мятой, — итак, мистер Хитрее Панча И Мудрее Екклесиаста. Мистер Ирландец, отправленный в Лондон и протухший по дороге... что вы можете сказать в свое оправдание про эти разжижающие мозг знаки, от которых мы все оторопели, сникли, оглохли и онемели?

— Если это инквизиция, — сказал Шоу, — то можете поджигать.

— Вы — мертвец! — Отец О'Мелли описывал круги вокруг Шоу, как хищник вокруг жертвы. — Что означает первый знак?!

Только замороженные глаза ошеломленных людей у стойки дернулись, чтобы найти знак «ОСТАНОВИСЬ!».

— Он означает, — сказал Шоу, — что мы недостаточно часто останавливаемся в своей жизни, чтобы погрузиться в раздумья, успокоиться — и пусть с нами что-нибудь произойдет само собой.

— Если у тебя на пути женщина, то не надо, — изрек священник.

— И все же, — перебил его Шоу, — жизнь несет нас так стремительно, что наши мысли теряются.

— Велосипед нас погубил, — пробормотал Дун, — и все такое прочее.

— Дун!

Священник вырыл ему могилу. Дун в нее улегся.

— Вы пришли в Ирландию сеять смуту и хаос. Вы притворяетесь разумным, а в итоге — немота! Нет уж, не надо нам советов от Люцифера! — глаголил священник.

— Помедленнее! — воскликнул Шоу. — Я должен это записать! — сказал он, делая пометки в своем блокноте.

Медленно-медленно, словно пробуждаясь от великой спячки, Дун повернул голову, чтобы посмотреть, как скачет, выводит слова и плывет находчивое перо Бернарда Шоу.

— Боже, — прошептал Дун, — не так уж плохо.

— Конечно неплохо, выскочка ты чертов, — выпалил священник, заглядывая в заметки Шоу. — Ладно. Суть вот в чем. Мир не готов к приходу таких, как вы и Гилберт Кит Честертон! Ох уж эти мне богохульные письма! **ОСТАНОВИСЬ! ВЗВЕСЬ! ПОДУМАЙ! ДЕЙСТВУЙ!** Что же они значат, если из-за них здесь все как воды в рот набрали?

Шоу объяснил, подчеркивая слова:

— Должно быть очевидно, что перед тем, как **ПОДУМАТЬ**, надо **ОСТАНОВИТЬСЯ**, чтоб хватило времени **ВЗВЕСИТЬ** то, о чем собираешься **ПОДУМАТЬ**, а уж потом — **ДЕЙСТВУЙ! ДЕЙСТВУЙ!** Без промедления!

— Ясное дело, с женщинами так и надо поступать, и в других случаях тоже, — сказал Дун, смежив веки.

— Дун!!!

Дун откинулся назад.

— Продолжайте, — повелел отец О'Мелли со смертоносной доброжелательностью.

— Я почти закончил. — Шоу полил вышесказанное уксусом. — Поддавшись на минуту слепой интуиции, я накупил вот этой всякой всячины, чтобы показать, как ПТ отличается от ТП творческого потока.

— ПТ? ТП?

— ПТ — это переменный ток, что означает: **ОСТАНОВИСЬ**, чтобы **ВЗВЕСИТЬ**. **ВЗВЕШИВАЙ** то, о чем **ДУМАЕШЬ**. **ПОДУМАЙ**. А потом **ДЕЙСТВУЙ**. Или ТП — ток постоянный: **ДЕЙСТВУЙ**, а *потом* **ДУМАЙ** и **ВЗВЕШИВАЙ** и **ОСТАНОВИСЬ**, чтобы дать себе передышку.

— Повторите, — сказал священник.

— С удовольствием, — сказал Шоу. — Переменный ток дает нам творческое многообразие в искусстве, драме и живописи. Но я больше всего советую **ДЕЙСТВОВАТЬ**. Деяние — отец мысли. **ДЕЙСТВИЕ** приводит разум к открытию.

— Конечно приводит! — испепеляюще посмотрел священник.

— Есть время **ПОДУМАТЬ** после творческого акта, — сказал Шоу.

— К тому времени уже слишком поздно, — сказал Дун. — Для женщины то есть. Простите, отец.

— Не прощаю, Дун. Шоу, я жду, когда вы подведете итог сказанному.

— Я уже подготовил пластинку. Вам остается только поставить ее на проигрыватель!

Шоу поднял свои тонкие пальцы, словно каждый из них был краном, из которого сейчас хлынул его чудачества.

— **ДЕЙСТВУЙ** и **ДЕЙСТВУЙ** снова, чтобы открыть, о чем ты **ДУМАЕШЬ**. Спрячь три девиза и оставь только **ДЕЙСТВУЙ**. Постоянный ток! Или же переменный: обыгрывай все четыре в психологических тестах. Замри, жуй жвачку, бормочи, мямли, а потом нырни поглубже, затем выныривай, резвись, прыгай, носись как угорелый, восстань и твори!

— Шоу! — запричитал отец О'Мелли, упустивший ход мысли.

— Святой отец, что в этом такого? — сказал Шоу. — Сегодня дождливым утром ко мне пришло вдохновение — **ДЕЙСТВОВАТЬ**. Купить эти кружки с тестом Роршаха и вновь **ДЕЙСТВОВАТЬ**, чтоб Финн расставил кружки у всех на виду.

— Но зачем? — заскрежетал зубами священник. — Зачем, зачем?!

— Да затем, что Дублин со всеми его улицами и пабами — это сцена и все его души выброшены в мир в качестве актеров-драматургов. Я — один из них, отправленный в Лондон писать водевильчики и очаровывать овец. Я думал, что в каждой ирландской душе прячется пляшущий медведь и как здорово было бы, если бы у меня в руках оказался обруч! Одно-

го бренди хватило, чтобы заставить меня действовать.

— И, — сказал отец О'Мелли, — полюбуйте-
тесь, что вы наделали.

Шоу, Дун и священник, озираясь, смотрели на мертвецкую, состоящую из изваяний дорогих их сердцу людей, навечно замерзших в вызванной ими самими снежной буре.

— От этого у меня прямо мороз по коже, — поежился Дун. — Прислушайтесь!

— Дьявол хочет смутить нас, — предупредил отец О'Мелли.

— Ангелы тоже смущают, — парировал Шоу. — Полюбуйте на жен, которые по доброте душевной заставляют этих парней прибегать сюда, кусать локти и напиваться, пытаюсь постичь этот непостижимый пол!

— Женщины, — прошептал Дун, — с ними Святая Троица превращается в Четверку!

— Ду-ун! — заорал священник и со скрежетом переключил передачу. — Посмотрите на свои туфли!

Все, медленно пробуждаясь, уставились на них.

— Последний крик лондонской моды, — от-
рекомендовал Шоу.

— Это, — молвил священник, — последнее
раздвоенное копыто из Дантова лазарета!

— Великолепно!

— Не надо мне похвал от драматурга, кото-
рый помог бедной французской деве высвобо-

даться из доспехов и взойти на костер! — возмутился отец О'Мелли.

Шоу склонился над блокнотом и быстро записал.

— А ваша личина, сэр, — продолжал священник. — Разве нет чего-то от Мефистофеля в вашей нафабренной бородке, заостренных усах и прическе на прямой пробор, подобно рожкам!

— Рожки, — записал Шоу. — В бытность молодым критиком, сравнивая «Фауста» и «Мефистофеля», я обнаружил, что роли оперных дьяволов восхитительны. Я издевался над ними нещадно. Продолжайте, святой отец. Что дальше?

— А дальше вот что!

И хлынул поток огненного града, разбудивший всех окончательно.

Глас отца О'Мелли то опускался, то взлетал на пики, покоренные Берлиозом, симфонией гнева, впоследствии прославившейся под названием «Поношение Бернарда Шоу». Добрый отец О'Мелли, верхом на своей ненависти, водрузил знамя церкви и погрузился в молчание.

Вязанки хвороста, собранные для сожжения Орлеанской девы и заодно — Бернарда Шоу, драматурга с люциферовой бородой, дожидались, пока кто-нибудь подбросит угольев и покончит с ними.

— Итак, — сказал Шоу.

Быстрой походкой музыкального критика он подошел к доске для метания дротиков, взял не-

сколько штук, повертел в пальцах, отошел на нужное расстояние, обернулся и, прищулив один глаз, метнул дротик.

— А-а-а-а, — вырвалось у всех присутствовавших.

Чпок! Стрела Фрейи без промаха попала в Бальдура Прекрасного и поразила насмерть.

Все приготовились аплодировать, если бы священник позволил. Но тот не позволил.

Шоу медленно метал остальные дротики.

— Мой отец выпивал, — сказал он. — По ночам, вытаскивая его из пабов, я научился метать дротики. В яблочко! Так-то! Вопите о богохульстве? — перешел он в наступление. — Вздор!

Шоу схватил стакан бренди:

— Пожалуй, я смог бы прочитать лекцию об умеренности и воздержании...

Все подались вперед, сжимая невидимые кулаки.

— Можно было бы сказать, что под воздействием крепких напитков вместе с некрепкими и вкупе с этими кружками их мозги расплавились и утекли к ним в ботинки.

Опять кто-то надвинулся на него со сжатыми кулаками.

— Но, — сказал Шоу, — я не стану этого говорить.

Кулаки были вынуты из карманов и опять разжаты.

Метая дротик за дротиком, Шоу тыкал бородой и стрелял залпами:

— Нет, отец О'Мелли, не фабрика идей, заключенная в эти кружки, затуманила мозги и сперла глотки этим ирландским болотным воинам, покоровшим сердца своих ехидных покинутых жен. Нет, нет. Если бы это было так, тогда всю Ирландию можно было покорить, не вылезая из моего автомобиля, вооружившись кульком таких вот штуковин, насаждая зловерные идеи и мысли, рассеивая по всем ирландским пабам тьму и оцепенение, как перед Судным днем.

— А-ах! — прошептал кто-то. — Повторите еще раз, бога ради.

— Ш-ш, — зашикали все, и Шоу продолжил:

— Нет, мозги здесь не хлипкие, я их не пожинал и не отделял от плевел, чтобы уволочь за собой зерна в преисподнюю. Это вы, сэр, мутите воду в купели, вы в ответе за это бедствие у Финна в пабе.

— Я? — вскричал отец О'Мелли.

— Вы, сэр, вдалбливали из года в год этим людям, что есть вещи, о которых они ДУМАТЬ не смеют..

— О дамском белье, — прошептал Дун.

— Вы наставляли их, чтобы они никогда не ОСТАНАВЛИВАЛИСЬ, никогда не ВЗВЕШИВАЛИ, но пуще всего, чтоб никогда не ДЕЙСТВОВАЛИ, — сказал Шоу. — Вот так они и сидят под перекрестным огнем: засидевшиеся в девках тетки, сбрендившие тещи и неразумные женушки долдонят им, чтобы они ПОДУ-

МАЛИ, каким делом ЗАНЯТЬСЯ у себя дома, вы же твердите, чтоб они не ДУМАЛИ или ЗАНИМАЛИСЬ другим делом. Так вот сегодня и свалилось на них дьявольское смущение, о котором вы говорили, святой отец. Годами только выпивка внушала им чувство ложной свободы и давала молоть языком, спасаясь от высоких застенков церкви или плоских насмешек в кругу семьи. Затем я спустил на них с цепи свои ужасные знаки, поддавшись мимолетному ехидному порыву после выпитого бренди, и прискакал *Пятый* всадник ирландского Апокалипсиса.

— Немота? — спросил я.

— Да, Финн, — сказал Шоу.

— Выходит, вины хватает на всех? — полубопытствовал отец О'Мелли, потягивая эль.

— Дом, церковь, паб, выпивка, знаки, — сказал Шоу. — Этого всего хватило бы, чтобы отравить слона и скопытить целое стадо. Я признаю свою вину, отец О'Мелли, здесь и сейчас, если вы сделаете то же, кивком. Вам не нужно произносить это вслух. И дома вам наверняка не придется выпытывать у женщин признание вины, такой же острой, как их локти, которые они прячут, словно ножи, под своими шалиями. Что же до мистера Финна и его паба...

— Чего уж там! — Я надавил на рычаг. — Виновен.

— Ирландцы... — медленно промолвил Шоу, — вот они выходят из тумана, стоят, за-

блудшие во тьме, и удаляются, поливаемые дождями. Ирландцы...

— Да?.. — прошелестел шепоток по всему пабу.

Шоу замолк, кивнул и продолжил:

— Может, они стоят в Дублине посреди сцены и каждый день разыгрывают новые пьесы? Но кто суфлер и где сценарий? Даже через сорок лет я узнаю ваши лица, словно вы и не умолкали. Я расслышал ваш голос. Что есть на этом острове? Бедняк на бедняке, корабли, отплывающие в Бостон и увозящие молодежь, оставляя стариков разглядывать в зеркалах пабов свои арктические души и отпускать в сторону философские реплики. Ирландцы... Из самой малости они так много способны наскрести: выдавливают последнюю унцию радости из цветка, лишённого лепестков, из беззвездной ночи, из пасмурного дня. Одно семя — и вырастет лес, с ветвей которого можно стряхнуть гигантские плоды разговоров. Ирландцы? Шагните со скалы и... вы провалитесь *вверх!*

Шоу иссяк.

Он сунул худые руки в карманы пиджака и оседлал ошалелую тишину.

— Наполеон, — тихо молвил отец О'Мелли, — и тот, уходя из Москвы, не отступал так по-джентльменски. Кто еще способен так метко уколоть и описать ирландца?

— Думаю, никто, — смиренно сказал Шоу. — Но я уже не ирландец.

— Плевать, что не ирландец, — сказал священник и оглянулся по сторонам, рассматривая фарфоровые знаки.

— Пожалуй, — сказал задумчиво Шоу, — я больше не стану **ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ** или **ВЗВЕШИВАТЬ**. Отныне мне надо только **ДЕЙСТВОВАТЬ**, то есть удалиться.

— И как вы собираетесь **ДЕЙСТВОВАТЬ** оставшиеся десять миль пути? Глумиться над логикой? Губить души? — поинтересовался отец О'Мелли.

Шоу кивнул на знаки. Мы быстро подошли, чтобы сложить их по одному в саквояж — «**ОСТАНОВИСЬ**», «**ВЗВЕСЬ**» и «**ДЕЙСТВУЙ**». Но Шоу оставил одну кружку — «**ПОДУМАЙ**».

Он расколол ее о дерево, как крутое яйцо, потом быстро сложил осколки от «**ПОДУМАЙ**» в ладони священника и загнул его пальцы, чтобы отныне разбитая библейская скрижаль не тревожила ни Египет, ни Финнов паб.

— Тому, кто вывел нас из тьмы, преподношу эти греховные обломки, — сказал Шоу. — Обнажаю шею, дабы принять топор завоевателя. Да будет он милостив.

От таких слов священник растерялся, оказавшись под этим ливнем без зонта.

— Ну же, отец О'Мелли, — сказал Дун. — Будьте же милостивы!

— А-а, какого черта! — сказал наконец священник, побледнев, но с охотой. — Шоу, вы не ведали, что творили.

Шоу уронил саквояж.

Послышался приятный слуху взрыв, приглушенный стенками саквояжа, похожий на грохот разбитой в темноте люстры.

— Целая философская школа — вдребезги, — заметил я.

— Угощаю всех! — сказал отец О'Мелли.

— Святой отец, вы еще ни разу такого не делали! — воскликнул я.

— Помалкивай и жми на рычаги.

Я налил последний стакан бренди для драматурга.

— Нет, не надо. — Шоу замотал головой, отчего борода у него воспламенилась. — Час назад от первого стакана у меня выросли копыта и началась свистопляска. Пора!

Все забеспокоились.

— Нет-нет, еще рано закрываться, — обернулся Шоу. — Это мне пора. Уходить.

— Так точно! — крикнул водитель Бернарда Шоу, стоя в дверях с перепачканными руками и осунувшийся. — Починили чудовище!

Шоу был на полпути к выходу, его практичные туфли высекали невидимые искры, когда его окликнул отец О'Мелли:

— Постойте!

Шоу задержался.

— Вы неплохой человек, — сказал, запинаясь, священник. — А я очень вспыльчив. Ваши туфли не похожи на копыта. Просто так вырвалось. Вы записали наши слова?

— Вы себя обессмертили. — Шоу продемонстрировал целый лист, исписанный стенографическими значками. — До свидания, до свидания.

Затем чертик из табакерки выскочил за дверь и направился к автомобилю. Я пошел за ним следом и услышал, как шофер спросил:

— Куда?

— К дьяволу, — сказал Шоу, не растерявшись. — То, что нам нужно. Да, к дьяволу, пожалуйста.

Шофер протянул ему на заднее сиденье карту:

— Будьте любезны, найдите и дайте указания.

— Конечно! — рассмеялся Шоу. — До свидания, мистер Финн, пока!

И они уехали.

Гебер Финн закончил свой рассказ и умолк. Мужчины, выстроившиеся вдоль стойки бара и исполнявшие роль слушателей, погрузились в такое же молчание.

Затем кто-то поднял одну мозолистую ладонь и захлопал ею по другой натруженной ладони. Потом еще один энтузиаст захлопал в ладоши, а за ним последовали прочие неверующие, которые уверовали если не во что-то другое, то хотя бы в Финна, пока во всем пабе не посыпалась пыль с люстр и не перекошились картины.

Финн налил мне, и я спросил:

— Это все было на самом деле?

Финн оцепенел, словно прикоснулся мокрыми пальцами к замерзшей трубе и не может оторвать.

— Ну, я хочу сказать, — промямлил я, — с фактами все в порядке, но не были ли они перетасованы?

— Перетасованы? — изумился Финн. — Этому учат в Берлине?

Я наполнил свой стакан:

— За Финнов паб и его обитателей! И за того адвоката дьявола...

— Шоу!

— ...который зашел далеко, — закончил я, — чтобы прийти к истине.

— Боже, — сказал Финн, — ты заговорил со всем как мы!

— Угощаю всех! — сказал я.

ГЛАВА 27

После того как «Пекод» попал в затяжной утренний штиль, мы решили пообедать.

Мы сидели в одном дублинском ресторане, и с нами двое репортеров из Лондона.

Только что подали первое, и не успел я взяться за ложку, как Джон, оценив глубину своей тарелки, сделал следующее замечание:

— Знаете, как мне ни печально признавать, но я отнюдь не считаю, что наш молодой сце-

нарист вкладывает всю свою душу в сценарий «Моби Дика».

Я остолбенел.

Двое репортеров посмотрели на Джона, а потом на меня и стали ждать. Джон продолжал говорить, не отрывая взгляда от супа:

— Нет, я в самом деле не думаю, что наш друг всем сердцем и душой переживает за этот важный проект.

Ложка выпала у меня из пальцев и осталась лежать на скатерти. Я не мог поднять глаза. Сердце заколотилось, и я почувствовал, что в любое мгновение готов сорваться с места и бежать из-за стола. Вместо этого я сидел, уставившись в тарелку, а потом суп убрали и принесли мясо, унесли мясо и налили вина, которого я не пригубил, и все это время Джон болтал с репортерами, ни разу не взглянув на меня.

После обеда я вышел из ресторана как слепой и проводил Джона в мой гостиничный номер в «Ройял хайберниен». Когда мы вошли, я остановился, пошатываясь, и взглянул на Джона, опасаясь, что грохнусь в обморок.

Джон долго вопросительно смотрел на меня и наконец сказал:

— Что-то не так, малыш?

— Не так, Джон? Конечно не так! — разбушевался я. — Ты сам-то понял, что ты нес сегодня за обедом?

— А что, малыш?

— Черт бы тебя побрал, — сказал я. — Ни с кем на свете мне не хотелось работать больше, чем с тобой. Из всех романов на свете больше всего мне хотелось сделать переложение «Моби Дика». Я всем сердцем, душой и потрохами вкалываю день-деньской, в поте лица своего и со всей любовью, а теперь ты за обедом... Ты вообще когда-нибудь слушаешь себя?!

Джон вытаращил глаза и разинул рот:

— Ну что ты, сынок, это была шутка. Не больше. Шутка, конечно. Всего лишь шутка!

— Шутка! — заорал я, зажмурившись, и слезы брызнули у меня из глаз.

Джон решительно шагнул вперед, взял меня за плечи и слегка встряхнул, потом склонил мою голову себе на плечо и дал мне выплакаться.

— Боже мой, — повторял он. — Это был просто розыгрыш. Неужели ты не понял? Розыгрыш.

Мне потребовалась целая минута, чтобы перестать плакать. Мы поговорили немного, и Джон ушел, велел мне приехать с заключительными отрывками в Килкок сегодня вечером к ужину, поболтать и посидеть за поздним виски.

Когда он ушел, я долго сидел за машинкой, раскачиваясь из стороны в сторону, не в силах смотреть на бумагу. А затем вместо того, чтобы напечатать «Моби Дик», страница 79, сцена 30, эпизод 2», я накатал нечто совсем иное.

Очень медленно, в раздумье, я выстукивал слова:

БАНШИ

Рассказ

Следующие два часа я строчил без остановки.

Это была одна из тех ночей, когда, возвращаясь из Дублина, едешь по Ирландии мимо сонных городков, и тебе попадается мгла и встречается туман, уносимый дождем, чтобы превратиться в текучую тишину. Вся местность замерла и продрогла в ожидании. То была ночь, когда случаются диковинные встречи на пустынных перекрестках, затянутых тугими волокнами призрачной паутины, а за сто миль — ни единого паука. Вдалеке на лугу скрипели ворота, в окна дробно стучался ломкий лунный свет.

Как здесь говорят, для банши лучшей погоды не придумаешь. Я чуял, я знал это. Мое такси проехало через последние ворота, и я прибыл в Коргаун-хаус, расположенный так далеко от Дублина, что если бы этот город вымер в ночи, то здесь никто б и не узнал.

Я расплатился с водителем и проследил, как такси разворачивается, чтобы вернуться в живой город, оставляя меня наедине с двадцатью страницами сценария в кармане и с моим работодателем, дожидаящимся меня в доме. Я стоял в полночной тишине, вдыхая Ирландию и выдыхая мокрые угольные шахты моей души.

Затем я постучался.

Дверь распахнулась настежь почти мгновенно. За ней стоял Джон, протягивая мне шерри и втаскивая меня внутрь:

— Хорошо, малыш. Сбрасывай пальто. Давай сценарий. Почти готов, да? Это ты так говоришь. Ты меня заинтриговал. В доме никого. Семейство в Париже. Мы вдоволь начитаемся, разделаем в пух и прах твои сцены, раздавим бутылочку, можешь оставаться спать до двух и... Что это было?

Дверь все еще оставалась открытой. Джон шагнул, наклонил голову, закрыл глаза, прислушался.

По лугам шелестел ветер. В облаках слышался такой звук, словно кто-то заправляет покрывало на большущей кровати.

Я прислушался.

Откуда-то из черных полей раздался еле слышный стон и всхлип.

Все еще с закрытыми глазами Джон прошептал:

— Ты знаешь, что это, малыш?

— Что?

— Потом скажу. Заходи.

Когда дверь захлопнулась, он — величавый владелец опустевшего имения — повернулся и зашагал впереди в своей охотничьей куртке, тренировочных рейтузах, начищенных полусапожках; его волосы, как всегда, были растрепаны ветром во время плавания вверх-вниз по течению с незнакомками в неожиданных постелях.

Устроившись у библиотечного камина, он одарил меня своей ослепительной улыбкой, вспыхнувшей как сполох маяка и исчезнувшей, пока он угощал меня вторым шерри в обмен на сценарий, который ему пришлось вырывать у меня из рук.

— Ну, посмотрим, чем разродился мой гений, мой левый желудочек, моя правая рука. Сиди. Пей. Смотри.

Он стоял на каменных плитах близ очага и грел спину, листая рукопись, зная, что я пью свой шерри слишком быстро, жмурясь каждый раз, когда оброненная им страница, кувыряясь, летела на ковер. Закончив читать, он отправил в полет последний лист, прикурил сигару и выпустил дымок. Уставился в потолок, заставляя меня ждать.

— Сукин ты сын, — сказал он наконец, выдыхая. — Хорошо написано. Черт бы тебя побрал, малыш. Здорово!

Мой скелет так и обрушился внутри. Я не ожидал такой сокрушительной похвалы под дых.

— Конечно, кое-что нужно подсократить!

Мой скелет встал на место.

— Конечно, — сказал я.

Он наклонился, чтобы собрать страницы, как большой прыгучий шимпанзе, и обернулся. Я почувствовал, что ему хочется швырнуть их в огонь. Он смотрел на пламя, сжав листы.

— Когда-нибудь, малыш, — сказал он тихо, — ты должен научить меня писать.

Теперь я успокоился, принимая неизбежное, исполненный истинного восхищения.

— Однажды, — сказал я, смеясь, — ты должен научить меня режиссуре.

— Сынок, нашим фильмом станет Чудовище. Вот это компания.

Я встал и подошел чокнуться с ним стаканами.

— Мы еще та компания! — Он сменил тон. — Как жена, дети?

— Приехали и ждут меня на Сицилии, где тепло.

— Мы отправим тебя к ним, на встречу с солнцем, без промедления! Я...

Джон картинно замер, вытянув голову, и прислушался.

— Э, да что тут творится... — прошептал он.

Я обернулся и стал ждать.

На этот раз за стенами большого дома раздался тончайший чистейший протяжный звук, словно кто-то провел ногтем по краске или кто-то скользит по сухому стволу дерева. Затем послышался чей-то слабый стон и нечто похожее на рыдание.

Джон подался вперед, замерев в нарочитой позе, как статуя в театральной пантомиме, разинув рот, словно впуская эти звуки во внутреннее ухо. Его глаза расширились до размеров куриного яйца с выражением деланой тревоги.

— Сказать, что это за звук, малыш? Банши!

— Что? — вскричал я.

— Банши!—сказал он. — Духи старух, которые появляются на дорогах за час до чьей-то смерти. Вот что это за звуки! — Он поднял жалюзи и посмотрел в окно. — Ш-ш! Может, они... по наши души!

— Да брось ты, Джон! — тихо усмехнулся я.

— Нет, малыш, нет. — Он вперился в темноту, смакуя свою мелодраму. — Я живу здесь два года. Смерть повсюду. Банши всегда знает! Так на чем же мы остановились?

Вот так запросто разрушив чары, Джон вернулся к очагу и уставился на сценарий, словно на новую головоломку.

— Ты когда-нибудь задумывался, малыш, насколько Чудовище похоже на меня? Герой бороздит моря, распахивает женщин налево и направо, мчится без передышки вокруг света? Может, именно поэтому я взялся за это дело. Ты когда-нибудь спрашивал себя, сколько у меня было женщин? Сотни! Я...

Он умолк, погрузившись в строки моего текста. Его щеки зарделись, и он сказал:

— Блестяще!

Я ждал в неопределенности.

— Нет, не это! — Он отшвырнул рукопись и схватил номер лондонской «Таймс» с каминной полки. — Вот это! Замечательный обзор твоего нового сборника рассказов!

— Что? — вскочил я.

— Спокойно, малыш. Я прочту тебе отличную рецензию! Ты будешь в восторге. Потрясающе!

Сердце мое дало течь и пошло ко дну. Я чуял, что готовится еще один подвох или, что хуже, правда, замаскированная под розыгрыш.

— Слушай!

Джон взял «Таймс» и стал читать, словно Ахав священную книгу.

— «Эти рассказы, вполне возможно, станут огромным достижением американской литературы»... — Джон прервался и бросил на меня невинный взгляд. — Как тебе это нравится, малыш?

— Продолжай, Джон, — сказал я замогильным голосом.

И залпом осушил свой стакан. Обреченный, я почувал, как крушится моя воля.

— «Но здесь, в Лондоне, — пропел Джон, — мы гораздо требовательнее к нашим сказочникам. Сияясь перенять идеи Киплинга, стиль Моэма и остроумие Ивлина Во, он захлебывается где-то посредине Атлантики. Это никчемная писанина, в основном — жалкое подобие великолепных писателей. Шли бы вы домой, молодой человек!»

Я вскочил и побежал, но Джон мгновенно отправил «Таймс» в огонь, в котором газета затрепыхалась, как умирающая птица, и быстро стигнула в пламени и реве искр.

Выведенный из равновесия, я готов был в отчаянии выхватить проклятую газету из камина, но в конце концов испытал облегчение, когда она испепелилась.

Довольный, Джон изучал мое лицо. Оно по-лыхало, зубы скрежетали. Рука стукнула о каминную полку холодным каменным кулаком.

Слезы брызнули из глаз, потому что мои страдающие губы были не в состоянии разразиться словами.

— Что с тобой, малыш? — Джон уставился на меня с неподдельным любопытством, как обезьяна, придвигающаяся к больной товарке по клетке. — Тебе плохо?

— Джон, ради всего святого! — взорвался я. — Зачем ты это сделал!

Я топнул по огню, развалив поленья и вызвав бурю искр в трубе.

— Послушай, малыш, я не думал...

— Плевать мне, что ты думал! — выпалил я, оборачиваясь, чтобы взглянуть на него заплаканными глазами. — Лучше скажи, что с тобой?

— Да ничего, малыш. Это был хороший обзор, замечательный! Я только прибавил пару строк от себя, чтобы тебя подразнить.

— Этого я уже не узнаю! — закричал я. — Посмотри!

Я нанес окончательный разметающий удар по пеплу.

— Можешь купить себе этот номер завтра утром в Дублине, малыш. Увидишь, они тебя обожают. Просто я не хотел, чтобы ты зазнавался. Розыгрыш окончен. Разве мало, сынок, что ты только что написал самые лучшие сцены,

когда-либо написанные тобой за всю жизнь, для твоего действительно замечательного сценария?

Джон положил руку мне на плечо.

В этом весь Джон: сначала врежет под ребра, потом выльет на тебя ушат дикого душистого меду.

— Знаешь, в чем твоя проблема, сынок? — Он вложил в мои трясущиеся пальцы еще один стакан шерри. — А?

— В чем? — разинул я рот, как плаксивый ребенок, готовый опять смеяться. — В чем?

— Дело в том, малыш... — Лицо Джона засияло. Как гипнотизер Свенгали, он впился своими глазами в мои. — Ты не любишь меня вот ни столечко, ни полстолечко!

— Брось, Джон...

— Нет, малыш, я вполне серьезно. Боже, сынок, да я готов ради тебя на убийство. Ты величайший из ныне живущих писателей, и я люблю тебя сердцем и душой. Поэтому я подумал: ничего страшного, если я немного тебя разыграю. Сознаю свою ошибку...

— Нет, Джон, — запротестовал я, возненавидев себя, потому что теперь Джон заставлял извиняться меня. — Ничего страшного.

— Мне жаль, малыш, очень жаль...

— Заткнись! — хохотнул я. — Я все еще люблю тебя. Я...

— Вот это другое дело! Теперь... — Джон оглянулся по сторонам и перетасовал страницы сце-

нария, словно шулер. — Давай посвятим часок сокращению твоего блестящего, восхитительного сценария и...

В третий раз за ночь тональность и оттенок его настроения изменились.

— Тсс! — цыкнул он. Глаза скосились, его кольгнуло посреди комнаты, как мертвеца под водой. — Ты слышишь, малыш?

Дом вздрагивал от ветра. Длинный ноготь скрипел по окну мансарды. Со скорбным шепотом облако обмывало луну.

— Это они, банши. — Джон кивнул, потупив взгляд в ожидании. И резко поднял глаза. — Малыш, выйди посмотри, а?

— Еще чего.

— Нет, выйди, — настаивал Джон. — Это ночь заблуждений, малыш. Ты сомневаешься во мне, сомневаешься в этом. Возьми мое пальто в коридоре. Ну же, быстрее!

Он широко распахнул дверцу стенного шкафа в коридоре, сорвал свое замечательное твидовое пальто, источавшее аромат табака и отменного виски. Зажав в обезьяньих лапах, он держал его, как тореадор мулету.

— Ха, торо! Ха!

— Джон, — вздохнул я устало.

— Струсил, малыш, в штаны наложил? Ты...

Тут в четвертый раз из-за стылой входной двери мы оба услышали стенания, плач, угасающий ропот.

— Оно ждет, малыш! — торжествующе сказал Джон. — Выходи. Сыграй за команду!

Я стоял в пальто, вдыхая табачные и алкогольные запахи, пока Джон с королевским достоинством застегивал пуговицы. Затем он взял меня за уши и поцеловал в лоб.

— Я буду на трибуне, малыш, подбадривать тебя. Я бы пошел с тобой, но банши — народец застенчивый. Благословляю, и если не вернешься... знай, я любил тебя как сына!

И вдруг Джон бросился между мною и хлестким ледяным лунным светом:

— Не ходи туда, малыш. Я передумал! Если ты погибнешь...

— Джон. — Я оттолкнул его руки. — Ты же хочешь, чтоб я туда пошел. Ты, наверное, подговорил свою девицу из конюшни, чтобы она издавала всякие звуки тебе на потеху...

— Нет! — закричал он с деланым пафосом оскорбленного, как это он умеет, закатив глаза и схватив меня за плечи. — Клянусь!

— Джон, — сказал я, наполовину разозленный, наполовину заинтригованный, — до встречи.

Я выскочил за дверь и тотчас об этом пожалел. Джон захлопнул ее и запер на замок. Уж не смеется ли он? Спустя секунду я увидел силуэт Джона в окне библиотеки, со стаканом шерри. Он вглядывался в ночное театральное представление, режиссером и веселым зрителем которого был в одном лице.

Я молча ругнулся, втянул плечи в цезареву мантию и, невзирая на два десятка кинжальных ударов, нанесенных мне ветром, потопал по посыпанной гравием дорожке.

На все уйдет десять быстротечных минут, думал я. Заставлю Джона поволноваться, выверну его шутку наизнанку, вернусь, пошатываясь, в разодранной окровавленной рубашке и насочиняю всяких небылиц. Да, черт возьми, вот это будет розыгрыш...

Я остановился.

Потому что в рощице чуть пониже, мне показалось, я увидел, как нечто напоминающее большого бумажного змея всколыхнулось и унеслось прочь сквозь ограду.

Облака проплывали под почти полной луной и нагоняли на меня островки тьмы.

Затем все повторилось, словно целый куст цветов внезапно сорвался и метелью улетел вдоль бесцветной тропинки. В тот же миг раздалось чистейшее рыдание, пронзительный стон, напоминающий скрип двери.

Я вздрогнул, отпрянул и взглянул на дом.

И увидел, конечно же, Джона, потягивающего шерри в тепле и покое, с физиономией, оскаленной, как тыква в День Всех Святых.

— О-о... — простонал где-то чей-то голос. — Боже...

Только тогда я заметил женщину.

Она стояла, припав к дереву, одетая в длинное платье, залитое лунным светом; поверх него

была накинута достававшая до колен тяжелая шерстяная шаль, которая словно жила своей жизнью, развевалась, колыхалась и морщилась от непогоды.

Наверное, женщина не видела меня, а если и видела, то не обращала внимания. Я не мог напугать ее. Ничто на свете не способно было напугать ее снова. Ее сверлящий неотвратимый взгляд был прикован к дому, к окну библиотеки, к силуэту человека в окне.

Ее лицо было словно вылеплено из снега, высечено из белого прохладного мрамора, из которого сложены самые изысканные ирландки. Длинная лебединая шея, пышные, хоть и поддрагивающие губы и зеленые глаза, исполненные мягкого свечения. Так прекрасны были эти глаза и ее профиль на фоне раскачивающихся ветвей дерева, что во мне что-то встрепенулось, сжалось и умерло. Я ощутил ту убийственную боль, которую испытывают мужчины, когда красота проходит мимо, чтобы исчезнуть навсегда. Хочется закричать: «Постой! Я люблю тебя!» Но она молчит. И лето, воплощенное в ней, безвозвратно уходит.

Но теперь красавица, пристально смотревшая в окно того далекого дома, заговорила.

— Он там? — спросила она.

— Что? — услышал я свой голос.

— Это он? — поинтересовалась она. — Чудовище, — сказала она в тихой ярости. — Зверь собственной персоной.

— Я не...

— Животное о двух ногах, — продолжала она. — Он остается, а другие уходят. Все уходят. Он потирает руки о плоть. Девушки служат ему салфетками. Женщины — полночным ужином. Он их держит штабелями в винных погребах, знает, какая какого года, но не знает имен. Боже праведный, это он?

Я посмотрел туда же, куда она, — на тень в окне далеко за крокетной лужайкой.

И представил своего режиссера в Париже, Риме, Нью-Йорке и Голливуде; представил волны, потоки женщин, по которым ходил Джон, отпечатывая следы своих ног на их коже, — темный Христос, шагающий по теплому морю. Пиршество из женщин, отплясывающих на столах, жаждущих похвалы, и Джон, уходя, говорит: «Дай мне взаймы пятерку. Этот нищий у дверей разрывает мое сердце».

Я посмотрел на молодую женщину, черные волосы которой трепал ночной ветер, и спросил:

— Кто бы это должен быть?

— Он, — ответила она. — Тот, кто здесь живет, кто любил меня, а теперь не любит.

Она закрыла глаза, чтобы сморгнуть слезы.

— Он здесь больше не живет, — сказал я.

— Нет, живет! — вскинулась она на меня, словно собиралась ударить или плюнуть. — Почему ты мне лжешь?

— Послушай. — Я смотрел на свежий, но какой-то состарившийся снег ее лица. — Это было в другое время.

— Нет. Есть только сейчас! — Она словно собиралась броситься к дому. — И я все еще люблю его, так сильно, что готова убить за это и погубить себя в конце концов!

— Как его имя? — Я преградил ей дорогу. — Имя?

— Джо конечно. Джой. Джозеф!

Она шагнула вперед. Я поднял руки и покачал головой:

— Теперь здесь живет Джонни. Джон.

— Врешь! Я чувую, что он здесь. Имя изменилось, но это он. Смотри! Ощути!

Она выставила руки, прикоснувшись к ветру, дувшему к дому. И я повернулся и ощутил ветер вместе с ней, и настал другой год, время в промежутке. Так сказал ветер и подтвердили ночь и свет в большом окне, где стояла тень.

— Это он!

— Мой друг, — сказал я мягко.

— Никому не друг, никогда!

Я попытался всмотреться в ее глаза, думая:

«Боже, неужели так было всегда, вечно один и тот же человек в доме, сорок, восемьдесят, сто лет назад! Не тот же самый, но все они — темные близнецы, и эта заблудшая девушка на дороге с руками из снега вместо любви, с морозом в сердце вместо покоя, и ничего не поделаешь, только ее шепот и причитания, скорбь, стоны и плач, стихающие на рассвете, чтобы начаться вновь с восходом луны».

— Там мой друг, — сказал я снова.

— Если это правда, — злобно прошипела она, — тогда ты мой враг!

Я посмотрел на дорогу, где ветер гнал пыль через кладбищенские ворота.

— Уходи откуда пришла, — сказал я.

Она взглянула на ту же дорогу и пыль, и ее голос поник.

— Значит, не будет мне покоя? — опечалилась она. — Что же, я так и буду бродить из года в год и не будет возмездия?

— Если тот человек действительно твой Джо, твой Джозеф, — сказал я, — что бы ты хотела, чтоб я сделал?

— Пришли его ко мне, — произнесла она спокойно.

— Что ты с ним сделаешь?

— Возлягу с ним, — пробормотала она, — и никогда больше не встану. Удержу его, как камень в холодной реке.

— А-а, — сказал я и кивнул.

— Ну так ты скажешь ему, чтобы он пришел?

— Нет. Ибо он не твой. Очень похож. Почти один к одному. И закусывает девушками, и рот вытирает их шелками. В один век его зовут так, в другой — этак.

— И никогда никого не любил?

— Он бросается этим словом, как рыбак, забрасывающий сети в море, — сказал я.

— Ах, а я в них попадаюсь! — И тут она так застонала, что тень в большом доме на лужайке подошла к окну. — Я останусь тут до конца

ночи, — сказала она. — Конечно же, он почувствует, что я здесь, его сердце растает, и не важно, как его зовут или насколько прогоркла его душа. Какой сейчас год? Сколько я уже прождала?

— Не скажу, — ответил я. — От этого у тебя разобьется сердце.

Она повернулась и посмотрела уже на меня.

— Так ты один из порядочных, благородных людей, которые никогда не лгут, не причиняют боли, не прячутся? Боже, почему я не встретила тебя первым!

Поднялся ветер, его вой усилился в её горле. Где-то далеко в спящем городе ударили часы.

— Мне пора идти, — сказал я и сделал вдох. — Могу ли я подарить тебе покой?

— Нет, — сказала она, — ведь не ты же меня погубил.

— Понимаю, — сказал я.

— Ничего ты не понимаешь. Но пытаешься. Очень благодарна тебе за это. Иди домой. А то умрешь.

— А ты?

— Ха-а! — хохотнула она. — Я уже давно померла. Второй раз не умирают. Иди!

Я с радостью пошел. Я уже досыта отведал и промозглой ночи, и белой луны, пресытился древностью и этой женщиной. Ветер подгонял меня в спину вверх по поросшему травой холму. У двери я обернулся. Она была еще там, на Млечном Пути, ее шаль раскинула крылья на ветру, одна рука была поднята.

— Поторопись, — прошептала она, а может, мне померещилось. — Скажи ему, что он тут нужен!

Я забарабанил в дверь, ввалился в дом и растянулся на полу в коридоре, сердце колотилось, отражение в большом коридорном зеркале походило на удар бесцветной молнии.

Джон в библиотеке потягивал очередной шерри. Он налил и мне.

— Когда-нибудь, — сказал он, — ты научишься не принимать безоговорочно на веру все, что я болтаю. Боже, посмотри на себя! Ледышка. Выпей. А это вдогонку!

Я выпил. Джон налил. Я выпил.

— Так это была шутка?

— А что же еще? — рассмеялся Джон, потом замолчал.

Снаружи опять раздалось протяжное стелание. словно луна поскреблась о крышу когтем скорби.

— А вот и твоя банши, — сказал я, разглядывая свой стакан, не в силах пошевелиться.

— Да, да, конечно, малыш, угу, — сказал Джон. — Пей, малыш, а я прочитаю тебе еще раз замечательный обзор твоей книги в лондонской «Таймс».

— Ты сжег ее, Джон.

— Конечно, малыш, но я помню ее как сегодня утром. Пей.

— Джон, — сказал я, глядя на огонь, на камин, где пепел сожженной бумаги сдувало горя-

чее дыхание. — Этот обзор действительно существует... существовал?

— Боже мой, ну конечно. Вообще-то... — Тут он замолчал и притворился, будто что-то соображает. — В «Таймс» знали, как я тебя люблю, малыш, и попросили написать обзор твоей книги. — Джон протянул длинную руку, чтобы налить себе еще. — Я написал. Под вымышленным именем, разумеется. Ну разве это не мило с моей стороны? Но я должен был быть объективным, малыш. Вот и написал, что действительно считаю удачей, а что не считаю. Я критиковал точно так же, как если бы ты принес мне паршиво написанный эпизод сценария, а я велел его тебе переписать. Ну как, разве мой поступок не был сногшибательно неподражаем?

Он придвинулся ко мне. Взял меня за подбородок, приподнял его и долгим слащавым взглядом посмотрел мне в глаза:

— Ты не огорчен?

— Нет, — сказал я, но голос у меня дрогнул.

— Ну и хорошо, раз не огорчен. Извини. Шутка, малыш. Всего лишь шутка.

И он по-дружески ткнул меня в плечо. Каким бы легким ни был этот тычок, мне показалось, что это кузнечный молот.

— Надеюсь, ты не придумал эту шутку и статья действительно существует, — сказал я.

— Я тоже надеюсь, малыш. Ты плохо выглядишь. Я...

Ветер носился вокруг дома. Окна прогибались и потрескивали.

И вдруг я сказал без всякой причины:

— А банши-то там.

— Это был розыгрыш, малыш. Тебе следует быть со мной начеку.

— Нет, — сказал я, выглядывая из окна. — Банши там.

Джон засмеялся:

— Ты видел ее, да?

— Молодая красивая женщина в шали холодной ночью. Молодая женщина с черными волосами, большими зелеными глазами, бело-снежной кожей и гордым финикийским носом. Никого тебе не напоминает из твоих знакомых, Джон?

— Их тысячи, — засмеялся Джон уже потише, взвешивая свою шутку. — Черт..

— Она ждет тебя, — сказал я. — В начале дорожки.

Джон неуверенно посмотрел на окно.

— Эти-то звуки мы и слышим, — сказал я. — Она описала тебя или кого-то похожего на тебя. Назвала тебя Джоем, Джо, Джозефом. Но я-то знаю, что это ты.

Джон задумался:

— Молодая, говоришь. Красивая. И сейчас стоит прямо там?

— Самая красивая, какую мне только приходилось видеть.

— Без ножа?

— Безоружна.

Джон вздохнул:

— Ну, думаю, мне надо пойти и поболтать с ней, как ты думаешь?

— Она ждет.

Он двинулся к двери.

— Надень пальто. Холодно, — сказал я.

Он натягивал пальто, когда я услышал доносившийся снаружи звук, очень отчетливый на этот раз. Рыдания, стоны, потом снова рыдания.

— Боже, — сказал Джон, держа пальцы на ручке двери, не желая показывать, что побаивается. — Она действительно там.

Он заставил себя повернуть ручку и открыть дверь. Со вздохом ворвался ветер и принес еще один слабый стон.

Джон стоял на холодном ветру, вглядываясь в длинную тропинку в темноте.

— Постой! — закричал я в последний момент.

Он остановился.

— Одного я тебе не поведал, — сказал я. — Она там. И ходит, но... она мертва.

— Я не боюсь, — сказал Джон.

— Да, не боишься, — сказал я. — Но я боюсь. Ты больше не вернешься. Хоть я тебя и возненавидел, я не могу тебя отпустить. Закрой дверь, Джон.

Опять стон, опять рыдания.

— Закрой дверь.

Я попытался спихнуть его пальцы с дверной

ручки, но он крепко вцепился в нее, вскинул голову, посмотрел на меня и вздохнул:

— Ты действительно отличный парень. Почти как я. Беру тебя в свой следующий фильм. Ты станешь звездой.

Затем он повернулся, ступил в ночной холод и тихо прикрыл за собой дверь.

Я ждал, пока не услышал его шаги по гравию, потом запер дверь и поспешил в дом, выключая свет. Проходя мимо библиотеки, я услышал, как ветер скорбно завывает в трубе и разбрасывает черный пепел лондонской «Таймс» по камину.

Я долго стоял, уставившись на пепел, затем встряхнулся, побежал наверх, перепрыгивая через две ступеньки, распахнул дверь в мою башенную комнату, захлопнул, разделся и зарылся в одеяла. Тут ударили часы, где-то далеко, в глухой ночи.

Моя комната была так высоко затеряна в доме и в небе, что не важно, кто или что стучалось, или билось, или колотилось в дверь там, внизу, с шелотом, затем с мольбой и воем...

Кто услышит?

Я приехал в Кортаун-хаус с опозданием.

Когда Джон открыл дверь, я протянул ему короткий рассказ, но не стал заходить.

— Что случилось, малыш? — спросил Джон.

— Прочитай это.

— Похоже на рассказ. Где сценарий?

— Потом. Сначала рассказ. И кстати, не забрасывай его, страницу за страницей, по полу, когда будешь ходить по дому, читая.

Джон склонил голову набок:

— С какой стати я буду это делать, сынок?

— Боже, просто не делай, и все.

Он ушел, оставив меня захлопывать дверь. В коридоре я увидел, как он переворачивает страницы, кивая. В библиотеке я слышал его бормотание:

— Да, похоже, пора кончать с розыгрышами в обеденное время. Довольно розыгрышей.

ГЛАВА 28

— Боже милосердный, это еще что такое? — вырвалось у меня.

— Что — «это»?

— Протри глаза! Ты только глянь! — сказал я.

И лифтер Гэррити высунулся посмотреть, на кого это я тарашусь.

А из дублинской утренней мглы в парадную дверь отеля «Ройял хайберниен» влетел высокий, гибкий, как ивовый прутик, мужчина лет сорока и устремился к регистрационной стойке, а следом за ним пятеро таких же ивовых прутиков — низкорослых юношей лет двадцати, фонтан птичьих трелей, размахивают руками, глаза щурятся, моргают, бегают, губы поджаты, лоб то нахмурится, то просветлеет, то покраснеет, то

побледнеет — или все враз? А голоса — то безупречное пикколо, то флейта, то певучий гобой, и никакой фальши. Шесть монологов брызжут, сливаясь в единый хор, вызывая друг у друга жалость к самим себе, попискивают и чирикают о тяготах путешествия, о превратностях погоды. Этот кордебалет парил в облаке одеколонного аромата, скользил и выразительно струился мимо меня и ошеломленного лифтера. Они все элегантно столкнулись у стойки, из-за которой на них уставился ошалелый от их музыки администратор. Его глаза округлились, словно две буквы «О».

— Что это было? — прошептал Гэррити.

— Законный вопрос, — ответил я.

В этот самый момент загорелись огни лифта и зазвенел зуммер. Гэррити невольно оторвал взгляд от пестрой компании и вознесся в поднебесье.

Я же достал свой блокнот и ручку, почуяв рождение новой книги Откровений.

— Будьте любезны, — сказал высокий стройный человек с тронутыми сединой висками. — Мы хотели бы комнату.

Администратор вспомнил, где он находится, и услышал собственный голос:

— У вас забронирован номер, сэр?

— Разумеется нет! — сказал старший.

Остальные захихикали.

— Нам вдруг приспичило прилететь сюда из Таормины, — продолжал высокий человек с то-

ченными чертами лица и похожим на росистый цветок ртом. — Надоело гоняться вокруг света за летом, и тогда кто-то предложил: «Нужна полная смена декораций, давайте выкинем что-нибудь сумасбродное». — «Что, например?» — сказал я. «Где находится самое невероятное место на земле? Давайте выберем и отправимся туда». Кто-то сказал: «Северный полюс», но это глупо. Тогда я воскликнул: «Ирландия!» Все так и попадали. А когда шум и гам улегся, мы помчались в аэропорт. И вот солнце и сицилийские пляжи растаяли, как вчерашнее лимонное мороженое. А мы здесь, чтобы совершить... нечто таинственное, загадочное, непостижимое!

— Таинственное? — спросил администратор.

— Мы не знаем, что именно, — сказал высокий. — Но как только увидим, сразу узнаем, или же это случится само по себе, либо придется приложить к этому усилия. Верно, соратники?

Соратники ответили чем-то отдаленно напоминающим хихиканье.

— Если вы, — сказал администратор, стараясь изобразить любезность, — дадите мне представление хотя бы в общих чертах о том, что вы разыскиваете в Ирландии, я мог бы помочь вам...

— О нет, что вы! — сказал высокий. — Мы просто понесемся вперед, обмотав шеи интуицией вместо шарфов, поймаем попутный ветер и посмотрим, куда он нас приведет. А когда рас-

кроем тайну и найдем то, ради чего приехали, вы узнаете об этом по восторженному улюлюканью и воплям, доносящимся от нашей маленькой туристской группы.

— Не могли бы вы повторить, — пробормотал администратор.

— Ну что, собратья, регистрируемся?

Предводитель отряда взял скрипучее гостиничное перо, но, обнаружив, что оно засорено, достал собственную ручку с совершенно чистым пером из золота пятьсот восемьдесят третьей пробы и неразборчивым, но каллиграфическим почерком вывел вишневыми чернилами: «Дэвид», затем «Снелл», затем через черточку «Орки» — и приписал: «с друзьями».

Завороженный администратор глаз не мог отвести от ручки, пока не вспомнил, какую роль исполняет.

— Но, сэр, я же не сказал вам, что у нас есть места...

— О, конечно же есть. Для шестерых изнуренных странников, крайне нуждающихся в передышке от навязчивого внимания стюардесс. Одной комнаты вполне достаточно!

— Одной? — изумился администратор.

— Что нам стоит потесниться, правда, ребята? — спросил старший, не глядя на своих спутников.

Никто не роптал.

Я тоже был не против, едва успевая за ними записывать.

— Ну что ж, — сказал администратор, неловко переминаясь с ноги на ногу за стойкой. — У нас как раз есть два смежных...

— Perfecto! — воскликнул Дэвид Снелл-Оркни. — Превосходно!

Регистрация закончилась, и теперь администратор за стойкой и гости издали разглядывали друг друга в затянувшемся молчании. Наконец администратор выпалил:

— Носильщик! Быстро! Отнесите багаж джентльменов...

И в тот же миг носильщик подбежал и посмотрел на пол.

Где не было никакого багажа.

— У нас его нет. — Дэвид Снелл-Оркни беззаботно помахал в воздухе рукой. — Мы путешествуем налегке. Мы здесь всего на сутки, может даже на двенадцать часов, а смену белья можно и в карман пальто затолкать. Потом назад на Сицилию, к теплым сумеркам... Если хотите, я заплачу вперед...

— В этом нет необходимости, — сказал администратор, протягивая ключи носильщику. — Пожалуйста, сорок шестой и сорок седьмой.

— Будет сделано, — сказал носильщик.

И словно овчарка-колли, что беззвучно пощипывает длинношерстных, bleющих, глупо скалящих зубы овец, он препроводил всю теплую компанию к лифту, который как раз в это время принесся сверху.

Я прервал свои записи, потому что... за спиной администратора возникла его жена.

— Ты что, сбрендил? — яростно зашептала она. — Зачем? Зачем тебе это нужно?

— Всю свою жизнь, — сказал администратор, обращаясь скорее к себе самому, — я мечтал увидеть не одного коммуниста, а десять рядом, и не двух нигерийцев, а двадцать, одетых в шкуры, и не трех американских ковбоев, а целую ватагу, только что из седла. А когда своим ходом является букет из шести оранжерейных роз — как я могу удержаться, чтобы не поставить его в вазу? Дублинская зима долгая, Мэг, и это, может быть, единственный зажженный фитиль за весь год. Не пропусти, рванет на славу.

— Идиот, — сказала она.

Но я так не думал.

Мы смотрели, как лифт взлетел вверх по шахте, поднимая ношу едва ли тяжелее пуха, сдутого с одуванчиков.

Ровно в полдень началась череда совпадений, которая после резких зигзагов, взлетов и падений привела-таки к чудесной развязке, причем я находился в водовороте событий.

Отель «Ройял хайберниен» располагается как раз на полпути между Тринити-колледжем, извините за упоминание, и парком Святого Стефана, который более соответствует своему названию, а позади проходит Графтон-стрит, где можно купить серебро, стекло, льняное белье или крас-

ный редингот, сапоги и кепи для псовой охоты. Но лучше всего заглянуть в паб «Четыре провинции» за приличествующей дозой выпивки и разговоров: на час питания — два часа душевной беседы, очень рекомендую.

Итак, ровно полдень. И именно Снеллу-Оркни суждено выйти из отеля «Ройял хайберниен» со стайкой канареек. Я же следую за ними и пишу под диктовку, но сам — молчок.

А вот и первая снотгшибательная встреча.

Ведь мимо идет не кто иной, как Тималти, которому предстоит трудный выбор между кондитерской и «Четырьмя провинциями».

Как вы помните, Тималти, когда его преследуют Невзгоды, Голод, Недород и прочие неумолимые Всадники Апокалипсиса, подрабатывает на почте в Килкоке. Теперь же, праздно шатаясь в перерывах между хождениями на посылную службу, он вдруг учуял такое благоухание, словно через сотню миллионов лет врата Эдема вновь запахнулись и его пригласили вернуться. И Тималти решил полюбопытствовать, в честь чего задуло из райского сада.

А ветер поднялся, конечно, из-за Снелла-Оркни и его выпущенных из клеток питомцев.

Тималти встал как вкопанный и вытаращился на делегацию Снелла-Оркни, которая растеклась по ступенькам и канула за угол. Вот тут он и решил, что есть вещи послаще конфет, и помчался в обход в «Четыре провинции».

Я проворно следовал за ними, чувствуя себя распорядителем на выставке-продаже всякой живности.

Идя впереди меня, огибая угол, мистер Дэвид Снелл-Оркни и компания миновали нищенку, играющую на арфе. Тут же мой таксист Майк самозабвенно отплясывал ригодон, откалывая буйные коленца под музыку «Порхая над лугом», как будто ему больше делать было нечего. Танцуя, Майк слышал нечто похожее на дуновение теплого ветерка с Гебридов. Не чириканье, не посвист, а что-то вроде воркования и вскриков, которыми вас встречают голуби и попугаи, когда зазвонит дверной колокольчик и вы входите в зоомагазин. Но все-таки Майк что-то расслышал даже за топотом своих башмаков и переборами арфы. И застыл в прыжке.

Мимоходом Дэвид Снелл-Оркни и его пятеро спутников ослепительно улыбнулись Майку и помахали руками.

Майк непроизвольно помахал в ответ, затем спохватился и прижал провинившуюся руку к груди.

— Какого черта я машу? — закричал он, увидев меня. — Разве я их знаю?

— Господь тебя укрепит! — сказал я, когда арфистка ударила по струнам.

Словно на буксире у неисправного новшества — пылесоса, сметающего все на своем пути, Майк и я последовали по улице за компанией.

Теперь уже заработали два органа чувств — нос и уши.

А на следующем углу — Нолан, только что вылетевший из «Четырех провинций», унося ноги от настигавших его неприятностей, столкнулся нос к носу с Дэвидом Снелл-Оркни. Оба качнулись и ухватились друг за друга, чтоб не упасть.

— Добрый день! — сказал Дэвид Снелл-Оркни.

— Кому как! — ответил Нолан и, разинув рот, отпрянул, пропуская мимо весь этот цирк.

В его глазах я видел жгучее желание юркнуть назад и тут же поделиться новостью о жуткой встрече с перьевой метелкой, сиамским котом, бракованным пекинесом и еще тремя заморышами, пострадавшими от недоедания и чрезмерного мытья.

Все шестеро остановились перед пабом, разглядывая вывеску.

«Черт! — подумал я. — Они же сейчас войдут. А что из этого выйдет? Кого предупреждать первым? Их? Или бармена?»

Тут дверь распахнулась и выглянул Финн собственной персоной. Он приехал в город повидаться с кузеном и одним своим присутствием испортил представившийся случай!

— Черт! — сказал Нолан. — Все пропало. Теперь нам рта не дадут раскрыть об этом приключении. Теперь Финн в центре событий, а нам крышка!

Снелл-Оркни и его компания долго глазели на Финна. Но взгляд Финна на них не задержался. Он смотрел поверх, мимо, вдаль.

Однако он их видел, уж я-то знаю. Потому что случилось нечто занятное.

Лицо Финна поблекло.

А затем произошло нечто еще более занятное.

Лицо Финна залила краска.

«Э-э! — подумал я. — Он... краснеет!»

Финн по-прежнему отказывался смотреть на что-либо, кроме как на небо, фонари, дома, но тут Снелл-Оркни пропел:

— Сэр, как пройти к парку Святого Стефана?

— Боже! — сказал Финн и отшатнулся. — Откуда мне знать, куда его девали на этой неделе! — И хлопнул дверью.

Шестерка зашагала дальше, излучая восторг и улыбки. Нолан уже готов был вломиться в паб, как случилось самое худшее.

Невесть откуда наперерез принесло Гэrrити, лифтера из отеля «Ройял хайберниен». Запыхавшись от волнения, он вбежал в «Четыре провинции» поделиться новостью.

Когда мы с Ноланом оказались внутри, а следом за нами Тималти, Гэrrити уже мешался под ногами у Финна, еще не пришедшего в себя от потрясения.

— Какое зрелище вы пропустили! — взаллеб рассказывал Гэrrити всем сразу. — Ничем не уступит фантастическому кино, что показывают в «Гэйети-синема»!

— Что ты хочешь сказать? — спросил Финн, очухавшись.

— Они ничего не весят! — сказал Гэррити. — Поднимать их в лифте все равно что горсть шелухи в печную трубу запустить! Вы бы слышали: они приехали в Ирландию, чтобы... — он перешел на шепот и напрягся, — совершить нечто...

— Таинственное? — подсказал я.

— Что у них на уме, не ясно, но помяните мои слова: ничего путного из этого не выйдет! Вам приходилось видеть что-нибудь похожее?

— Со дня большого пожара в женском монастыре — нет, — сказал Нолан. — Я...

Но похоже, слово «монастырь» обладало не единственным магическим свойством. Тотчас распахнулись двери, и вошел отец Лири, задом наперед, то есть тылом, приложив ладонь к щеке, словно норны вlepили ему под шумок увесистую оплеуху.

При виде его спины все уткнулись носами в стаканы, выжидая, пока священник, все еще глазевший на двери, как на разверстые врата ада, сам приведет себя в чувство выпивкой.

— И двух минут не прошло, — сказал наконец священник, — как мне явилось неопиcуемое зрелище. Неужели за столько лет нагромождения всевозможных бедствий Ирландия и впрямь свихнулась?

Стакан священника снова наполнили.

— Уж не столкнулись ли вы с пришельцами с Венеры, святой отец?

— Так ты их видел, Финн? — сказал священник.

— Да. У вас какие-то нехорошие предчувствия, ваше святейшество?

— Не то чтобы доброе или недоброе, а скорее эксцентричное и нарочито сумасбродное, Финн, я бы сказал — барокко или рококо, если ты улавливаешь ход моей мысли.

— Точнее не скажешь, сэр.

— Когда их видели в последний раз, куда они направлялись? — спросил я.

— На окраину парка, — сказал священник. — Вам не кажется, что теперь в парке разразится оргия?

— Прошу прощения, святой отец, погода этого не допустит, — сказал Нолан, — но, по-моему, чем торчать тут без толку, лучше б нам их выследить...

— Это противоречит моей этике, — сказал священник.

— Утопающий хватается за что попало, — сказал я, — но если вместо спасательного жилета ему подсунуть этику, то он с ней и утонет.

— Прочь с горы, — сказал священник, — хватит с нас Нагорной проповеди. Куда ты клонишь?

— А клонит он вот куда, святой отец, — запыхтел Нолан. — Такого нашествия благородных сицилийцев здесь никогда не было. Как знать, может, они прямо сейчас посреди парка читают вслух для миссис Мерфи, мисс Клэнси или мис-

сис О'Хэнлан... А спрашивается: что именно они им читают?

— «Балладу Рэдингской тюрьмы»? — предположил Финн.

— Точное попадание! — вознегодовал Нолан, рассерженный тем, что самую суть у него выхватили из-под носа. — Откуда нам знать, может, эти чертики из табакерки только и делают, что сбывают недвижимость на острове Файр-Айленд? Слыхали о таком, святой отец?

— Американские газеты часто попадают на мой стол.

— А помните жуткий ураган сорок шестого года, когда волны накрыли этот самый остров близ Нью-Йорка? Мой дядя, да сохранит Господь его зрение и рассудок, служил там в береговой охране, которая эвакуировала всех жителей острова до единого. Он рассказывал, что это было похлеще, чем показ моделей у Феннелли раз в полугодие. И ужаснее, чем съезд баптистов. Десять тысяч человек в спортивных куртках томатно-мандаринного цвета и лимонно-желтых туфлях ринулись в шторм к берегу, нагруженные рулонами портьер и клетками с попугаями. Это была самая суматошная, паническая картина после того, как Иероним Босх написал Ад в назидание потомкам и отложил палитру. Шуточное дело — эвакуировать десять тысяч хлюпиков с серьгами в ушах, хрупких, как венецианское стекло, хлопающих своими коровьими глазищами, несущих пластинки с симфонической музы-

кой, и не надорвать при этом живот. После этого мой дядюшка запил.

— Расскажи нам еще что-нибудь про ту ночь, — сказал изумленный Килпатрик.

— Черта вам лысого еще! — сказал священник. — Все на улицу! Окружить парк, смотреть в оба! Встречаемся через час на этом месте.

— Вот это другое дело! — вскричал Келли. — Давайте в самом деле разузнаем, что у них на уме!

Двери распахнулись. Все побежали. Я преградил им дорогу и стал давать указания толпе, собравшейся на тротуаре, а священник руководствовался своим компасом:

— Келли, Мерфи, вам обойти парк с севера. Тималти — с юга. Нолан, Кланнери и Гэррити — с востока. Моран, Магуайр и Килпатрик — с запада. Выполняйте!

Но каким-то образом в этой неразберихе Келли и Мерфи на полпути к парку очутились в пабе «Четыре трилистника» и подкрепились перед охотой; Нолан и Моран повстречали на улице жен и вынуждены были искать убежища в «Четырех провинциях», а Магуайр и Килпатрик, проходя мимо кинотеатра на Графтон-стрит, услышали пение Дины Дурбин и составили компанию Дуну, который коротал там день.

И в результате за инопланетянами наблюдали только двое — Гэррити с востока и Тималти с юга. Я присоединился к Тималти, который был так сосредоточен, что отказывался разговаривать.

Проторчав полчаса на леденящем ветру, Гэри-рители притопал к нам и возопил:

— Чем эти недоумки занимаются? Просто стоят себе посреди парка. Полдня стоят как вкопанные. А у меня пальцы на ногах замерзли. Я сбегая в отель, отогреюсь и тотчас вернусь — стоять на страже с тобой, Тим, и с тобой, янки!

— Можешь не спешить, — произнес Тималти нездешним, печальным, блуждающим, философическим голосом, когда тот скрылся из виду.

Не обращая на меня внимания, Тималти вошел в парк и просидел целый час, наблюдая за шестеркой типов, которые так и не сдвинулись с места. Всякий, кто увидел бы его бегающие глаза и перекошенный трагической гримасой рот, догадался бы, что это ирландский собрат Канта или Шопенгауэра и что он начитался поэзии или пал духом, вспомнив какую-то песню. Когда наконец час прошел, Тималти собрал разбредшие мысли, словно горсть холодной гальки, повернулся и пошел к выходу, в мою сторону. А Гэри-рители тем временем прибежал топтать ногами и размахивать руками. Но прежде чем он смог обрушить на нас распиравшие его вопросы, Тималти кивнул на парк и сказал:

— Посиди. Посмотри. Подумай. Потом сам все расскажешь мне.

Когда я вошел в «Четыре провинции» и позвал за собой Тималти, вид у всех был виноват-

тый. Священник все еще бегал по своим делам по городу, остальные же побродили для успокоения совести вокруг парка и вернулись, обескураженные, в штаб разведки.

— Тималти! — закричали они. — Янки! Рассказывайте! Как там?

Тималти не спеша подошел к бару, пригубил свой стакан. Не произнося ни слова, он изучал свое отражение, погребенное вдаль, под лунным льдом зеркала за стойкой. Он поворачивал тему разговора то так, то эдак, выворачивал ее наизнанку. Наконец закрыл глаза и сказал:

— Поразительно, насколько...

«Да», — сказали все безмолвно.

— Целая жизнь странствий и размышлений, — продолжал Тималти, — подсказывает мне, что между ними и нами есть какое-то странное сходство.

Все так и ахнули, да с такой силой — в призмах на маленьких люстрах над стойкой заискрились, замельтешили блики. Когда после этого выдоха светящиеся рыбки утомонились, Нолан закричал:

— Щас я тебя так тресну, что у тебя шапка свалится!

— Да! Тресни! Чтоб свалилась! — заорали все вокруг.

— Тише вы, — сказал я.

— Скажите, — невозмутимо продолжал Тималти, — разве мы не знаем толк в песнях и стихах?

Толпа исторгла еще один вздох. Все нехотя согласились:

— Конечно, как же иначе!

— О боже, вот ты о чем!

— А мы-то подумали...

— Тихо! — Тималти поднял руку, все еще не открывая глаз.

Все замолчали.

— Если мы не поем песни, то сочиняем, а не сочиняем, так отплясываем под них; а разве они не истинные ценители пения, не пишут песен, не танцуют? Короче, я только что в парке слышал издали, как они читали стихи и что-то напевали, сами для себя.

Было в его словах что-то такое... И все стали толкать друг друга локтями, признавая его правоту.

— Обнаружил ли ты еще какие-нибудь сходства? — грозно нахмурившись, спросил Финн.

— Да, обнаружил, — сказал Тималти по-судейски.

Все вздохнули еще более заинтригованно, толпа шагнула ближе, а я тем временем продолжал лихорадочно записывать.

— Порой они не прочь выпить, — сказал Тималти.

— Да, это точно! — закричал Мерфи.

— К тому же, — продолжал нараспев Тималти, — они поздно женятся, если вообще женятся! И...

Тут поднялся такой гвалт, что пришлось подождать, пока шум утихнет.

— ...и... гм... очень мало якшаются с женщинами.

После чего разразился великий шум, выкрики, толкотня, кто-то стал заказывать выпивку, а кто-то вызвал Тималти выйти поговорить. Но Тималти даже глазом не моргнул, драчуна оттащили, а когда все сделали по глотку и потасовка улеглась, так и не начавшись, раздался четкий зычный голос Финна:

— А теперь потрудись объяснить то преступное сравнение, которым ты осквернил чистый воздух моего благопристойного паба.

Тималти не торопясь приложился к кружке, спокойно взглянул на Финна и звучно произнес — трубным гласом, дивно чеканя слова:

— Есть в Ирландии место, где мужчина может возлечь с женщиной?

Он выждал, чтобы сказанное дошло до всех.

— Триста двадцать девять дней в году у нас хлещет дождь. Все остальное время такая сырость, что не найдешь ни пяди, ни пяточка сухой земли, куда можно было б уложить женщину без риска, что она пустит корни и зазеленеет. Согласны?

Молчание было знаком согласия.

— Выходит, бедный, несчастный ирландец должен податься напрямиком в Аравию, чтобы найти место для греховных наслаждений и разгула плоти! Мы спим и видим аравийские сны: теплые ночи, сухую землю, приличный уголок,

где можно не только присесть, но и прилечь, и не только прилечь, но и прижаться, вцепиться и сцепиться в безудержном восторге.

— А, черт! — сказал Финн. — Ну-ка повтори.

— Ч-черт! — сказали все, качая головами.

— Это — раз. — Тималти загнул палец на руке. — Места нет. Затем — два — время и обстоятельства. Ну запудрил ты сладкими речами красотке мозги, уговорил ее пойти с тобой в поле — что дальше? На ней сапожки, дождевик, платок на голове и поверх всего этого зонтик, а ты надрываешься, как боров, застрявший в воротах свинарника, то есть одной рукой ты уже дотянулся до ее груди, а другая занята калошами, и на большее не рассчитывай — глянь, кто это стоит у тебя за спиной, кто дышит мятой тебе в затылок?

— Приходской священник? — предположил Гэррити.

— Приходской священник, — сказали все в отчаянии.

— Вот гвозди номер два и три, забитые в крест, на котором распяты все мужчины Ирландии, — сказал Тималти.

— Дальше, Тималти, продолжай.

— Гости из Сицилии ходят компанией. Мы — тоже. Вот сейчас здесь собралась компания ребят из Финнова паба. Разве нет?

— Все так!

— То у них подавленный, скорбный вид, то они беззаботны как черти и поплевывают вверх

или вниз, но перед собой — никогда. Вам это напоминает кого-нибудь?

Все посмотрелись в зеркало и закивали.

— Если у нас есть выбор: пойти домой к злой жене, зловредной теще и сестре — старой деве или посидеть здесь, спеть еще одну песню, пропустить еще один стаканчик и рассказать еще одну байку, то что мы предпочтем?

Тишина.

— Задумайтесь над этим, — сказал Тималти. — И отвечайте честно. Сходства. Соответствия. Получится необъятный список. Надо как следует пораскинуть мозгами, прежде чем начинать биться об стенку, призывать Иисуса с Марией и вопить «караул!».

Тишина.

— Я хотел бы... — сказал кто-то странным, любопытствующим голосом после долгого раздумья, — посмотреть на них вблизи.

— Твое желание может исполниться. Тсс! — сказал я не слишком театральным голосом, учитывая ситуацию.

Все застыли в немой сцене.

И до нас долетел далекий, ломкий, слабый звук. Как будто однажды чудесным утром просыпаешься, нежишься в постели и особым чутьем догадываешься, что в воздухе кружит первый снег, щекочет на своем пути небеса, и тогда тишина раздвигается и исчезает.

— Боже мой! — сказал наконец Финн. — Сегодня же первый день весны...

И это тоже. Сперва шаги, легкие, как снежинки, падающие на мостовую, затем хор птичьих голосов.

На тротуаре, по всей улице и возле паба зазвучали песни зимы и весны. Двери настежь распахнулись. Ожидание предстоящей встречи прижало всех к спинкам стульев. Мужчины напрягли нервы. Сжали кулаки. Стиснули зубы в беспокойных ртах, а в пабе — словно детвора на рождественском празднике, где раздают подарки, пестрые безделушки, игрушки, — уже появились высокий худой юноша средних лет и невысокие тоненькие молодые люди с глазами стариков. Шелест снегопада утих. Улегся весенний птичий гомон.

Ватага диковинных детей с необыкновенным вожаком вдруг почувствовала вокруг себя пустоту, словно окружавшие их люди подались назад, хотя никто из посетителей бара даже не шелохнулся.

Дети знойного острова глазели на приземистых, ростом с ребенка, взрослых обитателей холодной страны, а матерые местные жители придирчиво смотрели на пришлецов.

Тималти и завсегдатаи бара сделали медленный, глубокий вдох. Повсюду разлился удивительный аромат чистоты, исходивший от этих детей. В нем было чересчур много весны. Меня даже немного покорило.

Дыхание у Снелла-Оркни и его состарившихся подростков, отроков-мужчин, было ча-

стым и прерывистым, как трепыхающееся сердечко пташки, зажатой в кулаке. В воздухе витал пыльный, въевшийся, застарелый дух засаленной одежды низкорослых людей. Зимы в нем было через край.

Каждый мог бы высказаться насчет «букета» запахов соседа, но...

И тут с грохотом распахнулись боковые двери, в паб ввалился Гэррити и поднял переполох:

— Черт! Я все видел! Знаете, где они сейчас? И чем занимаются?

Все, кто был в баре, вскинули руки, чтобы он замолчал.

По встревоженным глазам непрошеные гости догадались, что шум поднят из-за них.

— Они еще в парке! — Гэррити неся на полных парах, не разбирая дороги. — Я забежал в отель, поделиться новостью. А теперь к вам. Те парни...

— Те парни, — начал было Дэвид Снелл-Оркни, — находятся здесь, в... — и замаялся.

— ...в пабе «Четыре провинции», — подсказал Гебер Финн, уставившись на свои ботинки.

— «Четыре провинции», — повторил худошавый, кивнув в знак благодарности.

— Где мы сей же час все и выпьем, — предложил обескураженный Гэррити.

И бросился к стойке бара.

Но шестеро незваных гостей тоже зашевелились. Они выстроились вокруг Гэррити в малень-

кую парадную колонну, а он, польщенный такой честью, стал дюйма на три короче.

— Добрый день, — сказал Снелл-Оркни.

— И да, и нет, — выжидательно сказал я.

— Похоже, — заметил долговязый в окружении малорослых мужчин-мальчуганов, — вокруг нашего прибытия в Ирландию поднимается шумиха.

— Это еще мягко сказано, — откликнулся Финн.

— Позвольте мне все расставить по своим местам, — сказал мистер Дэвид Снелл-Оркни. — Вам доводилось когда-нибудь слышать о Снежной Королеве и Солнечном Короле?

Кто-то разинул рот.

Кто-то захрипел, как от тычка под дых.

«Я слышал, — подумал я, — но рассказывай дальше».

Финн какое-то время прикидывал, с какой стороны ожидать подвоха, хмуро и нарочито долго потягивал свой эль, обжигая рот, и, наконец, осторожно осведомился, выпуская теплое дыхание поверх языка:

— Э-э... Какая королева и что за король такой?

Стоявшие у бара придвинулись, всегда готовые послушать историю, но затем, опомнившись, отодвинулись.

— Итак, — начал высокий бледный человек. — Жила-была в Исландии — в Стране Льда — Королева, никогда не видевшая лета, а

на Островах Солнца жил Король, никогда не видевший зимы.

— Скажите пожалуйста, — съязвил Нолан.

Финн бросил на него убийственный взгляд:

— Он скажет, если ему не мешать!

Окружающие цыкнули на Нолана, и тот втянул голову в плечи.

Снелл-Орки продолжал:

— Подданные Короля едва не умирали от жары летом... А подданные Снежной Королевы едва не умирали под льдами долгими студенными зимами. Но они оба испытывали глубокое сочувствие к своим народам и решили, что не позволят им больше страдать. Поэтому однажды осенью Снежная Королева последовала за гусями, улетающими на юг в теплые края. А Солнечный Король полетел верхом на теплых ветрах, дующих на север, пока те не охладились. В лесной тиши они увидели друг друга. Она была одета во все белое, как вечные снега, как течение бесконечности, как ураганы Времени, лунный свет на ледниках, ветер, колышущий тончайший занавес на окне зимой. Белое! С головы до пят!

Посетителей, что стояли у стойки бара, описание привело в легкое замешательство.

— А что же Солнечный Король? — Снелл-Орки улыбнулся. — Он был весь пламя, жар, огонь; он был ослепителен, как лесной пожар, поглощенный всепожирающей, сжигающей жадой! Воистину Солнечный Король. Король Солнца! Они приблизились и, заглянув друг дру-

гу в глаза, влюбились. И сыграли свадьбу. И каждую зиму, когда холод убивал людей на севере, весь народ Снежной Королевы перекочевывал на юг и жил под ласковым солнцем островов. А летом, когда солнце изводило людей на юге, все подданные Солнечного Короля перебирались на север, освежиться. Не стало больше двух наций и двух народов, а появился единый народ, который с переменой погоды и времен года сменял один край на другой, и так бесконечно.

Снелл-Оркни замолк.

Все были зачарованы. Начали переглядываться. Забормотали. Бормотание нарастало. Тогда Нолан захолопал в ладоши. Его поддержал Гэррити. Потом подключились Финн с Тималти и все остальные, пока все это не переросло в радостные возгласы, к которым присоединился и я.

Устроили настоящую овацию, а Снелл-Оркни стоял, купаясь в лучах одобрения. Он застенчиво закрыл глаза и отвесил скромный поклон.

Потом все обнаружили, что их ладони аплодируют. И застеснялись. Аплодисменты стихали по мере того, как замедлялись хлопки. Все с удивлением опустили глаза и обнаружили, что восхищаются теми, по поводу кого у них только что были сомнения. Все занялись изучением своих ладоней, пока наконец Финн не выдал:

— Ладно, какого черта!

И еще громче захолопал в ладоши, как и все остальные. Затряслись стропила, все задрожало и заходило ходуном, и все гаркнули:

— Действительно, какого черта!.. Даешь!.. Да не все ли равно!.. Молодцом!

Буря улеглась. Снелл-Оркни стоял, залившись краской.

А Тималти заключил:

— Боже, вам бы настоящий ирландский говорок! Какой бы сказочник из вас получился!

— Да!.. Конечно!.. Правильно! — согласились все.

— Не научите ли вы меня вашему говору, сэр? — спросил Снелл-Оркни.

Тималти замялся:

— Я... гм... А, черт, почему бы и нет! Да! Если уж молоть языком, почему бы не делать это как полагается!

— Премного благодарен! — сказал Снелл-Оркни.

Финн нехотя перебил их:

— Где-то на полпути мы упустили суть вашей красивой сказки. Я хочу сказать — с какой целью вы рассказали нам об этой Королеве и Короле?

— Как глупо с моей стороны, — сказал Снелл-Оркни. — Мы — дети Солнечного Короля, а это значит, за последние пять лет мы не видели осени, не видели, как тают снежинки, не испытывали зимнего ветра, не слышали, как потрескивает от мороза оконное стекло. При виде облака мы едва ли поймем, что это. Мы опалены погодой. Мы должны увидеть дождь, а желательно снег, иначе пропадем, — правильно я говорю, ребята?

— Да, да, правильно, — сладко зачирикали все пятеро.

На улице сверкнула вспышка, раздался гром и шум приближающегося дождя с обещанием снегопада.

Удовлетворенный, Финн кивнул:

— Прислушивается же иногда Господь.

Остальные громогласно добавили:

— Дождя будет по горло... сколько угодно... приготовьтесь к заплыву.

Снелл-Оркни продолжал:

— По всему свету мы преследуем лето по пятам. Живем в теплые, жаркие, знойные месяцы на Ямайке, в Нассау.

— В Порт-о-Пренсе, — сказал один из братьев.

— В Калькутте, — сказал второй.

— На Мадагаскаре и на Бали, — сказал третий.

— Во Флоренции, Риме и Таормине! — сказал четвертый.

— Но наконец вчера мы услышали в новостях, что в этом году в Дублине ожидается невиданное количество снега. Где еще, сказали мы, вероятнее всего увидеть снег? Мы сами не знали толком, чего ищем, но нашли это в парке Святого Стефана.

— Нечто таинственное? — воскликнул Но-лан, потом хлопнул себя по лбу. — То есть...

— Ваш друг вам расскажет, — сказал худощавый.

— Наш друг? Вы имеете в виду Гэррити?

Все посмотрели на Гэррити.

— Об этом я и хотел рассказать, — сказал Гэррити, — когда сюда вломился. Они были в парке, стояли и... смотрели, как опадают осенние листья, потому что деревья обледенели!

— И это все? — вскричал в отчаянии Нолан.

— В тот миг этого было вполне достаточно, — сказал Снелл-Оркни.

— Неужели в парке Святого Стефана еще остались листья? — спросил Тималти. — А снег есть на деревьях?

Никто, оказывается, не знал. Мы все стояли не шелохнувшись.

— Черт, — оцепенело сказал Тималти, — лет двадцать прошло с тех пор, как я заглядывался на это.

— Двадцать пять в моем случае, — сказал Гэррити.

— Тридцать! — признался Нолан.

— Самое невероятное сокровище на свете, — сказал Снелл-Оркни. — Несколько пунцовых, янтарных, алых, багровых мазков. Память о былом, отголоски прошлого лета, каким-то образом зацепившиеся за веточки. А сами деревья! Ветви, сучья, одетые в ледяной панцирь, скованные морозом, отягченные снегом, уносимым прочь шелестящими шлейфами! Вот это да!

Все были околдованы.

— А-а... да... разумеется... так и есть... — бормотали они.

— Знает, что говорит, — прошептал Нолан.

— Угощаю всех, — сказал вдруг Снелл-Оркни.

— Какой пронизательный! — сказал Тималти.

Подали выпивку, осушили стаканы.

— А где же находятся эти деревья? — воскликнул Нолан.

— Да... действительно! — заговорили все.

Не прошло и десяти минут, как мы все вместе оказались в парке.

Ну и, как сказал Тималти, видели вы когда-нибудь столько листьев, оставшихся на одном дереве, сколько на первом же дереве сразу за оградой парка? «Нет!» — закричали все. А как вам второе дерево? На нем не столько листьев, сколько ледяной коросты, инея и снега, которые прямо на глазах откалываются и опадают на головы людей. И чем дольше они смотрели, тем больше осознавали, что это чудо. Нолан, бродя по парку, так запрокинул голову, что споткнулся и упал. Двое-трое его приятелей поспешили ему на помощь. Раздавался хор восхищенных голосов и вдохновенных возгласов, ведь, если им не изменяет память, на этих деревьях никогда не было ни листьев, ни снега, а теперь есть! А если они и были, то бесцветные, или если был цвет, то так давно... «А, какого черта, — сказали все, — помалкивайте и смотрите!»

За этим занятием и провели остаток дня Нолан, Тималти, Келли, Гэррити, Снелл-Оркни с

друзьями и я. Ибо осень и впрямь убрала свои развешанные флаги, зато зима вступила в свои права, чтобы укутать парк белым по белому. Здесь и нашел нас отец Лири.

Но прежде чем он смог что-либо сказать, трое посланцев лета попросили его исповедовать их.

И вот уже священник с мученическим выражением лица повел Снелла-Оркни с друзьями в церковь полюбоваться витражами и тем, как зодчий сложил апсиду, и церковь им так понравилась, что они начали наперебой громко расхваливать ее, и отцу Лири пришлось пропустить кое-какие молитвы и срезать углы, чтобы прийти к окончанию церемонии кратчайшим путем.

Но венцом всему дню стал вопрос, заданный в пабе одним из юных-пожилых мальчиков-мужей: что спеть — «Матушку Макри» или «Моего дружка»?

Начали спорить, потом проголосовали, объявили результаты и решили: пусть споет и то и другое.

У него, по общему признанию, был дивный голос, и глаза у всех заблестели от слез. Сладостный, высокий, прозрачный голос.

И, как сказал Нолан:

— Не знаю, какой из него сын, зато дочь бы вышла замечательная.

И все сказали «да».

Снелл-Оркни с друзьями собрались уходить.

Увидев это, Финн поднял свою ручищу, чтобы помешать им:

— Погодите! Благодаря вам атмосфера в парке и его окрестностях улучшилась, не говоря уж о пабе. Теперь мы должны отплатить вам добром за добро!

— О нет, нет, — последовал отказ.

— Да! Да! — сказал Финн. — А ну, ребята!

— Финн! — откликнулись все.

— Покажем спринтерский забег?

— Спринтерский забег? — раздался всплеск восторга. — Да!

— Спринтерский забег? — переспросили Снелл-Оркни и его друзья.

ГЛАВА 29

— Тут и сомневаться нечего: Дун быстрее всех.

Финн добавил:

— Бегают от гимна.

— К черту Дуна!

— У него молниеносная реакция, мощный рывок под уклон, до шляпы не успеешь дотянуться — его уже и след простыл.

— Все равно Хулихан лучше.

— Разве что иногда. Спорим? Вот прямо сейчас, пока этот бледный худощавый парень и его компания отсюда не уехали.

Или, подумал я, до того, как все разом закроется, захлопнется, замолчит, то есть пивные краны, аккордеоны, фортепьянные крыш-

ки, солисты, трио, квартеты, пабы, кондитерские и кинотеатры. Огромная волна, словно в Судный день, выплеснет пол-Дублина под тусклый свет фонарей, где всем будет не хватать зеркал на автоматах с жевательной резинкой. Ошеломленные, лишенные духовной и физической опоры, эти души побродят, пошатываясь, словно прихлопнутая моль, потом заковыляют домой.

А пока я вслушивался в спор, жар которого, если не свет, доходил за полсотни шагов до меня и команды Снелла-Оркни.

— Дун!

— Хулихан!

Тималти, изучив сначала мое лицо, потом лицо Снелла-Оркни, сказал:

— Вы, наверное, не можете понять, о чем мы тут толкуем? Спорт любите? Кроссы, четыре по сто, и прочую беготню?

— Я побывал на двух Олимпийских играх, — сказал Снелл-Оркни.

Тималти разинул рот:

— Вы редкий человек. А что вам известно про всеирландское первенство по десятиборью, проводящееся в кинотеатрах?

— Это спринт до начала гимна, о котором вы сейчас упоминали, — сказал Снелл-Оркни.

— Постой, постой, — не выдержал я наконец. — Какой-какой спринт?

— Д-о г-и-м-н-а, — чеканно, по буквам, произнес Финн.

— Я знаю, что с тех пор, как ты приехал в Дублин, — встрял Тималти, — ты, будучи заядлым киношником, ходишь в кино.

— Вчера вечером, — сказал я, — я смотрел фильм с Кларком Гейблом. Позавчера — старый фильм с Чарлзом Лоутоном...

— Довольно! Ты истинный киноман, как все ирландцы. Если бы не кинотеатры и пабы, чтобы удерживать бедных и безработных подальше от улиц, мы бы давно вытащили затычку и этот остров уже ушел бы на дно. Итак, — оң хлопнул в ладоши, — какая отличительная черта нашей породы бросается тебе в глаза каждый вечер после фильма?

— После фильма? — задумался я. — Постойте! Это же национальный гимн!

— Так, ребята? — закричал Тималти.

— Именно! — сказали все хором.

— Десятки лет каждый божий вечер после каждого фильма оркестр играет во имя Ирландии, — запричитал Тималти, — как будто все соскучились по этому жуткому гимну. И что происходит потом?

— Ну, — сказал я, входя во вкус, — если ты мужчина, то пытаешься вырваться из кинотеатра за те несколько бесценных мгновений между концом фильма и началом гимна.

— Точно!

— Угостим янки выпивкой!

— В конце концов, — заметил я мимоходом, — после того как послушаешь гимн не-

сколько раз подряд, он начинает блекнуть. Я не хотел никого обидеть, — добавил я поспешно.

— Никто не обиделся! — заверил меня Тималти. — И ни один ветеран ИРА, переживший восстание и влюбленный в свою страну, на тебя не обидится. Если слушать одно и то же десять тыщ раз подряд, чувства притупляются. Так вот, как ты правильно заметил, в эти три-четыре богоданные секунды все здравомыслящие зрители бегут к выходу как угорелые. А самый лучший из всех...

— Дун, — сказал Снелл-Оркни. — А может, Хулихан. Ваши спринтеры!

Все заулыбались, гордясь его догадливостью.

— И вот, — прищурившись, сказал Тималти севшим от волнения голосом, — в этот самый момент в каких-то ста ярдах отсюда, в уютном полумраке кинотеатра на Графтон-стрит, в середине четвертого ряда у бокового прохода сидит..

— Дун, — перебил его я.

— Этот парень внушает мне ужас, — проговорил Хулихан и приподнял кепку в мою сторону.

— Ну да, — Тималти сглотнул слюну, — там и впрямь сидит Дун. Он еще не видел этого фильма: Дину Дурбин показывают по просьбе кинозрителей. А на часах уже...

Все посмотрели на стенные часы.

— Десять часов! — сказала толпа.

— И всего через пятнадцать минут зрители разойдутся.

— И что же? — спросил я.

— А то, — сказал Тималти. — А то, что... если мы отправим туда Хулихана показать, какой он быстроногий и проворный, то Дун с готовностью примет вызов.

— Вы что же, ходите в кино, только чтобы пробежать спринтерскую дистанцию до гимна? — полюбопытствовал Снелл-Оркни.

— Бог ты мой, нет, конечно. Мы ходим ради песен Дины Дурбин. Но если Дун вдруг заметит, что пришел Хулихан — его поздний приход и место прямо напротив Дуна сразу бросятся в глаза, — ну, тогда Дун сразу смекнет, что к чему. Они поприветствуют друг друга и будут сидеть и слушать прекрасную музыку, пока на экране не замаячит слово «КОНЕЦ».

— Точно. — Хулихан приплясывал на цыпочках и поигрывал локтями. — Вот я ему задам!

Тималти посмотрел на меня в упор.

— Парень, я вижу, что эти подробности изумили тебя. Ты думаешь, как это у взрослых людей хватает времени на такое? Чего у ирландцев в избытке, так это времени. То, что у вас в стране кажется незначительным, становится значительным у нас, когда нет работы. Нам не доводилось видеть слона, но мы знаем, что нет страшнее твари на земле, чем козявка под микроскопом. Так что хотя спринт до гимна и не перешагнул границ, это благородный вид спорта, стоит лишь им заняться. Позволь теперь огласить правила!

— Прежде всего, — резонно сказал Хулихан, — спроси у этих господ, захотят ли они делать ставки после того, что они узнали.

Все уставились на Снелла-Оркни и меня посмотреть, насколько мы прониклись их рассказами.

— Да, — сказали мы.

Присутствующие согласились, что мы поступаем более чем человечно.

— Итак, по порядку, — сказал Тималти. — Это Фогарти, главный наблюдатель за выходом. Нолан и Кланнери — судьи-надзиратели в проходах. Кланси — хронометрист. И широкая публика: О'Нил, Баннион, братья Келли — всех не пересчитать. Идем!

Мне показалось, будто меня закрутила-завертела чудовищная снегоуборочная машина, оцетинившись скребками и щетками. Веселая ватага повлекла Снелла-Оркни с приятелями и меня вниз по течению улицы к мириадам подмигивающих огоньков, манивших нас в кинотеатр. Тималти суетливо выкрикивал основные сведения:

— Очень многое зависит от типа кинотеатра, конечно!

— Конечно! — проорал я в ответ.

— Есть вольнодумные, щедрые кинотеатры с широкими проходами и выходами и еще более просторными туалетами. В некоторых столько фарфора, что собственного эха можно испугаться. А есть жадные — куда людей набивают, как

сельдей в бочку; проходы узкие — пока живот не подберешь, не протиснешься, коленками стучаются о спинки кресел, а когда идешь в туалет, что в кондитерской через дорогу, выйти в дверь можно только боком. Каждый кинотеатр придирчиво оценивается до, во время и после спринта, учитываются все обстоятельства. Потом время, показанное бегуном, признается хорошим или бесславным, в зависимости от того, пришлось ли ему продираться сквозь мужчин и женщин, или преимущественно через мужчин, или в основном женщин, но хуже всего пробираться через детей на утренних сеансах. Есть искушение косить их, как траву, укладывая рядком, налево и направо, так что мы с этим покончили — теперь только по вечерам, в кинотеатре «Графтон»!

Болельщики остановились. Огни кинотеатра вспыхивали в их глазах и на щеках.

— Идеальный кинозал, — сказал Фогарти.

— Почему? — спросил я.

— Проходы не широкие и не узкие, выходы удобные, дверные петли смазаны, зрители сознательные, не лишены состязательного духа, посторонятся, если спринтер, не жалея сил, слишком ретиво будет продираться по проходу.

Меня вдруг осенило:

— А... шансы бегунов вы уравниваете?

— Обязательно! Иногда меняем выходы, если старые слишком хорошо знакомы. Или же одного одеваем в летнее пальто, другого — в зимнее. Что еще? Скажем, Дун — быстроногий, его надо

уравновесить дважды. Нолан! — Тималти достал из кармана фляжку. — Сбегай в зал, чтобы Дун сделал два глотка, и побольше.

Нолан убежал.

Тималти объяснил:

— Хулихан сегодня вечером уже отметился во всех четырех провинциях паба и нагрузился сполна. Теперь они уравновешены!

— Хулихан, заходи, — велел Фогарти. — Пусть наши ставки тебя не смущают. И чтобы мы увидели, как ты вылетаешь из этого выхода через десять минут — первым и с победой!

— Сверим часы, — предложил Кланси.

— Сверь мою задницу, — откликнулся Тималти. — Кроме грязных запястий, у нас ничего нет. Только у тебя есть часы, Кланси. Хулихан, вперед!

Хулихан пожал всем руки, словно перед кругосветным путешествием. И, помахав, исчез во тьме кинотеатра.

В тот же миг оттуда выскочил Нолан с высоко поднятой полупустой фляжкой:

— Дун уравнился!

— Отлично! Кланнери, пойди проверь, сидят ли они на противоположных концах четвертого ряда, как договаривались. Убедись, что кепки надеты, пальто застегнуты наполовину, шарфы обмотаны правильно. И доложи.

Кланнери скрылся в темноте.

— А как же билетер? — полюбопытствовал Снелл-Оркни.

— Внутри, смотрит фильм, — ответил Тималти. — Трудно же все время на ногах. Он мешать не будет.

— Уже десять тринадцать, — объявил Кланси. — Через две минуты...

— ...начнется отсчет времени? — сказал я.

— Ты мировой парень, — признал Тималти.

Выбежал Кланнери:

— Готово! Сидят на своих местах, все как надо!

— Почти конец! Как финал фильма, так музыка буйствует.

— Громче некуда, — согласился Кланнери. — Актриса поет, а за спиной у нее хор с целым оркестром. Пойду завтра посмотрю весь фильм полностью. Замечательный.

— В самом деле? — сказали все.

— А что за мелодия?

— Далась вам мелодия! — сказал Тималти. — Минута осталась, а вы — мелодия! Делайте ставки. Кто на Дуна? Кто на Хулихана?

Все загалдели, принялись передавать туда и сюда мелочь.

Я протянул четыре шиллинга.

— На Дуна, — сказал я.

— Ты же не видел его в деле!

— Он все равно что темная лошадка.

— Золотые слова! — Тималти вертелся как юла. — Кланнери, Нолан — в зал, судьями в проходах! Зорко следите, чтобы никто не вскочил раньше, чем покажется «Конец фильма».

Кланнери с Ноланом убежали, счастливые, как мальчишки.

— А теперь откройте проход. Янки, ты вместе со Снеллом-Оркни стой со мной.

Мы разбежались, чтобы построиться в живой коридор между двумя закрытыми дверями.

— Фогарти, прижмись ухом к двери!

Фогарти так и сделал. Его глаза округлились:

— Музыка чересчур громкая!

Один из братьев Келли толкнул в бок другого:

— Уже скоро. Кому суждено умереть, сейчас умрет. Кто выживет, склоняется над ним.

— Еще громче! — объявил Фогарти, прильнув к двери и крутя пальцами, словно настраивал радиоприемник. — Ага! Теперь точно громгласное «та-та-та-та» перед концом фильма.

— Они сорвались с мест! — пробормотал я.

— Тихо! — сказал Тималти. — Гимн! Приготовились!

Мы вытянулись в струнку. Некоторые козырнули, отдавая честь.

Но мы все по-прежнему смотрели на дверь.

— Слышу топот, — сказал Фогарти.

— Кто бы это ни был, он взял хороший старт до гимна.

Дверь с грохотом распахнулась.

Появился Хулихан, сияющий, запыхавшийся победитель.

— Хулихан! — воскликнули выигравшие.

— Дун! — взвыли проигравшие, я и Снелл-Оркни. — Где Дун?

Действительно, Хулихан пришел первым, а его соперник пропал.

— А если этот болван выбежал не в ту дверь? Мы ждали. Зрители разошлись.

Первым в опустевший вестибюль вошел Тималти.

— Дун? — позвал он.

Молчание.

— А может, он там?

Кто-то распахнул дверь мужского туалета:

— Дун?

Никакого отклика.

— А если он сломал ногу и лежит на спуске в проходе, корчась от боли?

— Ну конечно!

Все гурьбой понеслись сначала в одну сторону, потом шарахнулись и бросились в другую, к внутренней двери, влетели в зал и побежали вниз по проходу, а Снелл-Оркни с компанией и я — за ними по пятам.

— Дун!

Здесь нас дожидались Кланнери и Нолан. Они молча кивком указали вниз. Я дважды подпрыгнул, пытаюсь разглядеть что-нибудь за головами. В огромном зале было темно. Я ничего не увидел.

— Дун!

Наконец мы все столпились в проходе у чет-

вертого ряда. Я слышал их испуганные возгласы. Все глазели на Дуна.

Дун все еще сидел в четвертом ряду, со скрещенными руками и закрытыми глазами.

Неужели умер?

Нет.

Ему на щеку капнула слеза, крупная, блестящая и прекрасная. Вторая слеза, еще крупнее и не менее сверкающая, покатилась из другого глаза. Подбородок был влажным. Видно было, что плачет он уже давно.

Мы обступили его, склонились над ним, заглядывая в лицо:

— Дун, ты, часом, не заболел?

— Плохие новости?

— Боже мой! — вскрикнул Дун. Он замотал головой, чтобы обрести дар речи. — Боже мой, — наконец выдал он, — поистине она поет как ангел.

— Ангел?

— Там, — кивнул Дун.

Все повернулись, уставившись на погасший серебристый экран.

— Ты это про Дину Дурбин?

Дун вскрикнул:

— Вернулся сладкий голос моей умершей бабушки...

— Бабушкин зад! — вскинулся на него Тималти. — Когда это у нее был такой голос!

— Кому знать, как не мне?

Дун высморкался и приложил к глазам платок.

— Что же, из-за этой девицы Дурбин ты отказался от забега?

— Так и есть! — воскликнул Дун. — Именно! Выскакивать из зала после такого пения — кошунство. Все равно что прыгать по алтарю во время венчания или вальсировать на похоронах.

— Ты же мог нас предупредить, что состязания не будет! — грозно посмотрел Тималти.

— Каким образом? Пение овладело мною как божественный недуг. Та ее финальная песня, «Прекрасный остров Инишфри», скажи, Кланнери?

— Что еще она пела? — спросил Фогарти.

— Что еще она пела?! — возопил Тималти. — Мы только что лишились из-за него половины дневного заработка, а тебя интересует, что еще она там пела! Черт!

— Деньги, конечно, заставляют Землю вращаться, — согласился сидевший в кресле Дун, — зато музыка уменьшает трение.

— Что здесь происходит? — раздался чей-то голос сверху. С балкона, попыхивая сигаретой, свесился человек. — Вы чего шумите?

— Это киномеханик, — прошептал Тималти и громко сказал: — Привет, дружище Фил! Это же мы. Команда! У нас тут небольшая проблема, Фил, этическая, если не сказать эстетическая.

Мы вот подумали: а что, если ты еще раз прокрутишь нам гимн?

— Еще раз?

Послышался ропот выигравших, началась толкотня.

— Мудрая мысль, — сказал Дун.

— Угу, — съехидничал Тималти. — А то непреодолимая сила сковала Дуна по рукам и ногам.

— Заезженная лента тысяча девятьсот тридцать седьмого года вдавила его в кресло, — сказал Фогарти.

— Если все честь по чести... — Тут Тималти возвел свой просветленный взгляд к небесам. — Фил, старина, а последний ролик фильма с Динной Дурбин еще у тебя?

— Ну не в женском же туалете, — ответил Фил, не расставаясь с сигаретой.

— Каков остряк! Фил, может, прокрутишь нам конец фильма?

— Вы все этого хотите? — прокричал Фил.

Наступил тягостный момент нерешительности. Но сама идея повторного забега была слишком заманчива, чтобы от нее отказаться, хотя на кону стояли уже выигранные деньги. Все неубедительно закивали.

— Тогда я тоже с вами, — крикнул сверху кинемеханик. — Ставлю шиллинг на Хулихана!

Выигравшие засмеялись и заулюлюкали в предвкушении новой удачи. Хулихан картинно

помахал рукой. Проигравшие повернулись к своему бегуну.

— Слышишь, как над тобой издеваются, Дун! Парень, очнись!

— Только она запоет, заткни уши!

— По местам стоять! — скомандовал Тималти, протискиваясь сквозь толпу.

— А как же без зрителей? — спросил Хулихан. — Без них нет препятствий, нет истинного соревнования.

— А что, — Снелл-Оркни огляделся, — пусть все мы и будем зрителями.

— Снелл-Оркни, — сказал Тималти, — вы гений!

Все просияли и расселись по креслам.

— Можно сделать еще лучше, — заявил Тималти. — Почему бы нам не разбиться на команды! Дун и Хулихан, конечно, главные, но за каждого болельщика Дуна или Хулихана, который выберется из зала до гимна, начисляется дополнительное очко. Идет?

— Идет! — закричали все.

— Извините, — сказал я, — кто судья на улице?

Все посмотрели на меня.

— А-а, — сказал Тималти. — Нолан — на выход!

И Нолан, чертыхаясь, поплелся по проходу.

Фил высунулся из аппаратной:

— Эй вы, олухи, там, внизу, готовы?

— А девица с гимном?

И свет погас.

Я оказался рядом с Дуном, который зашептал как в горячке:

— Растолкай меня, не давай красотам оторвать меня от реальности, хорошо?

— Помолчи! — сказал кто-то. — Начинается таинство.

И действительно, то было таинство пения, творчества и жизни, если хотите. С экрана, отмеченного печатью времени, запела девушка.

— Не подведи нас, Дун, — прошептал я.

— Что? — ответил он. И кивнул с улыбкой на экран. — Ты только глянь, какая прелесть! Слышишь?

— Дун, у нас пари, — сказал я. — Приготовься.

— Ладно, — пробурчал он. — Дай размяться. А, черт, только не это!

— Что такое?

— Мне и в голову не приходило. Совсем отнялась. Правая нога. Пощупай. Нет, без толку. Омертвела!

— Онемела? — забеспокоился я.

— Онемела, омертвела, какая, к черту, разница. Мне крышка! Послушай, ты должен бежать вместо меня! Вот шарф и кепка!

— Твоя кепка?..

— Когда выиграешь, всем ее покажешь, и мы расскажем, что ты побежал из-за моей дурацкой ноги!

Я натянул кепку и повязал шарф.

— Но как же так... — возмутился я.

— Ты справишься! Запомни: пока не появится «КОНЕЦ»! Песня почти допета. Ты в напряжении?

— А ты как думаешь!

— Побеждает слепая страсть, сынок. Лети очертя голову. Если кого-нибудь собьешь, не оглядывайся. На старт! — Дун поджал ноги, чтобы я смог выбраться. — Песня кончается. Они целуются...

— Конец фильма! — крикнул я.

И выскочил в проход.

Я несся вверх по уклону, думая: «Первый! Впереди никого! Дверь!»

Я толкнул дверь, и грянул гимн.

Влетаю в вестибюль. Самое страшное позади!

«Победил! — мелькнуло в голове. — Я стою, увенчанный кепкой и шарфом Дуна, словно лаврами триумфатора. Я принес выигрыш всей команде!»

А кто пришел вторым, третьим, четвертым?

Я смотрел на дверь, пока она не захлопнулась.

И тут только услышал крики из зала.

Боже мой! Наверное, сразу шестеро ломятся не в ту дверь, кто-то споткнулся, упал, остальные — на него. А как еще объяснить, что я — первый и единственный? Там в эту секунду небось развернулась настоящая потасовка, обе команды вцепились друг в друга мертвой хваткой, кто стоя в полный рост, кто растянувшись

на полу, в креслах и под креслами. Вот что там сейчас происходит!

Мне хотелось закричать: «Я победил!» — чтобы драка прекратилась.

Я отворил дверь.

Вперился в черную бездну зала, где все застыло в неподвижности.

Подошел Нолан и выглянул из-за моего плеча.

— Полюбуйся на ирландцев, — сказал он, кивая. — Служение музам ставят выше спринта.

В темноте раздались крики:

— Еще! Снова! Последнюю песню! Фил!

— Не шевелитесь. Я наверху блаженства. Дун, как же ты был прав!

Нолан миновал меня и уселся в кресло.

Я долго стоял, глядя на ряды, где сидели команды спринтеров, не шелохнувшись, смахивая слезы.

— Фил, друг! — крикнул Тималти откуда-то с передних рядов.

— Готово! — прокричал в ответ Фил.

— И на этот раз, — добавил Тималти, — без гимна.

Аплодисменты.

Погасли тусклые огни. Экран засветился, как огромный теплый камин.

Я оглянулся и посмотрел на ослепительный, здоровый, трезвый мир Графтон-стрит, на паб, гостиницы, магазины, прохожих-полуночников. Меня терзали сомнения.

А потом, под музыку «Прекрасного острова Инишфри», я стянул кепку и шарф, запрятал свои лавры под кресло и медленно, с вожделем, без всякой суеты и спешки, прошел мимо Снелла-Оркни с его канареечной компанией и тихо погрузился в кресло...

ГЛАВА 30

Время расставания наступило незаметно.

— Но, ей-богу, — сказал Тималти, — вы же только что приехали!

— Мы нашли то, за чем пришли, сказали свое слово и посмотрели на ваш потрясающий спринтерский забег, за что премного вам благодарны. Нам ни к чему задерживаться дольше, — заявил высокий грустный счастливый пожилой юноша. — Цветам пора в теплицу... а то увянут за ночь. Мы всегда летим, несемся вприпрыжку, скачем. Мы в вечном движении.

Аэропорт потонул в тумане, и канарейкам ничего не оставалось, как заточить себя в клетку парома «Дан-Лэри», отходившего вечером в Англию, а я и постояльцы Финнова паба остались на пристани и смотрели, как те отплывают. Вон они, все шестеро, на верхней палубе, машут нам руками, а вот мы — Тималти, Нолан, Гэррити и остальные — машем снизу. А когда паром прогудел и отвалил, Главный Птичник кивнул, всплеснул правой рукой, и все запели: «По горо-

ду Дублину шел я впотъмах. Двенадцать пробили часы. И видел, как косу плетет при свечах дева небесной красоты».

— Боже мой, — сказал Тималти, — вы слышите?

— Они же все до единого сопрано! Сопрано! — воскликнул Нолан.

— Не ирландские, а истинные, настоящие сопрано, — сказал Келли. — Черт, что же они раньше не сказали? Если б мы знали, то могли бы наслаждаться их пением целый час до отхода.

Тималти кивнул и добавил, слушая, как мелодия плывет над волнами:

— Непостижимо. Невероятно. Как мне не хочется, чтобы они уезжали! Подумать только: сто лет, если не больше, люди твердят, что они все исчезли. Но теперь вернулись, пусть даже совсем ненадолго!

— Кто исчез? — спросил Гэррити. — Кто вернулся?

— Ну как же, — сказал Тималти, — эльфы с феями, конечно; они когда-то населяли Ирландию, а теперь их не осталось. Они заглянули к нам сегодня, и у нас изменилась погода. Теперь вот снова покидают нас, а некогда обитали здесь всегда.

— Помолчи! — прикрикнул Килпатрик. — Лучше слушай!

И мы, девять мужчин на краю причала, слушали, а паром уходил все дальше, и пели голоса, и стелился туман. Мы решились уйти, только

когда паром отошел совсем далеко и голоса растворились во мгле, как благоухание папайи.

Ко времени нашего возвращения в «Четыре провинции» повалил снег, который вскоре превратился в дождь.

ГЛАВА 31

Ночь длинных ножей.

Точнее, одного — гильотины.

«Если б я только знал» — как говорили герои приключенческих романов.

Когда все было кончено, мне напомнили об Илие, стоящем на сходнях, или как я покупаю карманного Мелвилла в книжном магазине на Беверли-Хиллз и слышу, как та странная женщина пророчит беду: «Не отправляйтесь в это путешествие».

И мой наивный ответ: «Он никогда не встречал никого подобного мне. Может, в этом разница».

Да. Конечно. Вся разница в том, что понадобилось чуть больше времени, чтобы подготовить глупого упрямца к молоту, бритве у горла и подвешиванию на крючок.

Ленин подобных мне простофиль называл «полезные идиоты».

Взять хотя бы персонаж Чаплина. Помните? Он переходит улицу, мимо проезжает грузовик с бревнами и роняет сигнальный красный флаг.

Чаплин его подбирает и бежит за грузовиком предупредить, что они обронили флаг. Тотчас же из-за угла выбегает толпа большевиков, невидимая Чаплину, а он стоит и размахивает флагом вслед грузовику. Появляются полицейские. Скручивают Чаплина, топчут красный флаг, а его колошматят и бросают в каталажку. Толпа, естественно, разбегается. Вот так-то...

Я в Дублине, размахиваю красным флагом перед Джоном. Или я на площади Согласия, куда съезжаются колымаги из Бастилии, и предлагаю ребятам помочь подняться на подмости гильотины. Только оказавшись наверху, я понимаю, куда попал, прихожу в ужас и падаю вниз в двух частях.

Такова жизнь наивных или тех, кто разыгрывает из себя невинного. Как однажды кто-то сказал мне: «Давай не будем чересчур наивными, ладно?»

Жаль, что я не прислушался к этому совету и не последовал ему однажды ночью в китайском ресторане, затерянном в туманах и дождях Дублина.

Это был один из тех вечеров, когда пророк Илия не помешал мне — как и я не помешал самому себе — слишком много выпить и наговорить Джейку Векерсу, его парижанке и еще трем-четырем гостям из Нью-Йорка и Голливуда.

То был один из тех вечеров, когда казалось: что бы ты ни делал, все безупречно. Один из ве-

черов, когда все сказанное тобой блестяще, отточено, предельно остроумно, когда любое вставленное слово взрывает все вокруг, когда окружающие хватаются за бока от хохота, дожидаясь твоего следующего выстрела, и ты не заставляешь себя ждать, пока все не окунется в теплую ванну веселья и вот-вот грохнутая на пол, корчась от твоей гениальности, накаленного до предела несусветного юмора.

Я сидел и слушал, как мой язык болтает, прицеливается и стреляет, и был ужасно доволен своим комическим даром. Все смотрели на меня и на мой язык, подмоченный алкоголем. Даже на Джона действовали мои дикие вылазки в область дружеского издевательства и осмеяния. У меня были припасены перлы для каждого сотрапезника, и, подобно встречающимся иногда в жизни специалистам-почерковедам, которые по нашей линии волос, бровям, подергиванию ушей, раздуванию ноздрей и оскалу зубов узнают больше, чем можно прочесть в наших горацевых звездах или на грифельной доске, — подобно им, я полагался на очевидное. Если мы не выдаем себя своим почерком, одеждой или запахом алкоголя, нас выдает наше дыхание, или малейший кивок, или покачивание головы, когда специалист по почерку вынюхивает, чем мы полоскали рот или выйдет ли из нас гений. Итак, выстроив своих друзей у стенки, я расстреливал остротами их привычки, позерство, претензии, возлю-

бленных, творческие достижения, недостаток вкуса, непунктуальность, ненаблюдательность. Я надеялся, что все делается мягко и в дальнейшем не останется ни шрамов, ни ссадин. Так что я сверлил дыры в масках и личинах, насыпал туда серу и поджигал. После взрыва оставались чумазные физиономии, но обходилось без оторванных пальцев. В какой-то момент Джейк возопил:

— Остановите его, кто-нибудь!

Ибо следующей жертвой я наметил самого Джона.

Я повременил, чтобы собраться с духом. Все приглушили свой взрывной смех и уставились на меня горящими глазами, требуя продолжения. Настал черед Джона. Гвозди его!

И вот я сижу рядом с моим героем, моей любовью, моим замечательным, добрым, отменным, утонченным другом, и неожиданно хватаю его за руки:

— Джон, ты знал, что я тоже один из величайших в мире гипнотизеров?

— Неужели, малыш? — засмеялся Джон.

— Э-э! — закричали все.

— Да, — сказал я. — Гипнотизер. Величайший в мире. Кто-нибудь, наполните мой стакан.

Джейк Викерс налил мне джинну.

— Пей до дна! — завопили все.

— Пью, — сказал я.

«Нет», — прошептал кто-то внутри меня.

Я сжал запястья Джона:

— Я собираюсь загипнотизировать тебя. Не бойся!

— Тебе не напугать меня, малыш, — сказал Джон.

— Я собираюсь помочь тебе решить одну проблему.

— Какую же это, малыш?

— Твоя проблема... — Я внимательно посмотрел на его лицо и напряг мозги. — А, вот в чем твоя проблема.

Неожиданно у меня с языка слетело:

— Я не боюсь лететь в Лондон, Джон. Я не боюсь. Боишься ты. Ты боишься.

— Чего же я боюсь, Г. У.?

— Ты боишься парома «Дан-Лэри», который ходит ночью по Ирландскому морю по огромным волнам в мрачные шторма. Ты этого боишься, Джон, поэтому говоришь, что я боюсь летать, а на самом деле это ты боишься моря, судов, штормов и длинных ночных рейсов. Так, Джон?

— Ну, раз ты говоришь, малыш, — ответил Джон, натянуто улыбаясь.

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе с твоей проблемой, Джон?

— Помоги ему, помоги, — сказали все хором.

— Считай, что тебе помогли. Расслабься, Джон. Расслабься. Не бери в голову. Спи, Джон, тебе уже хочется спать? — бормотал я, и шептал, и возвещал.

— Ну, если ты так говоришь, малыш, — сказал Джон.

Его голос не был весел, ну, может, вполонину, глаза бдительны, сжатые мною кисти рук напряжены.

— Стукните его по голове кто-нибудь! — воскликнул Джейк.

— Нет-нет, — засмеялся Джон. — Пусть продолжает. Давай, малыш, гипнотизируй меня.

— Ты уже в трансе, Джон?

— На полпути, сынок.

— Дальше, Джон. Повторяй за мной: «Это не Г. У. боится летать».

— Это не Г. У. боится летать...

— Повторяй: «Это Джон боится треклятого непроглядного ночного моря и тумана на пароме из Дан-Лэри в Фолкстон!»

— Согласен, малыш, так и есть, так и есть.

— Джон, ты в трансе?

— Глубже, малыш.

— Когда проснешься, ничего не будешь помнить, кроме того, что ты отныне не боишься моря и перестанешь летать самолетом, Джон.

— Я не запомню ничего.

Джон закрыл глаза, но мне было видно, как под веками дергаются его глазные яблоки.

— И через две ночи, подобно Ахаву, ты выйдешь со мной в море.

— Что может сравниться с морем, — пробормотал Джон.

— При счете «десять» ты пробудишься, Джон, в отличной форме, освеженный. Один, два... пять... десять. Просыпайся!

Джон широко раскрыл свои глаза-шары и огляделся по сторонам.

— Боже мой, — воскликнул он, — вот это, я понимаю, глубокий сон. Где я был? Что случилось?

— Ладно, Джон, кончай! — сказал Джейк.

— Джон, Джон! — завопили все наперебой.

Кто-то, довольный, ущипнул меня за руку. Кто-то другой потрепал меня по голове — по голове ученого мужа, идиота.

Джон заказал всем выпивку.

Ссутулившись, он задумчиво уставился в пустой стакан, затем пристально посмотрел на меня:

— Ты знаешь, малыш, я вот думаю...

— Что?

— Может...

— Да?

— Может, мне поехать с тобой на этом чертовом пароме через две ночи, а?..

— Джон, Джон! — взревели все.

— Остановите это! — кричал Джейк, откинувшись на спинку стула, с лицом, расколотым гримасой хохота.

Остановите это.

Мое сердце тоже, если угодно.

Я забыл, как прошел остаток вечера и чем он завершился. Припоминаю только море выпивки

и ощущение безграничной власти над окружающими, которые, как мне казалось, восторгались моими язвительными шуточками, искусным обращением со словами, искрометностью моих ответов. Я был артистом балета, потешно балансирующим на проволоке. Я не мог свалиться. Я был само совершенство и восхищение, ужасно милый симпатяга марсианин.

Как обычно, у Джона при себе не оказалось наличных.

Джейк Викерс оплатил счет за всех нас восьмерых. Выходя на затуманенную, залитую дождем улицу, Джейк склонил голову набок, прищурил один глаз и просверлил меня другим.

— Ты маньяк! — сказал он, хохоча.

Вы слышите протяжный свист гильотины, рассекающей ночь...

Прямо мне по загривку.

На следующий день я разгуливал без головы, но никто ничего не сказал. Пока не пробило пять вечера, когда Джон неожиданно пришел в мой номер в отеле «Ройял хайберниен».

Не помню, сел ли Джон после того, как вошел. На нем было кепи и легкое пальто, он расхаживал по комнате, пока мы обсуждали какую-то мелочь, которую нужно было переписать перед моим отплытием в Англию через два дня.

Посреди нашей Ахав-Китовой беседы Джон запнулся и сказал, как будто это только что пришло ему в голову:

— А, да. Тебе придется изменить планы.

— Какие планы, Джон?

— Вся эта дребедень насчет твоего отплытия на пароме в Англию. Ты мне нужен срочно. Верни билет на паром и лети со мной в Лондон в четверг вечером. Всего час лету. Тебе понравится.

— Не могу, — сказал я.

— Хватит, не создавай проблем...

— Ты не понимаешь, Джон. Я до смерти боюсь самолетов.

— Ты мне уже говорил, малыш. Теперь пора с этим кончать.

— Может, в будущем, но, извини, Джон, я не могу лететь с тобой.

— Похоже, ты трусишь, малыш.

— Да! Признаю. Ты всегда это знал. Ничего в этом нового нет. Я самый трусливый трус, каких тебе приходилось видеть.

— Тогда преодолей в себе это. Лети! Сэкономить целый день.

— Боже, — простонал я, откидываясь на стул. — Я не боюсь провести ночь в море. Паром отходит около десяти вечера. И доходит до английского порта не раньше трех-четырех утра, в безбожное время. Я не буду спать. Меня, возможно, укачает. Тогда я сяду в поезд до Лондона. Он прибывает на вокзал в семь тридцать утра. К восьми пятнадцати я буду в гостинице. К восьми сорока пяти я быстро позавтракаю и побреюсь. К девяти я буду у тебя в

гостинице, готовый к работе. Время не теряется. Я буду заниматься Белым Китом, как только ты...

— Ну хватит, сынок. Ты летишь со мной.

— Нет-нет.

— Нет, летишь, трусливый ублюдок. А если нет...

— То что, что?

— Тебе придется остаться в Дублине!

— Чего-чего? — взревел я.

— Лишу тебя отпуска. Не видать тебе заключительных недель в Лондоне.

— Это после семи-то месяцев?!

— Именно! Останешься без отпуска.

— Не имеешь права!

— Еще как имею. И это еще не все. Лори, наш секретарь, тоже лишится отпуска. Она застрянет вместе с тобой.

— Не смей так поступать с Лори. Она вкалывает двадцать четыре часа в сутки по семь дней в неделю вот уже битых шесть месяцев!

— Ее отпуск будет отменен, если ты не полетишь со мной.

— О-о, Джон! Джон, нет!

— Если ты не наберешься храбрости, малыш.

Хватит трусить.

Я вскочил:

— Ты что, действительно собираешься так с ней поступить? Из-за меня?

— Вот именно.

— Ну тогда мой тебе ответ будет — нет.

— Что?

— Ты слышал. Лори едет в Лондон. Я еду в Лондон. И мы едем как нам хочется, покуда это не мешает нашей работе и завершению работы над сценарием. Я еду всю ночь и вовремя прибуду в отель «Кларидж» в пятницу утром. Ты не можешь это ни оспаривать, ни отменять. Я буду там. Я отплываю на пароме. Ты не можешь заставить меня лететь ни на каком распроклятом самолете.

— Что?

— Что слышал, Джон.

— Твое последнее слово?

— Мне — паром, тебе — самолет. Все.

Джон встал на дыбы, натянул невидимую накидку или обернул шарф вокруг шеи и вихрем вылетел из номера большими шагами, словно Тоска, готовая прыгнуть со стены замка. Громыкнула дверь.

Я в отчаянии плюхнулся на стул.

— Боже! — завопил я стенкам. — Какой же я недоумок! Что я наделал!

Следующие полтора дня Джон отказывался со мной разговаривать. Мы дошли до того места в сценарии, где отпуск был бы очень кстати, если не совершенно необходим. Мне оставалось дописать страниц сорок, и нам нужна была передышка, но вместо этого мы только дышали друг другу в лицо. Когда я входил в комнату, Джон поворачивался и начинал говорить с другими людьми. В обед или за ужином, разъез-

жая по Дублину в машине или такси, он смеялся и шутил с Джейком, но ни словом, ни взглядом не обращался ко мне. Меня не существовало. Я был отринутая любовь, навсегда забытая и непрощенная жена. Чудесное супружество окончилось крахом. Мне полагалось возмездие за сеанс гипнотической магии с камнями, скалами и бритвенными лезвиями, хотя я не сразу об этом догадался. Но это не все. Он не хватал и не швырял в меня чем попало. Я как будто улетучился. Меня не было в комнате. Если его взгляд скользил по мне, то просто пронизывал, как рентген, и устремлялся в какую-нибудь другую точку. У меня не было даже слабой надежды, что он заговорит обо мне хотя бы в прошедшем времени.

После целого дня такого обращения я отвел Джейка Викерса в сторону в холле отеля «Ройял хайберниен».

— Джейк, — прошептал я, потому что Джон проходил мимо в обеденный зал с пятью-шестью друзьями. — Что, черт возьми, происходит?

— Что ты имеешь в виду?

— Я существую или нет? Когда Джон снова снизойдет до разговора со мной?

Джейк тихо усмехнулся:

— Это розыгрыш.

— Розыгрыш? — заорал я. — Розыгрыш!

— Не подавай виду.

— Не подавать!

— Меня разве что не сорвало на сопрано.

— Не так громко. Если он услышит, что ты не в себе, то этим ты доставишь ему удовольствие. Тогда тебе точно придется худо.

— Мне и так худо. Я не могу это выносить! Он знает, что я отплываю на пароме назло ему?

— Думаю, да. Ты расстроил его розыгрыш, понимаешь?

— Он угрожал Лори тоже. Она летит с ним?

— Да, летит.

— Слава богу. Он говорил, что собирается отыграться на ней, заставить ее остаться тут, отменить ее отпуск...

— Она едет. Успокойся.

— Я бы успокоился, если б мог выдернуть этот железный якорь из своего желудка.

— Веди себя как ни в чем не бывало. Ты тоже не обращай на него внимания. Не смотри на него. Он должен наконец понять, что тебе наплевать, что ты не раздражен.

— Ты требуешь, чтобы я превратился в Лоуренса Оливье.

— Ничего, разыграй его, парень, — сказал Джейк.

Я играл. Смеялся. Болтал со всеми. Я даже осмелился громко заявить, что пока Джон очень высокого мнения о моем сценарии. Но Джон мешал ложкой суп, намазывал маслом хлеб и резал бифштекс, глядя в сторону, на потолок или на

своих друзей, а мои внутренности тем временем тяжелели, как цемент.

А потом случилось чудо, которое положило конец сценарию и заставило Джона снова со мной разговаривать.

ГЛАВА 32

Семь утра.

Я проснулся и уставился на потолок, словно он сейчас обрушится на меня — ослепительно-белая плоть, безумный немигающий глаз, бьющийся в нетерпении хвост. Я был в страшно возбужденном состоянии. Мне представилось одно из тех мгновений, когда перед землетрясением кошки и собаки как ошпаренные удирают из дому; когда незримая, неслышная дрожь раскачивает пол и балки, а ты приготовился к чему-то, что вот сейчас нагрянет, но будь ты проклят, если знаешь, что это.

Я быстро сел на кровати, опустил ноги, коснулся ступнями пола, встал, прошел мимо пишущей машинки к зеркалу и провозгласил:

— Я Герман Мелвилл!

Снова сел, по-прежнему разглядывая себя, чтобы запечатлеть этот образ, и принялся печатать, по большей части не глядя на клавиши, удерживая в памяти этого молодого человека, постаревшего за ночь, чтобы он не ускользнул от меня.

С верой в это я сидел за машинкой и последующие семь часов писал и переписывал последнюю треть сценария и отрывки в середине. Я не ел до самого вечера и только тогда заказал в номер сандвич, который проглотил тут же за машинкой, не переставая печатать, опасаясь потерять, упустить ниточку, если отвечу на телефонный звонок. Никогда, ни до, ни после этого, я не печатал столь долго, упорно, стремительно. Если я был не Германом Мелвиллом, то уж по крайней мере — его планшеткой с буквами и знаками для спиритических сеансов, по которой он заставлял передвигаться мою спиритическую досочку. Или, может, его литературная мощь, сжатая все эти месяцы, зафонтанировала из моих пальцев, словно я отвинтил краны. Я бормотал и мурлыкал, скорбел и кричал все утро, весь полдень и во время моего обычного послеполуденного сна. Но усталости не было, только неистовый, упорный, радостный, победоносный стук по клавишам, страницы, разлетающиеся по полу: Ахав, громогласно призывающий к разрушению из-за моего правого плеча, Мелвилл — к созиданию из-за левого.

Наконец метафоры улеглись каждая на свое место, состыковались, соприкоснулись, сплывались. Крохотные — с маленькими; те, что поменьше, — с большими; те, что побольше, — с грандиозными. Эпизоды, разделенные сценами и страницами, перетасовывали сами себя, как набор китайских стаканчиков, которые то скла-

дываются, то раскладываются, чтобы вместить разное количество воды, — но в данном случае, ей-богу, это было вино из погребов Мелвилла. Иногда я заимствовал некоторые абзацы или целые главы из конца книги и переставлял в начало, а сцены из середины — в конец; эпизоды же, которые напрашивались в середину, приберегал для финальных или больших сцен.

После того как я прибил к мачте испанский золотой дублон, все стало быстро выстраиваться вокруг и нанизываться на эту сцену. Если бы я с самого начала не ухватился за нее, прочие метафоры, вроде рыб-лоцманов, прилипал и акул, могли бы никогда не выйти на поверхность и не поплыть в обесцвеченной тени Кита. Сперва хватай метафору покрупнее, остальные вылезут за ней следом. Не марайся о сардин, когда впереди маячит Левиафан. Как только Кит будет в твоих руках, он засосет их миллиардами.

Золотая монета, казалось бы, такая маленькая, а на самом деле — огромный символ, который воплощает в себе все, о чем мечтает моряк, помимо того, чего так безумно жаждет Ахав. Он жаждет завладеть душами своих людей, и в то время как его душа алчет уничтожения Моби Дика, он дьявольски мудро использует золотой дублон для приманки и вознаграждения. Отсюда корабельный молот и выкованный гвоздь — ослепительный символ солнца-власти и награда, прибитая к мачте с обещанием, что золото хлынет из ран Моби Дика в их протянутые пригорш-

ни. Их страстное поклонение чеканному золоту невидимыми нитями связано с равной по силе страстью Ахава к настоящим ранам и настоящей крови Чудовища.

Команда корабля еще ничего не знает, но когда они слышат, как молот забивает гвоздь в монету, то понимают, что это заколачивается крышка их морского гроба.

Когда Ахав кричит, что первый, кто увидит Кита, получит этот дублон, матрос покорно лезет на мачту.

Не успевает он забраться наверх, как падает в море.

Не успевает он упасть в море, как его проглатывает волна, безвозвратно. Море голодно. И море принадлежит Белому Кита. Его не подкупить и не умилоствивить.

Не успевает погибнуть человек, как волны успокаиваются, паруса повисают складками, словно кожа на издыхающем слоне. Корабль пришит к морю, так же как золотая монета навечно прибита к мачте.

В штиль экипаж начинает чахнуть и вымирать. Моральный дух истощенных ожиданием людей, испепеленный, словно солнцем, золотой монетой, начинает падать.

За долгие, страшные, бесконечные дни затишья Квикег выбрасывает кости, которые предсказывают его гибель, и сколачивает себе гроб. Так в затяжной знойной тишине и ожидании мы слышим, как обстругивается его гроб, прикола-

чиваются доски и с шелестом опадает стружка с гордого пера на бритой макушке — символа его племенной власти.

Квикег прощается со своим другом и впадает в смертный транс. Как его спасти? Как вывести из этого жуткого кататонического состояния?

Мелвилл не предлагает никакого решения.

В один момент Квикег в оцепенении по своей тайной воле проваливается в небытие, а в следующий — разгуливает как ни в чем не бывало.

Я подумал, что только любовь способна разрушить чары. Такая заурядная вещь — дружба. Если бы Измаилу угрожали смертью, разве Квикег из бездны своего внутреннего убежища не восстал бы, пробужденный надвигающимся убийством? Мне это показалось сильным, а значит, закономерным решением. Пусть тогда моряки сначала угрожают умирающему Квикегу. Измаил заступает за него, когда видит, как матрос вырезает ножом новую татуировку на бесчувственной плоти друга. Так Измаил доказывает свою любовь. Теперь, когда моряк набрасывается на Измаила, чтобы перерезать ему горло, разве не логичнее будет, если Квикег, тайком увидев доказательство дружбы Измаила за миг до этого, стряхнет с себя смертный транс и заслонит его от убийцы? Да, и еще раз да.

А момент, когда Квикег хватается матроса, переламывает о колено и убивает, — разве не пре-

восходный это миг для, ах, господи, для появления Белого Кита?!

И опять да.

Кит замечен, поднята тревога. Моби Дик то вздымается, то проваливается в волны. Ахав шагает по палубе, и команда у поручней смотрит, не мигая, на великое белое чудо. А Квикег после своего спасения уже не может вернуться в гроб, когда Ахав кричит своим людям грести прочь — из этого молчания, из этой неподвижности, проклятого заштиленного моря.

Команда хватается за весла, преследуя Моби Дика, и выгребает на ветер!

Ах, боже! Благословенный ветер!

И я там сидел на веслах — целый день.

Начинается с монеты на мачте и долгожданного ветра в поникших высоких парусах. Моби Дик увлекает их вокруг света.

То, что последовало за этим как метафора, казалось неизбежным в тот день сочинительства.

Ахав осмеливается вытянуть себя на веслах из штиля.

И что же? Тайфун ему в наказание за это преступление!

А вместе с ним — повреждение «Пекода», и огни святого Эльма разгораются на мачтах и на острие гарпуна Ахава.

«Они лишь освещают нам путь к Моби Дику!» — кричит капитан.

Ахав пренебрегает штормом и прихлопывает огонь на гарпуне кулаком:

«Вот так я гашу огонь!»

Огни святого Эльма погасли, шторм улегся.

Итак, расчищена сцена для последнего спуска вельботов в погоне за Моби Диком.

Я выстукиваю на машинке эпизоды падения моряка с мачты, штиль на море, появление Белого Кита, несостоявшуюся гибель Квикега и Измаила, спускается вельбот, Кит загарпунен, Ахав привязывает себя к Чудовищу, погружение, гибель, Ахав показывается, мертвый, призывая свою команду преследовать, следовать в... пучину. Я голоден, мне безумно приспичило сбегать в туалет, вернуться, срочно позвонить и заказать сэндвичи. Наконец под вечер, шесть-семь часов спустя, я откидываюсь на спинку стула, прикрыв глаза руками, и ощущаю на себе чей-то взгляд. Смотрю вверх — и вижу старика Германа, он все еще тут, но выдохся, обращается в призрака, исчезает. Потом я звоню Джону и спрашиваю, можно ли к нему приехать.

— Но странно как-то, — сказал Джон, — не похоже на тебя.

— Не на меня. На него.

— На кого?

— Не важно. Все кончено.

— Что кончено?

— Скажу, когда приеду.

— Пошевеливайся, малыш, поторапливайся.

Через час я бросил ему на колени сорок страниц.

— Кто звонил по телефону? — пошутил он.
— Не я, — сказал я. — Читай.
— Иди во двор и погоняйся за быком в поле.
— Тогда придется его убить. Я сегодня отмен-
но себя чувствую.

— В таком случае налей себе выпить.

Так я и сделал.

Спустя полчаса Джон вошел в кабинет, оша-
рашенный, словно от оплеухи.

— Боже, — сказал он. — Ты был прав. Все
кончено. Когда съемки?

— Это ты мне скажи, Джон, — ответил я.

— Это старик Герман нашептал тебе на ухо?

— Наорал.

— Слышу отголоски, — сказал Джон. — Черт
возьми. Кстати, — добавил он, подумав, — на-
счет поездки в Лондон.

— Ну?

Я сжался в комок и зажмурился.

— Отправляйся на пароме, — сказал Джон.

ГЛАВА 33

Став на полгода старше, я на следующий день
объявился у Финна, гонимый дождем, который
дождался, чтобы унести меня потом обратно.

Я пристроил свой багаж у стойки бара, обло-
котившись на которую Финн разглядывал мои
вещи, так же как Дун, Майк и все остальные.

— Что, уезжаешь? — спросил Финн.

— Да.

Обитатели паба обернулись и перестали пить из своих разнокалиберных стаканов.

— Случилось знаменательное событие, — сказал я. — Неожиданность.

— Такие вещи здесь всегда приветствуются. — Финн поставил на стойку «Гиннесс». — Поделишься с нами?

— После всех проведенных здесь часов, дней, недель и месяцев я проснулся вчера утром, — сказал я, — подошел к зеркалу, постоял, посмотрелся в него, бросился к своей машинке и без передышки печатал семь часов. Наконец в четыре часа дня я написал «КОНЕЦ» и позвонил в Коргаун-хаус сказать, что все кончено, готово. Поймал такси, приехал и бросил ему на колени сорок страниц. И мы открыли бутылку шампанского.

— А вот еще одна, — сказал Финн и хлопнул пробкой.

Мы угостили всех и наполнили мой стакан.

— Вчера, — спросил Дун, пока все ждали, — сам ли ты двигал своей рукой и сочинял сцены?

— Герман Мелвилл ли я?

— Он самый.

— Нет, — ответил я. — Он нагрязнул, но не смог остаться. Я обирал его все эти дни и месяцы, читая и перечитывая, чтобы быть уверенным, что он влился в мою кровь, проник в нервы, что я смотрю его глазами. Он пришел, пото-

му что я его призвал. Подобные духи надолго не остаются. Они отдают себя и уходят.

— Представляю, что ты пережил, — сказал Дун.

— Не описать. Когда-нибудь ты увидишь это на экране.

— С Божьей помощью, — сказал Финн.

— Да, — сказал я, кивая, — с Божьей.

— За Германа Мелвилла внутри или снаружи этого молодого человека! — сказал Дун.

— За Германа Мелвилла! — повторили все.

— А теперь что же, прощаемся? — сказал Финн.

— Ты когда-нибудь вернешься? — спросил Дун.

— Нет, — ответил я.

— Реалист, — заметил Финн.

— Это справедливо, — объяснил я. — Я живу так далеко и не летаю самолетами. И маловероятно, что мне снова доведется поработать в Ирландии. А если пройдет слишком много времени, мне не захочется возвращаться.

— Да, — сказал Тималти, — мы все состаримся или помрем, или и то и другое, и не на что будет смотреть.

— В моей жизни это было замечательное время, — признался я, смакуя последний стакан.

— Ты улучшил нашу погоду, — ласково сказал Дун, сморкаясь.

— Все равно, — встрепенулся Майк, — давай сделаем вид, что когда-нибудь ты вернешься, и

тогда, подумать только, сколько всего накопится, о чем рассказать и чем обогатить тебя.

— Да, — подхватили все.

— Это самый большой соблазн, — улыбнулся я. — Осмеюсь сказать, что буду скучать по всем вам.

— Да ладно уж, — тихо пробурчал Финн.

— Черт возьми! — воскликнули остальные, глядя на меня как на сына.

— Прежде чем ты уйдешь, — сказал Финн. — Кстати. Об ирландцах. Расставил ли ты все точки над «i»? Как бы ты мог описать...

— Воображение, — тихо произнес я.

Тишина. Все ждут.

— Воображение, — продолжил я. — Боже праведный, все не так. Где ты? На островке со спичечную головку за девять тысяч миль к северу посреди ничего!! Какие тут богатства? Никаких! Какие природные ресурсы? Всего один — находчивость, золотые умы — у всех, кого я здесь встречал! Ум, который светится в глазах, слова, слетающие с языка в ответ на события не крупнее игольного ушка! Из такой малости вы собираете так много; выжимаете последнюю унцию жизни из цветка с одним лепестком, из беззвездной ночи, из дня без солнца, из кинотеатра, населенного, словно привидениями, старыми фильмами, из шишки на голове, которую Америка принялась бы лечить пластырем. Здесь и повсюду в Ирландии жизнь. Кто-то подбирает нить, кто-то за-

вязывает на ней узел, третий приделывает дугу, и к утру готов ковер на полу, занавеска на окне, поющий гобелен из струн арфы на стене, и все они берут начало от этой нитки! Церковь держит страну на коленях, страна захлебывается от непогоды, политиканы загоняют в могилу... но Ирландия по-прежнему устремлена к тому дальнему выходу. И знаете, ей-богу, я думаю, она найдет этот выход!

Я прикончил свое шампанское, а потом пошел по кругу пожимать всем руки и немного тыкать в каждое плечо кулаком:

— До свидания, Тималти.

— Парень.

— Пока, Ханнаган.

— Малыш.

— Мистер Келли, мистер О'Брайен, мистер Банион.

— Парень. Янки. Мальчик мой.

— Мистер Дун, не переставайте бегать спринтерские дистанции.

— Я всегда готов.

— Мистер Финн, не переставайте подливать.

— Источник никогда не иссякнет.

В дверях я обернулся посмотреть на них, выстроившихся в ряд, как на фото. Я был рад, что они не вышли меня провожать. Все было как в старом кино. Я посмотрел на них, они — на меня.

— Попутного ветра, янки.

— Благослови вас Господь, мистер Финн.

Они помахали руками, я помахал и вышел за дверь.

Майк сел за руль своего автомобиля «Нэш» 1928 года выпуска.

— Помолись, чтобы завелся, — сказал он.

Мы помолились. Завелся. Мы покатали по дороге к Ирландскому морю, в порт, вон из 1918, 1922, 1929, 1945 и 1953 годов. Я не стал оглядываться на Финнов паб, исчезнувший из виду в прошлом. Мокрыми от слез глазами я увидел, что, о боже, холмы зеленые. Да. Холмы были зеленые.

ОСТРОВ НЕВЕЗЕНИЯ

Ирландия и ирландцы — одна из любимых «этнических» тем Рэя Брэдбери (наряду с латиноамериканским циклом). В разные годы он посвятил этой стране и ее народу немало рассказов. (Здесь нужно оговориться, что речь идет об Ирландской Республике.) Книга «Зеленые тени, Белый Кит» (1992) состоит на одну треть из обновленных текстов ранее опубликованных произведений: «Страшная авария в прошлый понедельник», «Охотничья свадьба», «Ужасный пожар в усадьбе», «Нищий на мосту О'Коннела», «Призраки нового замка», «Одну за его светлость и одну на дорожку», «Как бы пережить воскресенье», «Первая ночь поста», «Отродье Макгиллахи», «Банши», «Холодный ветер, теплый ветер», «Спринтерский забег до гимна». Остальное — новые главы. А всего их — 33.

Этой книги не было бы, если бы известный голливудский режиссер Джон Хьюстон в 1953 году не предложил Брэдбери написать сценарий к фильму «Моби Дик» (1956). Так Рэй Брэдбери

из жаркой Калифорнии попадает на Изумрудный остров, а точнее, в исключительную ливнями, промозглую Ирландию. Фильм снимался там же, в местечке Йол. Но книга не о том, как писался сценарий, хотя непростые отношения с режиссером наложили на нее отпечаток.

Брэдбери делится наблюдениями и открытиями, сделанными в Ирландии, своим видением страны и ее культуры, которую он познавал в ежедневном общении с окружением. Герои книги — простые ирландцы, с трудом сводящие концы с концами в тяжелые времена и коротающие дни за кружкой пива (оно же эль и «Гиннесс») или стаканом виски, но самое главное для них — беседа, «душевный разговор». У ирландцев развита разговорная культура. Они любят поговорить, но не болтать и умеют слушать толкового собеседника. Неспроста добрая половина романа состоит из диалогов.

Остановимся на некоторых реалиях жизни, встречающихся в книге, которые отличают Британские острова, и Ирландию в частности, от остального мира. Особого комментария, несомненно, заслуживает паб, где разворачиваются основные события романа. Паб (pub) — это сокращенное «public house». Дословный перевод этого сочетания — классический пример «ложных друзей переводчика». Попытка перевести это слово как «пивная» («трактир», «кабачок», «рюмочная») тоже ни к чему хорошему не приведет. У нас сразу возникают знакомые ассоциации

с подозрительными заведениями, которые более метко окрещены «гадюшниками».

А паб все же соответствует своему полному английскому названию: это помещение, где собирается публика, место общения, — и последнее для завсегдатаев паба не менее важно, чем сами напитки. Характерной особенностью ирландского паба является то, что человек со стороны здесь не будет обойден вниманием, не окажется в одиночестве. Бармен может стать местной достопримечательностью, если он яркая личность (как Гейбер Финн), но истинные создатели атмосферы и духа в пабе — это старые завсегдатаи: отменные рассказчики, питухи и песнопевцы. Кто-то может затянуть старинную ирландскую балладу просто для собственного удовольствия, и все вокруг начинают слушать, потом аплодируют и угощают стаканчиком для поддержания вдохновения. Наряду с возможностью общения в пабе ценится и возможность уединения в нишах или закутках (что видно по книге). По воскресеньям пабы закрыты до окончания литургии (глава 21), что действует на население удручающе, зато из церкви все направляются напрямик в паб. Сюда ходят и в одиночку, и всей семьей, в том числе с маленькими детьми. Когда выпивка ударяет в голову, случаются потасовки, но без особо тяжелых увечий. Пол иногда посыпают опилками, чтобы легче было подметать глину, нанесенную фермерами. Так что pub — это паб и переводу не подлежит.

И раз уж мы заговорили об ассоциациях, спросим себя, с чем у нас ассоциируется сама Ирландия (Eire) или, перефразируя Высоцкого, «чем славится ирландская культура». Кто-то, вероятно, вспомнит ирландское пиво «Гиннесс» и одноименную Книгу рекордов. Английское слово «виски» произошло от ирландского (гэльского) «uisce beatha», что означает «живительная влага», «живая вода» (или, как полагает священник в главе 26, «жизненная сила»). Идея добавлять виски в кофе с сахаром и сливками тоже впервые пришла в голову ирландцам, отсюда — ирландский кофе (глава 1).

Ирландская Республика состоит из четырех провинций: Ленстер, Манстер, Ольстер, Коннот; национальный символ — трилистник (ср.: у англичан — роза, у шотландцев — чертополох, у валлийцев — лук-порей и нарцисс). Один из почитаемых музыкальных инструментов — арфа, она изображена на национальном гербе. Игрой на арфе кельтский бог изобилия вызывал смену времен года. Одно из любимых развлечений — скачки и собачьи бега. Ежегодно ирландцы ставят на тотализатор десятки миллионов фунтов.

Источник тепла — торф, добываемый на живописных болотах. Все это встречается на страницах книги.

Время от времени персонажами упоминается Ирландская республиканская армия (ИРА). Брэдбери не дает ей никаких оценок, предоставляя это читателю. Про себя же отметим, что для

английской полиции нет врага страшнее, чем боевики ИРА. Тут уместно будет упомянуть и Пасхальное восстание 24 апреля 1916 года (глава 12), которое унесло жизни более четырехсот человек, а пятнадцать его руководителей, и среди них поэт Патрик Пирс, были расстреляны.

У Брэдбери в книге зримо и незримо присутствуют знаменитые ирландцы Оскар Уайльд (глава 28) и Джонатан Свифт (глава 23), а Бернард Шоу становится одним из персонажей (глава 26). Мост О'Коннела (глава 13) назван в честь адвоката и общественного деятеля, который отстаивал права ирландцев, за что получил прозвище Освободитель. Джон Синг (глава 12) писал новаторские пьесы; после премьеры одной из них на усмирение публики, которая грозила разнести театр, было брошено пятьсот полицейских (больше, чем зрителей). Неудивительно, что после этого ирландский национальный театр считается одним из вдохновителей движения за независимость и восстаний против Великобритании.

Примечательно, что маленькая Ирландия дала миру трех нобелевских лауреатов по литературе: это Джордж Бернард Шоу, Уильям Йейтс и Сэмюэл Беккет. Вспомним и других известных литераторов ирландского происхождения. Это Оливер Голдсмит, Ричард Шеридан и Джеймс Джойс, говоривший: «Наша прекрасная родина всегда посылает своих писателей и художников в изгнание». Но не только их. Многие ирландцы добивались успехов именно за пределами своей

страны, например клан Кеннеди, и в частности 35-й президент США Джон Ф. Кеннеди.

Массовый исход из Ирландии, длившийся десятилетиями и обострившийся во время очередного голода, вызванного неурожаем картофеля, приостановился сравнительно недавно. Брэдбери еще застал то время, когда люди покидали свой остров. Достаточно сказать, что население Ирландии, которое в 1841 году составляло восемь миллионов, к 1880 году уменьшилось до двух миллионов из-за картофельного голода и эмиграции (глава 1). Нынешнее же население страны насчитывает три с половиной миллиона.

Важное место в мировой литературе занимают ирландские саги и легенды. В книге упоминаются существа из ирландской мифологии: банши, феи, эльфы, норны. Один из главных персонажей — Гебер Финн — носит имя мифического героя Финна Маккула.

Потомки кельтов, ирландцы сохранили гэльский язык, принадлежащий к кельтской группе индоевропейских языков. Англичане пытались нанести удар сразу по двум важным составляющим ирландской культуры — гэльскому языку и католической церкви, преследуя по закону тех, кто говорил на этом языке и исповедовал католицизм.

Язык и церковь приняли удар на себя. Отчасти поэтому у ирландцев поэты и барды — основные носители языковой культуры — и по сей

день почитаются наравне с воинами. Тем не менее гэльскому языку все же был нанесен большой урон. На сегодняшний день он является первым языком всего для 30 тысяч ирландцев.

Брэдбери немного иронизирует над ирландскими католическими священниками, которые чертыхаются и пьют, не отставая от своей паствы. Однако католическая церковь сыграла в Ирландии важную роль: священники воевали, возглавляли крестьянские восстания против англичан, возрождали национальные виды спорта; а в 1838 году отец Теобальд Мэтью подписал обет полного отказа от спиртного, что послужило началом Движения за трезвость, поддержанного тысячами сторонников, и к концу 1842 года несколько миллионов человек — почти половина взрослого населения Ирландии — «завязали» с выпивкой. Упали акцизные сборы, сократилась преступность, и наполовину свернулось производство виски. Но грянул страшный картофельный голод 1846—1848 годов, и антиалкогольная кампания сошла на нет.

Ирландия приняла христианство в середине V века, что предопределило ее судьбу на многие столетия вперед. День св. Патрика, покровителя Ирландии (17 марта), празднуют все, кто считает себя ирландцем. Насаждение англичанами протестантизма и запрет на католицизм в конечном счете дали результат только в Северной Ирландии, где протестанты составляют большинство; в Ирландской Республике их почти нет. В главе 9

конфликт между католиками и протестантами наглядно показан.

В речи героев книги встречаются нелестные отзывы об англичанах, а лорда Килготтена (глава 18) уважают, несмотря на то что раз в год он навещается на пару недель в Лондон. Отношения между англичанами и ирландцами, мягко выражаясь, никогда не были добрососедскими. Колонизация Ирландии англичанами началась около 700 лет назад. Местное кельтское население сгоняли с земли или уничтожали физически. Особенно свирепствовал Оливер Кромвель.

Одновременно на конфискованных землях внедрялось протестантское население из Англии и Шотландии. Это удалось в Северной Ирландии, что позволило Великобритании оставить Северную Ирландию за собой, когда ирландцы в декабре 1921 года ценой невероятных жертв вернули утраченную независимость и провозгласили независимое «Свободное государство» (глава 4) в южной части Ирландии. Проблема Северной Ирландии, оставшейся в составе Соединенного Королевства, до сих пор не разрешена.

Однако вернемся в паб. В конце концов, он не больше и не меньше чем сцена. Нас должно интересовать, какую пьесу здесь играют. Каких только жанров тут нет: нежная лирика, романтика, мистика, комедия, фарс, розыгрыш, автошарж, драма и трагедия. Если проанализировать сюжеты большинства глав в книге, то выяснится, что они замешены на абсурдной или парадок-

сальной ситуации, которая в основном создает комический эффект, а иногда драматический или даже трагический. Временами может показаться, что вам рассказывают историю, фабулой для которой послужил анекдот из воображаемого цикла анекдотов про остров Невезения, где ничего не растет и не ловится. У героев книги все действительно не в лад и невпопад. И все же Брэдбери над ними не издевается, как не издевается над своими «чудиками» Василий Шукшин. Брэдбери подтрунивает над ирландцами, потому что они и сами не прочь посмеяться над собой.

По книге Брэдбери нельзя составить представление о сегодняшней Ирландии. Та нищета, голод и смуты, что описаны у Брэдбери, давно канули в небытие. По словам самого автора, эта книга — «запоздалое» признание в любви людям, стране и народу, с которыми его свела судьба много лет назад.

Арам Оганян

Болотные страсти

Разговор шел о женщинах — и вообще, и в частности.

Дело было в питейном заведении Гибера Финна, которое, правда, частенько бывает закрыто, однако располагает к приятной беседе; ну а сам городок называется Килкок (извините за невольную рифму) — это в графстве Килдэйр, на реке Лиффи, к северу от Дублина, вдалеке от столичных пределов.

Так вот: в этом пабе, который в тот день был открыт, но не то чтобы набит битком, речь действительно шла о женщинах. Все другие темы были уже исчерпаны — лошади, собачьи бега, сравнительные достоинства пива и крепких напитков, стервы-тещи, от которых просто спасу нет, — и разговор естественным образом вернулся к женщинам как таковым, то есть к тем, которых в нужный момент рядом нет. А если есть, то одетые.

Каждый собеседник вторил предыдущему, каждый следующий соглашался с первым.

— Одно из рук вон плохо, — говорил Финн, подогревая страсти. — Во всей Ирландии не сы-

щешь сухого клочка земли, где можно при желании лечь и с облегчением встать.

— Это ты удачно вставил, прямо в очко, — поддержал почтмейстер Тимулти, отлучившийся со службы, чтобы по-быстрому пропустить стаканчик (на почте в очереди стояло каких-то человек десять, никак не более). — Кругом дороги, священник бдит, жена следит. Где, спрашивается, человеку заняться физической подготовкой, чтобы его советами не замучили?

— Всюду болота, — добавил Нолан, — места плоские, что блин. Ни дать ни взять.

— Перепихнуться негде, — без затей высказался Риордан.

— Да мы о том и речь ведем, сколько ж можно? — неодобрительно прервал его Финн. — Тут загвоздка в другом: как нам быть-то?

— Для начала разогнать тучи, а потом — священников, — предложил Нолан.

— Вот это будет праздник, — дружно загалдели все присутствующие и выпили до дна.

— Как тут не вспомнить случай с Хулигэном, — сказал Финн, вновь наполняя стаканы и кружки. — Полагаю, те события еще не стерлись из памяти?

— Ну и что с того, расскажи, Финн!

— Дело было так. Этот Хулигэн окрутил одну деваху: с виду, конечно, не подарок, но и не так чтобы мешок гнилой картошки. Повел он ее за город, где болото слегка подсохло, да и говорит: стань-ка вот туда, на кочку. Если не провалишь-

ся — я за тобой. Ну, она шаг сделала, повернулась, чтоб его позвать, — тут ее и засосало! А ведь он к ней даже пальцем притронуться не успел. Пока собирался крикнуть: «Назад!» — ее и засосало.

— На самом-то деле, — вмешался Нолан, — Хулигэн бросил ей петлю, чтоб затянула вокруг пояса, а эта малахольная возьми да и накинь ее на шею. Уж как он тянул — едва не задушил. Но у тебя занимательней выходит, Финн. Кстати, об этой истории даже песню сложили!

И Нолан запел, а другие подтягивали, когда могли вспомнить слова:

Констебли вчера отписали в столицу,
Как зыбкая топь схоронила девицу.
Милок ее, Хулигэн, местный балбес,
Повел нашу Молли в болотистый лес.

Там платье сорвал с нее вместе с бельишком,
Но Молли противилась, видно, не слишком.
Вконец разомлев, опустилась на спину,
Да так нагишом и попала в трясину.
Захлюпала жижа под кряканье уток,
И Молли-бедняжке пришлось не до шуток.
А старый кабан, что по лесу бежал,
Скупую кабанью слезу не сдержал...

— Там еще куплеты есть, — сказал Нолан. — Сам-то Хулигэн после того случая умом повредился. Оно и понятно: все рассчитал, а дело сорвалось. С той поры он даже на мостовую ступить боится — десять раз ногой потрогает, чтоб не затянуло. Давайте я дальше спою.

— Ни к чему это! — вскричал Дун: росту в нем было метра полтора, но когда ему случилось бывать в присутственных местах, он раньше всех выскакивал из зала, пока не заиграли государственный гимн. По этой причине его прозвали Гимнаст. Теперь он возвысил голос и, привстав на цыпочки, в знак протеста размахивал кулаками. — Хватит разводиться эту бодягу! Изо дня в день одно и то же — а дело не двигается! Допустим, в наши края потоком хлынет женский пол — что нам тогда делать, как забиться в укромную шелку?

— И то верно, — согласился Финн. — Господь Бог посылает ирландцу искушение, а потом — сразу лишение.

— Муки мученические, — подхватил Риордан. — Я постоянно хожу в киношку, в «Гэйети», беру билет на вечерний сеанс, в последний ряд, но даже там нет возможности себе потрафить!

— В «Гэйети»? — ужаснулся от воспоминаний Нолан. — Чур меня! Как-то раз пришел я посреди сеанса и в темноте нащупал девчонку. Шустрая попалась, трепетала, словно форель в ручье. А как свет зажгли, посмотрел, с кем связался, — ну, старая кикимора, честное слово. С горя напился до умертвия. Пропади она пропадом, эта киношка «Гэйети». Идешь туда с мечтой, а потом кошмары снятся!

— Значит, больше некуда податься с низменными целями, кроме как на топь, где и утонуть недолго. Вот скажи, Дун, — обратился к нему

Финн, — есть ли у тебя на сей счет какие-нибудь мысли? Ты хоть ростом и не вышел, зато башка здоровенная.

— Мысли есть! — Дун не мог стоять без движения: его кулаки рубили воздух, пальцы выводили причудливую вязь, а сам он пританцовывал под воображаемую музыку. — Согласитесь, здешние болота — это единственное место, куда еще не ступала своими изящными ножками Святая церковь. Но с другой стороны, это также единственное место, где девушка, существо забитое и бестолковое, может испытать свою волю, чтобы понять, достанет ли у нее сил не опуститься на самое дно. Верно говорят: если засосет — не выдать ей могилы на кладбище. А теперь слушайте внимательно!

Дун сделал паузу, чтобы все уставились на него и наострили уши.

— Нам нужен гений науки, великий стратег, который, решив заново сотворить мир, сразу приступит к телу. Есть лишь один человек, кому по плечу такая задача: это — я!

— Ты?! — вскричали все в один голос, как от удара под вздох.

— Молоток у меня есть, — сказал Дун. — А вы несите гвозди.

— Картинку прибить, — съязвил Финн, — да поровнее.

— Прежде чем сюда идти, я ковал победу, — продолжал Дун, который спал до полудня, а в три часа снова лег в постель, чтобы обрести

необходимый душевный настрой и пересмотреть наши судьбы. — Мы чешем языки и рашатываем нервы, пока на небе готовится взойти луна, а хищные топи замирают в ожидании добычи. За порогом этого паба брошены наши велосипеды — капища спиц и рулей. Когда наступит момент истины, каждый из нас должен вскочить в седло и отправиться на болота, чтобы вбить вешки и натянуть бечеву, раз и навсегда. Горячая кровь и горячительная влага помогут нам составить на будущее план местности, отметить неприступные и обманчиво безобидные участки, а также провести хронометраж утопления, чтобы впоследствии приходиться в те же места, но уже твердо зная, что позади фермы Доули тянется открытый луг, на котором, если замешкаешься, будешь погружаться в трясину со скоростью два-три дюйма в минуту. А еще дальше лежит выгон Лиэри, где коровам нужно пошевеливаться, чтобы их не затянуло в болото, — они даже пасутся на ходу. Куда как полезно будет запомнить, какие плашки надо обходить стороной и где искать твердую почву!

— Ай да молодец! — вырвался у всех и каждого вздох восхищения. — Это дело нужное!

— Так чего мы ждем? — Дун устремился к дверям. — Допивайте — и в седло. Неужели мы и дальше будем прозябать в сомнениях? Или наконец-то сыграем с Всевышним, так сказать, на его поле?

— На поле! — Завсегдатаи выпили по последней.

— К Всевышнему! — решили они, и Дуна волной вынесло за порог.

— Мы закрываемся! — прокричал Финн, благо в пабе никого не осталось. — Закрываемся!

У Дуна развевались на ветру фалды пиджака; можно было подумать, впереди ждет свидание с небесами, а сзади гонится Люцифер, однако, вылетев на дорогу, Дун ухитрился показывать носом то в одну сторону, то в другую, как заправский краевед:

— Это земли Флэгерти. Жуткая топь. Затягивает аж на фут в минуту. Если кто зазевался — потом ищи-свищи.

— Ну и ну! — протянул кто-то из велосипедистов, обливаясь потом. — Тут бы и сам Иисус Христос не перешел, как посуху!

— Да уж, он бы в наших краях был один в двух лицах: первый и последний, а между ними — никого! — добавил Финн, который успел догнать кавалькаду.

— Куда мы едем-то, Дун? — отдуваясь, спросил Нолан.

— Скоро узнаете! — Дун переключил скорость.

— А когда доберемся до места, — начал Риордан, которого осенила внезапная мысль, — и станем производить хронометраж, кто у нас будет за бабу?

— Вот-вот, кто именно? — забеспокоились остальные, когда велосипед Дуна свернул с дороги и высек колесами сноп искр. — Не мы же, в самом-то деле?

— Спокойно! — отозвался Дун. — Один из нас только притворится бедной девушкой, обманутой девой, кургизанкой...

— Вавилонской блудницей? — подсказал Финн.

— Кто ж на это пойдет?

— Тот, кто показывает вам задницу! — прокричал Дун, вырываясь вперед. — Конечно, я!

— Ты?

Среди велосипедистов едва не образовалась куча-мала.

Предвидя такую опасность, Дун повысил голос:

— Если все сойдет гладко, готовьтесь к новым сюрпризам! А теперь, бога ради, тормозите! Приехали!

Незадолго до их прибытия здесь прошел дождь, но, поскольку дожди шли постоянно, этого никто не заметил. Теперь тучи расплзлись в разные стороны, как театральный занавес, и явили миру лежащий между лесом и проселочной дорогой выпас Браннагэна, который начался в туманной дымке и уходил в молоко.

— Браннагэновы земли! — Велосипедисты остановились как вкопанные.

— Здесь витает тайна, чувствуете? — прошептал Дун.

— И впрямь витает, — шепнул кто-то в ответ.

— Одобрите мой дерзновенный замысел?

— Бегом — марш! — Таково было общее решение.

— Уж не сдрейфил ли ты, Дун?

— Какие могут быть изыскания, если первопроходец помчится по этой топи, словно нахлестанный бык? Тут нужны двое, чтоб идти след в след. Я, как и обещал, буду за женщину. Но мне требуется напарник — один из вас.

Велосипедисты, не спешиваясь, попятились назад.

— Ты со своими научными методами отвадишь нас и от пива, и от джина, — заметил Финн.

— А как добиться правдоподобия — верно я выразился, скажи, Дун? Напарнику трудновато будет представить тебя дамочкой.

— Может, ради такого дела, — надумал Риордан, — привести сюда какую ни на есть тетку? Да хоть из монашек...

— Только не монашку! — в ужасе шарахнулись остальные.

— Можно и чью-нибудь жену, — предложил Дун.

— Жену? — Ужас достиг предельной точки.

Приятели вогнали бы его в землю, как острый кол, не зная они, что он завязтый шутник.

— Ну, хватит! — вмешался Финн. — У кого есть карандаш и бумага для записи цифр и обозначения смертельно опасных участков?

Все как один тихо ругнулись. Никому не пришло в голову захватить карандаш и бумагу.

— Вот черт, — забормотал Риордан. — Придется восстанавливать цифры по памяти, когда вернемся в паб. Ладно, ступай вперед, Дун. А мы тут быстренько подберем исполнителя мужской роли — он пойдет следом.

— Была не была! — Дун швырнул на землю велосипед, прочистил горло, смачно сплюнул и стал шаг за шагом, балансируя локтями, продвигаться по бескрайней предательской жиже, которая поглотила не одну любовную парочку.

— С чего это нас на глупости потянуло? — всхлипнул Нолан, прослезившись от мысли, что распрощался с Дуном навеки.

— Но каков герой! — утешил его Финн. — Разве мы отважимся прийти сюда со сговорчивой бабенкой, если не будем знать, что лучше: тянуть или дергать, рухнуть или устоять, предаться любви или еще одну ночь терпеть тесноту в пижамных штанах?

— Носки промокли! — посетовал Дун, удалившись на изрядное расстояние и напрочь отрезав себе путь к спасению. — Но я не сдаюсь!

— Ты дальше зайди, — посоветовал Нолан.

— Видали?! — возмутился Дун. — Сперва говорит: «На глупости потянуло», а теперь гонит на минное поле! Я и так еле ноги передвигаю.

Через некоторое время Дун вдруг завопил:

— Ой, в лифт попал! Книзу тащит!

Отчаянно размахивая руками, он старался удержать равновесие.

— Пиджак сбрось! — заорал Финн.

— А?

— Избавься от помех, дружище!

— А?

— Кепку долой!

— Кепку? Обалдел, что ли? Кепка-то при чем?

— Тогда штаны сними! И разуйся! Как будто готовишься к Главному Делу, даром что кругом сырость.

Не желая лишаться кепки, Дун сражался с пиджаком и ботинками.

— Засаедем время! — скомандовал Нолан. — Ты уж исхитрись, Дун: развяжи шнурки и галстук, а иначе мы так и не узнаем, что с себя успеет сдернуть баба и насколько продвинется наш брат, пока их не затянет с головой. Надо же понять, успеем мы или не успеем «вкусить наследье плоти». Неужто его и вправду «сном кончаешь»? Или лучше будет «такой развязки не жадать»?

— Кто это сном кончает? Чтоб тебе повылазило! — огрызнулся Дун.

Извергая проклятья и бранные эпитеты, от которых раскалился воздух, он приплясывал на трясине и между делом умудрился сбросить пиджак, потом рубашку, галстук, уже готов был спустить штаны и затмить лунную округлость, когда прогремел небесный глас, разнесшийся горным

эхом, как будто на землю неведомо откуда рухнула гигантская наковальня.

— Что здесь происходит? — прогремел этот самый голос.

Тут каждого из мятежников сковали ледяные оковы греха.

Дун, готовый провалиться сквозь землю, как сортовая картофелина, тоже застыл каменным истуканом.

Застыло даже само время, потому что над болотом опять зарокотал громоподобный голос, от которого лопались барабанные перепонки. Луна поспешила укрыться в тумане.

— Я вас спрашиваю: какого черта вы тут делаете? — вопрошал грубный глас.

Дюжина голов повернулась в сторону Судного дня.

На дорожном пригорке стоял преподобный О'Мэлли, опустив карающую десницу на свой велосипед, который от этого стал похож на смущенного, тщедушного отрока.

Отец О'Мэлли опять сотряс окрестности:

— Вот ты, и ты, и ты! До чего вы дошли?

— Я лично дошел до исподнего, — пропищал Дун голосом флейты-пикколо и робко добавил: — Отец...

— Вылезай! — перебил священник, делая взмахи рукой, словно косил траву. — Убирайтесь! — повторял он. — Прочь, прочь, прочь! Черт, черт, черт!

И, как одержимый, согнал бунтарей в кучку, обрушив на них потоки лавы, под которыми можно было похоронить целую деревню и уничтожить все живое.

— Прочь с глаз моих! Убирайтесь, негодяи! Сидите в четырех стенах и думайте о душе. И чтобы каждый притащил свою задницу ко мне на исповедь шесть раз подряд, не пропускающая ни одного воскресенья, и так еще десять лет. Ваше счастье, что этот позор узрел я сам, а не епископ, не монашки — сладкие пташки, хотя отсюда до Мейнута рукой подать, и не юные чада из деревенской школы. Дун, подтяни носки!

— Уже подтянул, — сказал Дун.

— Последний раз говорю: вылезай!

Греховодникам ничто не мешало броситься врассыпную, но они, обэзумев от страха, вцепились в свои велосипеды и только прислушивались.

— Скажи-ка, сделай одолжение, — нараспев произнес священник, зажмурив один глаз, чтобы прицелиться, и широко раскрыв другой, чтобы лучше видеть мишень, — за каким хреном тебя туда понесло? Ты что надумал?

— Утонуть, ваша милость... ваша честь... ваша светлость...

И впрямь, Дун медленно, но верно приближался к этой цели.

Пока монсеньор не отбыл восвояси.

Когда его велосипед с благочестивым дребезжаньем скрылся за пригорком, Дун все еще стоял, будто поникший духом Лазарь, размышляя о скорой кончине.

Однако вскоре через заболоченный луг донесся его голос, поначалу непривычно слабый, но с каждой минутой набирающий победную силу:

— Убрался?

— Убрался, — подтвердил Финн.

— Тогда смотрите все сюда, — распорядился Дун.

Они посмотрели, вытаращили глаза, а потом у каждого отвисла челюсть.

— Не тонет, — ахнул Нолан.

— А ведь сто раз мог утонуть, — добавил Риордан.

— Знай наших! — Дун осторожно притопнул ногой и спросил, понизив голос, будто подозревал, что святой отец, хоть и убрался, может его услышать: — Догадываетесь, почему меня не засосало?

— Почему, Дун? — спросил хор голосов.

— Да потому, что я поспрошал стариков и выяснил: давным-давно, сто лет тому назад, на этом самом месте была...

Выдержав эффектную паузу, он закончил:

— Церковь!

— Церковь?

— Добрая римская твердыня на зыбкой ирландской почве! Ее красота укрепляла веру. Но

под такой тяжестью просел угловой камень. Тогда священники сбежали, бросив храм на произвол судьбы — и алтарь, и все прочее, а сейчас на этих развалинах стоит ваш покорный слуга Дун, по прозвищу Гимнаст. Я стою над землей!

— Да это настоящее открытие! — не удержался Финн.

— Не спорю! Отныне именно здесь мы будем изучать глагольные формы: освоим наклонения в разных видах, чтобы в будущем времени, ближайшем и отдаленном, возродить наши чувства к женщинам, — объявил Дун, не покидая сырого мшистого островка. — Но на всякий случай...

— На какой случай?

Дун указал рукой куда-то вдаль.

Его дружки развернули велосипеды, так и стоя над рамами в нелепых позах.

На пригорке, прежде скрытые от глаз, но теперь уже вполне различимые, метрах в тридцати появились две женщины — не розовые бутоны, отнюдь, но вполне пригожие, особенно под покровом тьмы, да еще в таких обстоятельствах.

Росточку в них было — всего ничего. В Ирландии малым ростом никого не удивишь, но эти оказались уж вовсе крошечными: таких увидишь разве что в цирке или на ярмарке.

— Лилипуточки! — воскликнул Финн.

— Артистки варьете, на той неделе выступали в Дублине! — объявил Дун, не вылезая из болота. — Каждая весит вдвое меньше меня, иначе

церковная кровля сдвинется с насиженного места и обрушит нас в пучину!

Дун свистнул и помахал. Дюймовочки, маленькие женщины, прибавили шагу.

Когда они благополучно преодолели трясину и остановились подле Дуна, тот позвал приятелей:

— Не пора ли вам отлепиться от велосипедов и составить компанию танцовщицам?

Все дружно ринулись в болото.

— Назад! — закричал Дун. — Подходи по одному. А то встретимся вечером в пабе...

— И кого-нибудь недосчитаемся, — договорил за него Финн.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЕЛЕННЫЕ ТЕНИ, БЕЛЫЙ КИТ. Роман (перевод А. Оганяна)	5
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	18
ГЛАВА 4	27
ГЛАВА 5	39
ГЛАВА 6	44
ГЛАВА 7	53
ГЛАВА 8	54
ГЛАВА 9	57
ГЛАВА 10.....	100
ГЛАВА 11.....	101
ГЛАВА 12.....	103
ГЛАВА 13.....	130
ГЛАВА 14.....	152
ГЛАВА 15.....	154
ГЛАВА 16.....	182
ГЛАВА 17.....	185
ГЛАВА 18.....	186

ГЛАВА 19.....	202
ГЛАВА 20	206
ГЛАВА 21	208
ГЛАВА 22	221
ГЛАВА 23	232
ГЛАВА 24	250
ГЛАВА 25	261
ГЛАВА 26	262
ГЛАВА 27	286
ГЛАВА 28	310
ГЛАВА 29	340
ГЛАВА 30	358
ГЛАВА 31	360
ГЛАВА 32	373
ГЛАВА 33	380
ОСТРОВ НЕВЕЗЕНИЯ.	
Послесловие переводчика. <i>Арам Оганян</i>	386
БОЛОТНЫЕ СТРАСТИ. Рассказ	
<i>(перевод Е. Петровой)</i>	395

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Рэй Брэдбери

ЗЕЛЕННЫЕ ТЕНИ, БЕЛЫЙ КИТ

Ответственный редактор *Г. Батанов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Л. Зотова*
Компьютерная верстка *М. Караматозьян*
Корректор *Н. Сгибнева*

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндүрүш: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин : www.book24.kz

Интернет-дүкен : www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды

қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ

о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»

www.eksmo.ru/certification

Өндiрген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

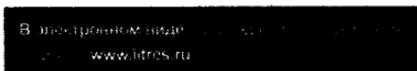
Подписано в печать 16.08.2018. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 3000 экз. Заказ 9425.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.ooompk.ru, www.oolompk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Отпавля торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.
E-mail: reserption@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными отпавля покупателями обращаться в отпавля зарубежный продаж ТД «Эксмо»
E-mail: International@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Ekmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: kvanova.ey@eksmo.ru

Отпавля торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинской р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел.:/факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kano@eksmo-sale.ru, сайт: www.kano-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7(812)801-0-601, www.bookvoed.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для отпавля покупателей:
Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо». Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1.
Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reserption@eksmo-sale.ru
Нижегород. Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза».
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (82, 93, 94). E-mail: reserption@eksmo-nn.ru
Санкт-Петербург. ООО «СЗКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: sever@szko.ru
Екатеринбург. Филиал ООО «Издательство Эксмо» в г. Екатеринбург. Адрес: 620024, г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2ш. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).
E-mail: petrova.se@eksmo.eksmo.ru

Самара. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самара.
Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».
Телефон: +7(846)207-55-50. E-mail: RDC-samara@tkmail.ru
Ростов-на-Дону. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростов-на-Дону. Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 А. Телефон: +7(863) 303-62-10. E-mail: info@rnd.eksmo.ru
Центр отпавля-розничных продаж SeeH&Sary в г. Ростов-на-Дону. Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 В. Телефон: (863) 303-62-10.
Режим работы: с 9-00 до 19-00. E-mail: rostopv.mag@rnd.eksmo.ru
Новосибирск. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске. Адрес: 630015, г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7(383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru
Хабаровск. Обособленное подразделение в г. Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск, пер. Дзержинского, д. 24, литера Б, офис 1. Телефон: +7(4212) 910-120. E-mail: eksmo-khv@mail.ru

Томск. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Томени.
Центр отпавля-розничных продаж SeeH&Sary в г. Томени.
Адрес: 625022, г. Томень, ул. Алябьевская, д. 9А (ТЦ «Перестройка»).
Телефон: +7 (3452) 21-53-96/97/98. E-mail: eksmo-tomsk@mail.ru
Краснодар. ООО «Издательство «Эксмо» Обособленное подразделение в г. Краснодаре
Центр отпавля-розничных продаж SeeH&Sary в г. Краснодаре
Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02).
Республика Беларусь. ООО «ЭКСМО АСТ Си энд Си». Центр отпавля-розничных продаж SeeH&Sary в г. Минска. Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск, пр-т Жувов, д. 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet». Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92.
Режим работы: с 10-00 до 22-00. E-mail: eksmoast@yandex.by
Казахстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровскийого, д. 3 «А».
Телефон: +7 (727) 251-59-90 (91,92). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Интернет-магазин: www.book24.kz
Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073 г. Киев, ул. Вербова, д. 17а.
Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forukraine.com

Полный ассортимент продукции Издательства «Эксмо» можно приобрести в книжных магазинах «Читай-городе» и заказать в интернет-магазине www.chital-gorod.ru.
Телефон единой справочной службы 8 (800) 444 8 444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: market@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-04-097613-3

9 785040 976133 >

В
Б

ОТ
ОСНОВАТЕЛ

ВООБ
БРЭДБЕРИ

ЗЕЛЕННЫЕ
ТЕНИ,
ВЕЛЫЙ КИТ

ISBN 978-5-04-097613-3

9 785040 976133 >

